

1

2025

ISSN 0132-1625

50 ЛЕТ
ЖУРНАЛУ

СОЦИОЛ

Человек, который
по-прежнему многое делает:
к 90-летию Ж.Т. Тощенко

Российская идентичность
как проблема
исторической динамики

Как живешь, деревня?

Девииации в фокусе социологии

НАУКА
— 1727 —

Как стать мэром?
О каналах рекрутирования

Журнал основан
в июне 1974 года

К ЧИТАТЕЛЮ

- 3 КЛЮЧАРЕВ Г.А. О теоретическом наследии
4 ДЕМИДЕНКО С.Ю. Журнал в эпоху перемен

К 90-летию Ж.Т. ТОЩЕНКО

- 10 КАСАВИНА Н.А. «Общество травмы» как концептуализация неопределенности
21 ДОКТОРОВ Б.З. Человек, который по-прежнему многое делает (интервью
с Ж.Т. Тощенко)
30 РОМАНОВСКИЙ Н.В. Восхождение к вершинам науки
42 БУЛАНОВА М.Б. Научно-образовательная модель Ж.Т. Тощенко
46 КРАВЧЕНКО С.А. Ж.Т. Тощенко как социальный диагност
49 Жизненный мир Жана Тощенко

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

- 53 ВЕЛИКИЙ П.П., ВЯЛЬШИНА А.А. Современная российская деревня: актуальные
проблемы и анализ их в аграрной социологии
70 ПОЗДНЯКОВА М.Е., БРЮНО В.В. Развитие прикладных социологических
исследований девиантного поведения в России
85 БАШЕВА О.А. История и теоретические проблемы мировой и российской
инвайронментальной социологии

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 96 ТРУБИЦЫН Д.В. Российская идентичность как проблема исторической динамики
113 ТЕВ Д.Б. Каналы рекрутирования мэров столиц субъектов Российской Федерации

СОЦИОЛОГИЯ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

- 125 ВАН Ю. Конструирование коллективной памяти в социальных медиа:
мультимодальный анализ рекламного дискурса «красного туризма» в Китае

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

- 137 КУДРИНА С.А. Философские основания и этические последствия
социологических теорий
-

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 143 БЕЛЯЕВА Л.А. Социокультурная эволюция России на новом этапе цивилизационного развития
- 146 ЦАПКО М.С., ЦЫБИКОВА Д.Г. На пути к новому общественному договору
- 149 ПОПКОВ Ю.В. Нациестроительство: конструктивизм vs реализм (по итогам российско-сербского научного семинара)
- 151 ЛАДЫЖЕЦ Н.С. «Преобразование образования»: проблемы профессионализации и карьеропостроения в новой модели высшей школы
- 154 ГРАБЕЛЬНЫХ Т.И., САБЛИНА Н.А. Экспертные институты в XXI век

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 158 КОРЫТНИКОВА Н.В. Опросы общественного мнения: варианты социологического изучения в условиях военного конфликта

167 КОРОТКО О КНИГАХ

IN MEMORIAM

- 173 Л.Г. ИОНИН

175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или в № 1 и № 7 журнала. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода номера.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© 2025 г.

О ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ

В середине декабря 2024 г. в стенах Института социологии ФНИСЦ РАН встретились двое ученых – мэтров отечественной социологии – Г.Г. Татарова и Ж.Т. Тощенко. Оба – в дни своих юбилеев – в прекрасной творческой форме и бодром расположении духа. Еще на Харчевских чтениях Жан Терентьевич, заслушав выступление Галины Галеевны, пригласил ее выступить с докладом на заседании Научного совета ООИ РАН «Новые идеи в социологической теории и социальной практике». Заседание было посвящено развитию понятийного (терминологического, концептуального, языкового) инструментария социологических исследований.

Согласитесь, тема эта очень «тонкая», чувствительная, а после фундаментальных работ Р. Мертона, М. Вебера, П. Бурдьё мало разрабатываемая. По всей видимости В.А. Ядов, находясь под влиянием работ классиков, в 1966 г. опубликовал в «Вопросах философии» статью, в которой ввел в оборот и проанализировал одно из фундаментальных социологических понятий – *статистическая фактичность*. Он показал, как в системе других понятий социальные факты обретают смысл и становятся предметом изучения науки.

Но вернемся к нашим героям, которые сделали серьезный прорыв в развитии отечественной теоретической социологии, предложив использовать новые концепты «понятия-инварианты» (Г.Г. Татарова) и «понятия-ноумены» (Ж.Т. Тощенко).

Инварианты имеют исключительно важное значение для методологии. Применение и оценка валидности получаемых с помощью них знания позволяют продвинуться вперед от вероятностных описаний к более достоверным каузальным объяснениям. Хотя Г.Г. Татарова и оговаривает, что речь идет исключительно об эмпирической социологии.

Ноумены могут использоваться в гносеологии или социальной эпистемологии. Эти понятия возникают и эволюционируют на пути теоретического осмысления эмпирического социологического опыта. В какой-то момент исследования они встречаются с кантовскими *ноуменами*, которые идут встречным путем – от трансцендентального «чистого разума» к реальному, фактичному миру. Соединяясь во встречном движении, ноумены способны «помирить» теоретиков и феноменологов, позитивистов и «интерпретативистов» (М. Вебер).

Но здесь мы остановимся. Дальнейшие рассуждения на эти серьезные темы мало подходят под жанр обращения к читателям. Однако наводят на мысль, что каждый прожитый в науке год необратим как с точки зрения развития самой науки, так и объективного прироста знаний. Время социальных наук, и в первую очередь, социологии, однонаправленно, оно идет из прошлого в будущее и определяется исключительно необратимыми и уникальными процессами фактической действительности или, скажем проще, общественной жизни. И хотя наука с формальной точки зрения «привязана» к физическому времени, тем не менее, у нее свои часы, свои способы и эталоны отсчета длительностей. Открытия, которые сделали Г.Г. Татарова и Ж.Т. Тощенко, не только значительный вклад в теоретическое наследие. Они маркируют новый период социологического времени, а в канун Нового года это имеет сакральный смысл.

С Новым 2025 годом, уважаемые коллеги и друзья!

Г.А. КЛЮЧАРЕВ,
главный редактор

© 2025 г.

ЖУРНАЛ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Прошедший 2024 год был юбилейным для журнала. Многие из планируемого удалось сделать. В ряде номеров вышли статьи, заказанные к 50-летию журнала (см. №№ 3, 5, 6, 8, 10), подготовлен и сам юбилейный номер (№ 7, 2024), планируются еще несколько материалов (см. обзорные статьи в настоящем номере). Проведен очередной вебинар «Приоритеты СоцИса (навстречу 50-летию юбилею)»; состоялась научная конференция «Социология: вчера, сегодня, завтра», секционные заседания прошли по основным рубрикам журнала и курировались членами редколлегии журнала; на очередных Харчевских чтениях вновь обсуждались актуальные теоретические вопросы социологии (см. № 11, 2024); подготовлена коллективная монография «Новые идеи в социологии. Книга вторая», которая пока не вышла в свет. Также благодаря помощи студентов-практикантов ГАУГН¹ удалось провести опрос читателей и авторов нашего журнала. Всего было собрано 289 анкет из разных уголков нашей страны.

Уважаемые читатели! Редакция журнала благодарит вас за участие в нашем опросе. Мы обязательно подготовим материал по анализу полученных данных, но в этом приветственном слове хотелось бы разобрать тот открытый вопрос, которым заканчивалась анкета. Мы просили написать пожелания по улучшению журнала СоцИс и редакционного процесса в целом (рецензирование, взаимодействие с редакцией и редакторами и т.д.). Конечно, мы понимаем, что сколько читателей – столько и мнений. Многие зависят от опыта работы и взаимодействия с редакцией, от личностных свойств, от желания делиться своими соображениями и пр. Но тем не менее мы получили не только слова благодарности за нашу работу, но и самые разные предложения и замечания, в том числе критические, которые можно обобщить и внедрить в работу.

Мы очень рады, что читатели обращают внимание на **актуальность** публикуемых материалов («Актуализация публикуемых материалов в соответствии с текущими событиями в стране, в частности, СВО. Исключить из публикации “идеологические” статьи конъюнктурного плана (“колебался вместе с линией партии”), следовать принципам научности и объективного подхода к отбору публикуемых материалов» (№ 1²)). Действительно, социология как общественная дисциплина должна анализировать прежде всего современное общество и процессы, происходящие в нем. Однако академический журнал тем и отличается от публицистических изданий, что публикует не поспешные выводы по горячим следам, а результаты научных исследований, которые требуют времени для взвешенного анализа, возможности посмотреть на развитие событий и последствия, собрать больше информации. Порой нужно дистанцироваться, чтобы лучше осмыслить происходящее. Оперативная аналитическая информация должна собираться, но публикуется она в основном в отчетах. Это вовсе не означает, что следует избегать острых и актуальных тем: у журнала нет «запретной» тематики, однако статьи должны следовать прежде всего принципам научности. Поэтому редколлегия и редакция журнала тщательным образом подходят к отбору материалов и подготовке замечаний, но сами социологи порой не торопятся давать оценку событиям. Однако СоцИс не отказывается от публикации на острые темы (см., например, статью молодого автора М.Р. Габараевой о проблемах дестабилизации в России за счет активизации Telegram-каналов (№ 8, 2024) или рецензию Н.В. Корытниковой в настоящем номере, посвященную анализу опросов, проходящих в условиях военного конфликта и др.). Если говорить именно о политической социологии, то хотя число статей в 2024 г. и возросло в два раза по сравнению с 2023 и 2022 гг.,

¹ Редакция благодарит Елену Сагайдачную и Анастасию Полтавскую за помощь в проведении онлайн-опроса.

² Здесь и далее – номер анкеты.

на это повлияло появление обзорного материала (И.Н. Трофимова, № 7, 2024), статей, анализирующих ситуации в других странах (А.В. Атанесян и В.А. Аникин рассматривают армянское общество после войны в Карабахе (№ 12, 2024), Басаева Е.К. и др. – протестное общество в странах Юго-Восточной Азии (№ 2, 2024)).

Заметим, что у нас существует рубрика «Социологическая публицистика», в которой публикуются эссе по самым разным темам, выражающие личную позицию и не всегда претендующие на научный анализ. Подобные тексты, на наш взгляд, вносят свой вклад в обсуждение актуальной повестки, в том числе по теоретической социологии (см., например, статьи Д.Г. Подвойского (№ 7, 2024) или А.Г. Щелкина (№ 6, 2024)). Что касается предложения исключить «идеологические» статьи, то мы поддерживаем его. Редакция старается не пропускать и «конъюнктурные» статьи (хотя грань очень тонка и чаще всего при тщательной редакции и работе с авторами можно добиться изменения качества статьи и повышения ее обоснованности). Однако сама идеология как объект социологического анализа представляет интерес (см., например, статью М.Ф. Черныша в № 6, 2024).

«Журналу стоило бы обращать больше внимания на крупные темы, пока акцент только на качество статьи, а не на то, какое количество читателей она способна заинтересовать. В итоге засилье мелкотемья» (№ 82). О проблеме мелкотемья журнал заявляет не первый год, в том числе и в обращениях к читателю. К сожалению, это зависит не только от работы журнала. Как правильно отмечено: «Необходим переход от пассивной тактики – ожидания качественных статей к активной тактике – поиска и публикации острых, злободневных исследований, преследующих цели конкретных трансформаций во всех сферах бытия!» (№ 123). СоцИс никогда не занимал выжидательную позицию. Редакционный портфель наполняется не только стихийно поступающими материалами, но и заказными статьями, в том числе и по отдельным тематическим рубрикам. Другое дело, что «журнал – это зеркало отечественной социологии, нужно менять сам предмет отражения (улучшать общую теоретическую и методическую культуру)» (№ 160). Не все заказанные материалы доходят до регистрации (обещают, но не присылают) и не все – до публикации в журнале (когда полученная статья не поддерживается рецензентами). Конечно, нет предела совершенству – улучшение теоретической и методической культуры никогда не помешает, но все же замечу, что за последние годы этот уровень значительно вырос. Однако уменьшилось само число поступающих материалов, особенно качественных, а для ежемесячного журнала это актуальная проблема. Поэтому «в целом хотелось бы больше программных, дискуссионных, обобщающих статей теоретико-методологического толка, в том числе с выходом в междисциплинарное поле социальных наук...» (№ 100). Хотя междисциплинарные статьи довольно редки, и работа с ними идет порой довольно продолжительно, но продуктивно (см., например, статью А.А. Смеловой (8, 2024)), не стоит забывать, что СоцИс не мультидисциплинарный журнал. Мы стараемся публиковать статьи именно по социологии, а междисциплинарность должна помогать развивать нашу дисциплину и совершенствовать научный язык и коммуникацию, приводить к нетривиальным и интересным выводам. Однако согласимся с одним из читателей, что «в последнее время есть некоторый позитивный крен в социальную философию...» (№ 42). На мой взгляд, это может быть связано с возможным переформатированием границ дисциплин. Но все же, публикуя статьи смежных дисциплин и междисциплинарного характера, мы понимаем, что важно привносить новое именно в социологию.

Проблему недостатка теоретических статей наблюдают не только редакторы, но и читатели: «создается впечатление, что на страницах журнала правит балом эмпирическая социология, недостает глубоких теоретических работ, эмпириков множество, а вот где теоретики? – а ведь это фундамент любой науки!» (№ 242). В 2024 г. сократилось число статей в рубрике «Харчевские чтения» (всего две, а обычно не менее шести в трех номерах). Хотя мы рады, что появляются молодые авторы, занимающиеся теоретическими разработками (Д.А. Давыдов (№№ 1, 2, 2024), Е.А. Григорьева (№ 4, 2024); И.А. Латыпов, Т.Е. Даутова (№ 10, 2024); А.К. Спиркина (№ 6, 2024)). Однако согласимся с мнением:

«Одним из основных недостатков считаю увлечение авторов публикаций зарубежной социологической мыслью в ущерб российской. Это выражается в содержании текстов и в списках источников» (№ 141). Редакция старается реагировать на это, указывая в рекомендациях на обращение и к российским источникам. К сожалению, по-прежнему бытует мнение о «вторичности» отечественной социологии в сравнении с западноевропейской и американской («наша социология в целом не слишком инновационная, есть много элементов вторичности по отношению к американской социологии, и это сказывается на шаблонах работы редакторов» (№ 86).

Но сама **идея обращения к российской истории социологии** важна. Поэтому уже не первый год СоцИС инициирует подготовку статей к юбилеям исследователей (например, 100-летию – В.Н. Шубкина (№ 8, 2023), А.Г. Харчева (№ 5, 2021), С.А. Кугеля (№ 12, 2024)). Интересен материал о социологическом наследии А.А. Богданова, подготовленный Г.Д. Гловели (№ 11, 2023). В № 3, 2024 г. вышла статья А.Н. Малинкина о Н.А. Бердяеве к его 150-летию юбилею, хотя, конечно, это ближе к социальной философии, но хотелось бы не забывать о наших российских корнях социальной мысли. Предлагается «акцентировать внимание к истории российской социологии – не только с точки зрения ее релевантности для российского поля исследований и разработок – но и для глобального поля. Это позволит повысить престиж социологии в России. В частности, прекрасная практика журнала по выпуску переводов авторитетных мировых авторов – могла бы сопровождаться специально инициированными под эти переводы дискуссиями в виде статей “в ответ”, опирающихся на российскую традицию» (№ 168). Что касается организации дискуссий вокруг переводов, то это интересное предложение. Журнал всегда открыт для обсуждений и опубликованных материалов, и переводов, можно присылать статьи в формате для рубрики «Письмо в редакцию» или «Дискуссия. Полемика», ссылаться на материалы в собственных статьях, чтобы продолжать обсуждение темы.

Были **предложения по созданию тематических номеров**. («Я бы пожелал “оживить” тематику. Возможно, стоит делать тематические номера (№ 162); «подумать о спецвыпусках по той или иной тематике» (№ 168); «формировать тематические выпуски» (№ 50) и пр.). СоцИС в свое время делал спецномера по гендерной социологии, военной социологии, белорусской социологии и пр. Создание таких тематических номеров – дело серьезное и кропотливое; к сожалению, в настоящее время ресурс журнала ограничен. Кроме того, подобные номера собираются довольно долго, а сегодня все исследователи стремятся быстрее опубликовать статьи для отчета и получения финансирования. Гораздо эффективнее собирать тематические спецрубрики, что мы ежегодно и осуществляем с разной степенью успешности. Мы всегда готовы к предложениям по тематическим рубрикам, в том числе к юбилейным датам. Например, в мае хотелось бы подготовить спецрубрику к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, и работа уже ведется.

Особое внимание читатели обращают на **авторский состав журнала**. К сожалению, бытует мнение о публикации в основном столичных авторов и недостаточном внимании региональной социологии («сделать четкую рубрику по региональным исследованиям, чтобы была возможность публиковаться» (№ 26); «проявлять внимание к авторам из регионов» (№ 49); «предоставлять больше возможности опубликования статей региональным авторам, не печатать из номера в номер одних и тех же авторов из одного и того же региона» (№ 98)). Этот миф убедительно развенчали в своей статье И.В. Образцов и А.В. Половнев (№ 7, 2024). Отметим, что за последние годы наблюдался большой отток социологов из регионов в столицы (Москву и Санкт-Петербург), поэтому естественно, что количество статей столичных социологов прирастает. Долгое время в журнале существовала рубрика «У нас в гостях...», где предоставлялось слово социологам из разных регионов и институтов, и эта рубрика способствовала развитию и поддержанию региональной социологии. Но стоит ли сегодня делить социологов на региональных и столичных? Разве не должно быть в приоритете качество самих материалов? Например, поступило предложение «проявлять определенную гибкость и открытость к исследователям из вузов: «надо понимать,

что возможности инициативного исследователя, безусловно, ограничены (выборка, сбор и обработка материалов первичного исследования, нехватка времени и сил вузовского педагога с огромной педнагрузкой на масштабные и глубокие исследования, жесткие условия к наукометрическим показателям без внимания к научному качеству работы)» (№ 28). Однако с развитием Интернета и средств коммуникаций доступ к знаниям стал практически равный, а хорошую статью можно подготовить даже на локальном региональном исследовании (см., например, статьи Ю.В. Андреевой, Е.Л. Лукьяновой (№ 8, 2024) и В.Ю. Бочарова (№ 5, 2024)).

Другой вопрос – о ротации авторов: «Предоставляйте возможность публикации всем социологам, не только “своим”» (№ 24); «приятно и радостно читать мастодонтов от социологической науки, но хочется видеть больше новых авторов, чтобы понимать, кто еще в стране пишет по интересующей тематике» (№ 79). Конечно, журнал заинтересован в новых хорошо пишущих авторах и нас радует рост числа молодых исследователей, которые готовят интересные материалы (например, Е.А. Щецова (№ 10, 2024), Р.Д. Карих (№ 10, 2024) и др.). Поэтому в журнале по-прежнему ведется бережная работа с молодыми авторами, существует рубрика «Первые шаги», в конкурсе на лучшие статьи имеется номинация «Успешный дебют». И нужно признать, что порой статьи молодых исследователей бывают гораздо качественней и интереснее, чем опытных авторов, но это скорее исключения. В целом предложение – «отказывать даже статусным авторам, если они пытаются опубликовать откровенно слабые статьи» (№ 162) – реализуется: не все статьи таких авторов доходят до публикации, иногда по причине непрофильности, иногда из-за справедливых замечаний рецензентов к их качеству. Но, повторюсь, журнал не существует вне социологического сообщества. Нужно не забывать про дискуссионный характер журнала, мы можем предоставлять свою площадку для обсуждения тех или иных материалов, конечно, находясь в поле научного диалога.

Обращается внимание и на привлечение «зарубежных авторов из ведущих стран БРИКС» (№ 86), необходимость «сохранять и развивать связи с современными зарубежными авторами» (№ 135); «активнее привлекать авторов из стран Западной Европы и США» (№ 133). Такая работа в журнале ведется, хотя и осложняется геополитическими реалиями. В этом году, например, выйдет статья турецкого социолога, анализирующего развитие военной социологии (в плане № 2, 2025). Читатели заметили увеличение в последние годы числа авторов из Китая, которые пишут как отдельно, так и в соавторстве с россиянами. По-прежнему журнал дает переводы социологов (см., например, Дж. Го в № 1, 2024), хотя эта сложная работа не оплачивается и не поощряется. В 2024 г. получилось взять интервью у С. Тернера (№ 5, 2024), Ф. Ферраротти (№ 12, 2024). Те, кто отслеживает рубрику «Журнальный гид», обратили внимание на расширение списков журналов (появились из стран БРИКС).

Довольно много замечаний было по **процессу рецензирования**, например, предложения по стандартизации форм рецензий; на этот запрос я отвечала в отдельной статье (см. № 10, 2024), поэтому подробно останавливаться здесь не буду. Отмечу только, что мы предпочитаем «свободные» рецензии, фокусирующиеся на вопросах об актуальности, научной новизне, аргументированности выводов, обоснованности методологии и методики, с описанием сильных и слабых сторон статьи и рекомендациями по доработке. Редакция благодарит наших внешних рецензентов и членов редколлегии за подробные отзывы. Ваши рекомендации помогают авторам в доработке текстов, а редакции – определиться с решением. Что касается предложений по ускорению сроков рецензирования, то считаем, что отведенные два месяца на рассмотрение статьи вполне приемлемы.

Хотелось бы отдельно уделить внимание вопросу **взаимодействия редакторов с авторами**. Например, был такой комментарий: «Все очень индивидуально и зависит от того, к какому редактору попадет статья. Повезет, если редактор является опытным и практикующим исследователем, тогда коммуникация выстраивается в конструктивном ключе. Но бывают и другие случаи, откровенного затягивания редакторской работы и неуважительного

диалога с автором...» (№ 14). Или следующий: «Взаимодействие с редакцией СоцИса – потеря! Есть очень хорошие и профессиональные редакторы, с которыми работать удовольствие, рукопись преобразуется. А есть условные “специалисты”, срывающие все возможные сроки, откровенно врущие авторам и даже позволяющие себе хамить. Для журнала, претендующего на лидерство в отрасли, это недопустимо!!! Все должно быть по регламенту, а в итоге превращается в междусобойчик, журналу явно требуется пересмотр рабочих процессов и повышение этических норм» (№ 20). Действительно, у каждого редактора свой стиль работы и уровень загруженности. Но мне бы хотелось подчеркнуть, что сегодня коллектив редакции один из наиболее сильных за многие годы. Все редакторы имеют немалый опыт научной и исследовательской работы. И хотелось бы выразить слова благодарности им за этот, по сути, добровольческий труд. Прошедший 2024 год был особенно сложным. Работники редакции не были трудоустроены почти четыре месяца. И хотя нашему учредителю РАН удалось с временных коротких годовых контрактов, которые начались в 2018 г., наконец перевести сотрудников на постоянные, трудоустройство, по сути, имеет прекарный характер в основном из-за низкого уровня оплаты труда и его несоответствия тем усилиям, что затрачиваются на подготовку статей и номера. Конечно, это все сказывается и на мотивации сотрудников, и на сроках подготовки номеров. На протяжении долгого времени требования пересмотра оплаты труда сотрудникам редакций игнорируются, а 2024 год оказался критическим для многих академических журналов – политика РАН в отношении них не сняла многие проблемы их выживания. Однако несмотря на сложную ситуацию, мы стараемся регулировать конфликтные ситуации во взаимоотношениях с авторами, которые возникают, как и в любой редакции.

Довольно большое число комментариев и пожеланий было связано с **объемом статей** и необходимостью его увеличения («Довести объем публикуемых статей до нормального уровня в 1,5–2 п. л.» (№ 19), «увеличить объем знаков (у вас много выпусков, вы пытаетесь быть первым и ведущим журналом, а не листком газеты): нормальное исследование с теор.[етической] подложкой и нормальным списком литературы невозможно уложить в 40 тыс., хотя бы формальные вещи исключите из объема, как в большинстве адекватных журналов» (№ 26); «требования по объему статьи (40000 знаков) очень жесткие, все равно что-то из важного остается за рамками статьи, приходится урезать список литературы» (№ 41); «Очень небольшие объемы статьи, не для всех сюжетов это подходит» (№ 46). Эта проблема поднимается не первый год, и мы регулярно обсуждаем ее и на наших редакционных совещаниях. Однако отмечу, что объем статьи теперь не включает английский блок, таким образом, он уже увеличивается примерно до 45–47 тыс. знаков (классический пример академической статьи в 40 тыс. знаков). Также журнал делает исключения для комплексных исследований, крупных проектов, круглых столов и аналитических обзоров. СоцИс давно публикует статьи в двух частях. Поэтому замечание, что «ограничения по объему в 40 тыс. зн. не позволяют подавать в Социс комплексные исследования, которые требуют подробного пояснения постановки вопроса, методики и методологии и пр. – в итоге, ухудшается содержание журнала в целом, поскольку с таким объемом (при наличии двух списков литературы на англ. и рус.) подаются лишь статьи с решением точечных, конкретных (и не всегда интересных) задач» (№ 150), – не вполне соответствует реальности. Журнал всегда рассматривает возможность публикаций большего объема, однако ресурсы журнала не позволяют понизить планку для всех поступающих статей, так как это значительно увеличивает нагрузку на редакцию.

С другой стороны, не всегда повышение объема статьи и необходимо. Выражение «отжать воду», в том числе иногда за счет непропорционально развернутой обзорной части, хорошо подходит для успешного сокращения многих больших «на входе» материалов. Возможно, мнение – «достоинство журнала в том, что не поддерживается большая часть иностранных требований к форматам написания статьи» (№ 136) – как раз и относится к объемам статьи и формализму в структуре подачи.

Было довольно много предложений, которые редакция реализовать не может, т.к. они решаются на уровне издательства и учредителей. Например, «доступ к полным текстам статей» (№ 57). В настоящее время доступ к статьям имеется на сайте РАН сразу после выхода статей в печать, однако это не финальные версии, их нельзя скачивать, но можно ознакомиться. На сайте журнала статьи появляются через три месяца после выхода в печать, средства на выпуск журналов поступают не только от государства (они очень небольшие), но и от подписки, в том числе электронной. Ситуация с недоступностью статей усугубляется в том числе из-за задержки номеров (весь год журнал «догонял график» из-за проволочек в связи со сменой издательства, трудоустройством редакторов). Это безусловно скажется на показателях цитируемости журнала за прошлый год: они значительно ухудшатся. Статьи просто не были видимы для читателей долгое время. Были также предложения по активному продвижению журнала в сетях и Интернете. Это действительно важно, но в настоящее время ресурсов для этого не хватает. Как видим, трудностей у журнала немало, но хочется надеяться, что они преодолимы.

В заключение хотелось бы обратиться к тем нашим читателям, кто боится стать автором журнала либо сомневается в своих возможностях. Такая ситуация нередка: *«всегда стесняюсь посылать просто свою статью из-за боязни слабого освещения темы (сугубо мой субъективный фактор), из-за боязни, что долго может продлиться рассмотрение (много желающих опубликоваться), <...> а отчеты по работе надо сдавать вовремя»* (№ 123). Да, требования журнала строгие и не будут снижаться, важно посылать рукописи вычитанные, по профилю журнала, но не стоит бояться – нужно действовать. Именно от авторов прежде всего зависит качество журнала и развитие науки. Будем ждать от вас интересные статьи на важные темы и всегда готовы рассмотреть предложения по сотрудничеству.

С.Ю. ДЕМИДЕНКО,
отв. секретарь журнала СоцИс

© 2025 г.

Н.А. КАСАВИНА

«ОБЩЕСТВО ТРАВМЫ» КАК КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

КАСАВИНА Надежда Александровна – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры Института философии РАН, Москва, Россия (kasavina.na@yandex.ru).

Аннотация. Концепция общества травмы Ж.Т. Тощенко рассматривается с обращением к конкретным социологическим и психологическим исследованиям последних лет. Предлагаемые размышления погружают ее в контекст социально-философского дискурса, который интегрирует культурные формы понимания травматических событий, работает в междисциплинарном поле, прогнозирует риски и негативные последствия социального развития, разрабатывает пути их преодоления. В этом проявляются и осуществляются критическая и эвристическая функции научного познания. Они предусматривают, с одной стороны, трезвую и беспристрастную оценку социальной действительности, свободу исследовательской деятельности, ценность которой ярко обозначил М. Вебер, а с другой – устремление к возможному горизонту развития культуры и общества, названное К. Ясперсом «беспокойством духа». Акцентируется цивилизационный смысл феномена общества травмы, адресующий к пониманию культурных разрывов, кризиса метанарративов, радикальных изменений деятельности социальных институтов, резких флуктуаций жизненного мира. Травматизация как социальный феномен связана с нарушением преемственности социокультурного развития, его целенаправленности и управляемости, порождает длительный негативный след в отношении социально-психологического самочувствия населения, переживание неустойчивости, неопределенности существования, дефицит ощущения благополучия. В связи с этим в статье сопоставляются данные разных исследований, показывающих особенности и динамику субъективного отклика на травму. Проведенный анализ свидетельствует об амбивалентности общественного сознания современной России с ориентацией в сторону поиска устойчивых оснований цивилизационной идентичности. Существующие противоречия обращают к значимости интеграции ее различных оснований для избежания новых витков коллективной травматизации.

Ключевые слова: общество травмы • Ж.Т. Тощенко • идентичность • ценности • социальное самочувствие • социальное благополучие • психологическое состояние общества • человеческий потенциал • традиции

DOI: 10.31857/S0132162525010014

«Общество травмы» в познании социальной реальности. Концептуализация «общества травмы» в социальном познании, предпринятая Ж.Т. Тощенко, – яркий пример воплощения важнейшей миссии научного исследования: критической оценки и гуманитарной экспертизы изменений социальной реальности и ее формирования.

Социально-гуманитарное знание в современном смысле во многом выступает как критика знания, которая предполагает обнаружение когнитивных разрывов, ложности имеющихся понятийных конструкций, незавершенности всякого текста или интерпретации [Касавин, 2021: 8]. Это и попытка их продолжения, поиск новых возможностей понимания человека, культуры, общества. Ж.Т. Тощенко разработал значимую когнитивную стратегию исследования современного общества, которая уже дала о себе знать, укрепившись в научных исследованиях и публикациях, и актуализируется в ситуации новых вызовов и противоречий современности.

Понятие «общество травмы», обоснованное Ж.Т. Тощенко, является новым уровнем научного понимания коллективного травматического опыта. Этот способ исследования обращен к травме не как трагическому событию индивидуальной жизни или опыту группы. И то, и другое не устраняется из рефлексивного поля, но речь идет прежде всего об обществе в целом, о типе общества, об институциональных истоках и проявлениях травмы, что открывает новые возможности ее понимания.

Как показывает автор, в изучении общества, его существования и трансформации укоренились две основные формы реконструкции социального становления – эволюция и революция. В 2017 г., к 100-летию года революций в России, было проведено множество научных мероприятий, которые переосмысливали эту категориальную пару как способ обобщения общественных изменений¹. В современном социальном познании, которое опирается на классические теории, она продолжает фигурировать как основополагающая. Ж.Т. Тощенко представляет подробное описание истории и состояний ряда стран, которые не вписываются в данную понятийную дилемму, показывая, что социальная реальность превосходит это обобщение. Современные геополитические, социальные и межкультурные реалии заставляют иначе взглянуть на многие процессы общественного развития, принимая во внимание перманентный характер глубоких кризисных состояний социума. Концепции эволюции и революции в ряде случаев перестают выполнять объяснительную, нормативную и прогностическую функцию в отношении к динамичному и напряженному характеру социальных изменений. «Общество травмы» позволяет представить факторы и конфигурации этих состояний, возможные сценарии их преодоления, управления ими.

Общество травмы характеризуется нестабильностью, неустойчивостью существования как следствием радикальных политических потрясений, стратегической неопределенности развития, стагнации экономического роста, нарушения процессов социальной и культурной идентификации [Тощенко, 2020], т.е. того, что можно назвать изменениями цивилизационного характера. В сущности, это – оборотная сторона постмодерна, эпохи конца «великих повествований» (Ж.-Ф. Лиотар), универсальных значений, предельных смыслов, некогда выполнявших роль оправдания истории через парадигму прогресса, но уступивших место оптике риска, неустойчивости и утраты определенности.

Общество травмы можно считать следствием цивилизационных разрывов, когда резко меняется ценностное поле общественного сознания, ломается сложившаяся в течение длительного времени деятельность основных социальных институтов, что не может не сопровождаться нарушением преемственности социокультурного развития, его целенаправленности и на длительное время провоцирует рецессию общественной системы. На уровне социального самочувствия травма нарушает значимые связи и традиции, скрепляющее, поддерживающее чувство осмысленности, социальной общности и безопасности.

Этот взгляд показывает кризис воззрений на общественное развитие как управляемое, ведущее к социальному порядку, гармонизации социума, социальному росту и общественной благополучию. Реальность в многообразии, конфликтности, пересечении интересов и борьбы оказывается во многом иной, не соответствует сложившимся представлениям

¹ Например, серия научных мероприятий проходила в течение 2017 г. в Институте философии РАН. URL: https://iphras.ru/rev_17.htm

о логике пути к общественному идеалу. Ж.Т. Тощенко показывает это в первом разделе книги через анализ сложившейся в Новое время концепции прогресса и обоснование методологической роли понятия «травма». Представления о прогрессе имеют прежде всего нормативный смысл, указывающий, что общество должно стремиться к социальному благу, в этом состоит ключевая цель его развития. Эволюция базируется на представлениях о движении общества к все более совершенному, гармоничному состоянию, в котором на иной высоте возможны развитие и самореализация человека. Ядром этого движения является непрерывное накопление способов и результатов роста. Иное дело, что катастрофические события масштабного характера, крупные политические изменения, социальные дистанции и сталкивающиеся интересы доминирующих групп нарушают этот процесс, делают его полным противоречий и разрывов. Последовательность и восходящий характер развития общества как общественный идеал прерывается – революцией, кризисом, стагнацией или иными формами, что подробно рассматривает Ж.Т. Тощенко.

Революция представляет другой модус общественных изменений – радикальный скачок к иной общественной реальности, резкое изменение основ общества и прежде всего его социально-экономической и политической сфер [Тощенко, 2020: 17–18]. И революция, и эволюция – векторы желаемого перехода к более высокому уровню развития общества, связанные с представлениями о прогрессе. Однако не всегда социальная динамика отвечает критериям прогресса. Ж.Т. Тощенко, проясняя «калейдоскоп концепций» прогресса, ставит задачу поиска нового понятия, способного отразить сложный характер конкретной социальной реальности, не уводя ее в сторону привычных методологических клише. Таким понятием и оказывается травма, рассматриваемая как промежуточное положение общества между революцией и эволюцией, когда период скачкообразного революционного перехода пройден, но эволюция как совершенствование, усложнение, достижение более высокой ступени развития не наступила.

Революция – чрезвычайно болезненное для общества и человека переломное изменение, которое не может не дать признаков регресса, жестокой ломки существующего порядка и фундаментального кризиса. Это хорошо известно на примере многих революций, каждая из которых – отдельный пример длительного последующего восстановления, перехода к эволюционному накоплению. Эволюция также может сопровождаться общественным застоєм, консерватизацией как ее побочными эффектами, которые могут привести к революции и необходимости долговременной социальной реабилитации. Эти промежуточные периоды могут переходить в стабильно-затянувшиеся состояния, понимание которых нуждается в новых концептуальных средствах.

Помимо социально-политических факторов изменения социально-гуманитарной картины мира важно подчеркнуть роль методологических поворотов. На протяжении всего XX в. наблюдался пересмотр идей классического социального эволюционизма по ряду причин. Они связаны с развитием гуманитарных наук и расширением способов понимания общества (под влиянием культурной антропологии, цивилизационного подхода, постмодернизма и др.), с осмыслением последствий мировых войн, тоталитарных режимов, национализма, реальностей глобального кризиса, экологической ситуации, угрозы ядерной войны, что в совокупности поставило под сомнение идеи прогресса в их прежнем значении. От идеализации прогресса и однолинейной эволюции совершается переход к разностороннему анализу социального становления в контексте изменений культурной среды в широком смысле слова, охватывающем все сферы жизни общества. Социальная философия, философия истории и культуры иного, современного типа не связаны уже так явно с конкретной идеологией и стремятся к преодолению теоретических стереотипов, к уравниванию идей поступательного развития и изучению его рисков и отступлений. Речь здесь также может идти о соотношении нормативных подходов, задающих целевую перспективу, и дескриптивных, направленных на описание реального состояния общества и жизненного мира с акцентом на межкультурном и философско-антропологическом ракурсах исследований. В связи с этими изменениями возникает

необходимость обоснования новых понятий, отражающих формирование неозволюционистских взглядов. Прогресс как концепт все чаще уступает место адаптации и копинг-моделям в отношении как внешнего воздействия, так и внутренних институциональных изменений. Ускорение изменений в мире в свою очередь приводит к ощущению нарастающей хаотизации, утраты устойчивости и определенности, кризиса идентичности и доверия общественному порядку. Общество травмы фиксирует ситуацию переходного социума, которая все более тяготеет уже не к временному, а постоянному характеру становления общества. П. Тиллих, осмысливая историю мировой культуры, в свое время показал, что в разные ее периоды преобладала конкретная форма тревоги, которая проявлялась прежде всего на границах эпох. XX век столкнулся с тревогой пустоты и утраты смысла, духовной тревогой, не только не преодоленной, но и усиленной в наши дни. Сегодня это становится перманентным признаком жизни в целом, особенно если принимать во внимание курсирование проявлений тревоги в медиапространстве. Случившиеся в последние годы общественные потрясения (эпидемия COVID-19, масштабные геополитические конфликты) заставляют осознавать это с особой остротой. Размышления Ж.Т. Тощенко с опорой на известные трактовки травмы в ее социальном и культурном значениях (Р. Айерман, Дж. Александер, З. Бауман, Н. Смелзер, П. Штомпка, Ю. Хабермас и др.) обоснованно проясняют ключевые моменты неизбежного перехода от парадигмы прогресса к расширению понимания общественной динамики, несущей неотъемлемые черты кризиса, теневой, травматической сторон развития.

Концепция «общества травмы» обращена к исследованию «зигзагов», «отступлений», угроз желаемого прогрессивного общественного процесса и, согласно автору, отличается от дискурса «кризиса». Кризису свойственны более четкие границы в пространственно-временных аспектах, более артикулируемые причины и способы преодоления [Тощенко, 2020: 26]. Травма же отличается длительным характером, менее выраженными возможностями ее понимания и, соответственно, индивидуального и социального сопротивления.

Вместе с тем современное понимание кризисности претерпело существенные изменения. Кризис перестает быть периодом или сбоем в устойчивом развитии общества. Само общество трактуется как «перманентно переходная (лиминальная) структура, которая никогда не выходит из переходности, образуя режим кризисной социальности». Кризисная социальность характеризуется усилением, наложением друг на друга рисков, угроз, травм, катастроф на макро- и микроуровнях социальной системы [Катерный, 2023: 23]. Травматизация усиливается кризисностью и наоборот, одно переходит в другое, образуя вихрь дезорганизующих социальную среду процессов. В этом вихре и старается разобраться Ж.Т. Тощенко на примере России, опираясь на подробный анализ травмирующих условий и факторов во всех основных сферах жизни общества – экономической, политической, социальной и духовно-культурной. Складывается целостная картина проявлений травмы как общественного состояния, изучение которого несет важный методологический смысл и социально-значимый копинг-потенциал.

Российское общество в ситуации травмы. Методология общества травмы развернута Ж.Т. Тощенко в широком ключе, охватывая мировое геополитическое пространство, новый европейский ландшафт, сложившийся после распада СССР. Особое внимание направлено на российское общество, которое, согласно автору, под влиянием неудачной трансформации социалистического хозяйствования в 1990-е гг., неоправданного отказа от его результатов долгий период времени находится в травматической фазе своего становления. Резкие институциональные изменения привели к длительному и еще не преодоленному кризису, который все более тяготеет именно к смысловому полю травмы. Исследование Ж.Т. Тощенко объединяет анализ объективных институциональных, структурных факторов общества травмы и субъективного, человеческого отклика на произошедшие изменения. Динамика экономических и социальных показателей, состояние ведущих отраслей производства, малого бизнеса, сельского хозяйства, плачевное состояние малых городов, сельских территорий и их инфраструктуры, теневая экономика,

бедность населения, социальное отчуждение, рост прекариата – эти и многие другие проявления общества травмы в России получают детальное обоснование с обращением к конкретным цифрам и сравнительному анализу [Тощенко, 2020: 122–126]. Усматривается и экзистенциально-психологический ракурс травматизации – негативные изменения социального самочувствия, формирование жизненного мира с «короткоживущими рефлексиями» [Тощенко, 2020: 119], атомизация и прагматизация социальных связей, рост социальных страхов и тревог, кризис доверия, разочарование в перспективах настоящего и будущего и связанный с этим отказ от значимой деятельности.

Столь масштабный подход является междисциплинарной научной платформой исследования общества. Выводы и прогнозы, представленные автором, плодотворно соотноситься с данными исследований в социально-гуманитарных науках, которые также направлены на поиск и применение индикаторов, показывающих человекообразность общественного развития. Например, исследования, посвященные социальному благополучию, социальному самочувствию, человеческому капиталу, психологическому состоянию общества, динамике ценностных ориентаций. Рассмотрим некоторые выводы Ж.Т. Тощенко в их спектре.

Очень интересен в данном проблемном поле макропсихологический подход, который активно развивается в Институте психологии РАН и предполагает изучение психологических проявлений глобальных социальных явлений и процессов [Журавлев, Юревич, 2012; Юревич и др., 2009; Юревич, 2019]. Как подчеркивает А.В. Юревич, автор композитного индекса психологического состояния общества², макропсихология соответствует тенденции широкого использования социальных индикаторов в различных социогуманитарных науках [Журавлев, Юревич, 2012]. Изучаются как ситуативные состояния травматизации (рост тревожности, апатии, агрессивности), так и ее глубокие следствия, формируемые в долгосрочной перспективе (кризис идентичности, падение доверия к власти, дефицит ощущения безопасности) [Нестик и др., 2021].

Принимая во внимание существенные различия в используемых подходах и понятиях, фиксирующих психологическое состояние общества, обратимся к общему содержательному спектру выводов. Исследования показывают корреляцию социально-психологического самочувствия в российском обществе (с 1990 по 2017 г.) с социально-экономическими и политическими событиями. Экономическая и политическая напряженность, выраженное социальное неравенство и иные факторы (которые необходимо рассматривать в комплексе) порождают негативные психологические состояния, ухудшающие физическое и духовное здоровье человека [Юревич, 2019]. По оценке авторов, основные причины, вызывавшие тревогу россиян в 1990-е годы, сохраняются и в настоящее время. О существенном улучшении психологического состояния россиян говорить пока не приходится [Юревич и др., 2009].

Эти и другие аспекты социально-психологического самочувствия рассматриваются Ж.Т. Тощенко с привлечением социологических данных. Особую тревогу в его интерпретации вызывает усиление социальных дистанций, обостряющееся социальное неравенство как важнейший признак общества травмы, отчуждение между социальными слоями и группами, разочарование в социальной справедливости. Если снова обратиться к психологическим исследованиям, оказывается, что степень социальной поляризации является важнейшим показателем благополучия общества. Выраженная поляризация есть показатель неблагополучия, приводящий к ухудшению психологического состояния общества [Лебедев, 2018]. Именно так, судя по оценкам Ж.Т. Тощенко, поляризация воспринимается в российском обществе. Это находит косвенное отражение и в исследованиях о влиянии нематериальных факторов на консолидацию российского общества (2021–2024),

² Композитный индекс психологического состояния общества объединяет два вторичных индекса – индекс психологической устойчивости общества и индекс его социально-психологического благополучия, каждый из которых в свою очередь интегрирует три первичных индекса (среди первичных индексов – психические расстройства и смертность от заболеваний нервной системы и органов чувств; социальное сиротство и разводы; убийства и самоубийства). См.: [Журавлев, Юревич, 2012].

возглавляемых академиком М.К. Горшковым. Авторы показывают, что особое место в ценностно-нормативной структуре современной России занимают установки на равенство. Проблема равенства доходов и возможностей оказывается одной из важнейших травматических точек социально-экономического пространства [Информационно-аналитический доклад..., 2023: 130]. Вместе с тем это исследование выявило структуру субъективного социального благополучия россиян, которая, несмотря на влияние кризисных явлений последних лет, признается достаточно устойчивой. Обоснован вывод, что даже в ситуации современных вызовов и угроз в психологическом самочувствии россиян есть необходимые основания социальной сплоченности, которые по-своему свидетельствуя о формах сопротивления травматическим событиям и тенденциям [Информационно-аналитический доклад..., 2023: 128].

Относительно высокие ресурсы социально-политической устойчивости и стабильности (хотя и контрастной) российского общества выявлены результатами других масштабных исследований [Левашов, 2024; Козырева, Смирнов, 2022]. Примечательно, что подавляющая часть (73%) россиян считают основные угрозы для России исходящими из-за рубежа [Левашов, 2024]. Очевидно, в ситуации концентрации ресентимента на «внешнем враге», действительно, ожидаем и подтверждается рост сплоченности и социальной солидарности. Однако он, в сущности, выступает травматическим ответом на резко возросший уровень опасности в разных ее проявлениях.

Социально-психологическое состояние населения, согласно Ж.Т. Тощенко, лишь следствие основной проблемы общества травмы – утраты стратегической определенности и преемственности развития на разных уровнях социальной жизни. Постоянным мотивом авторских размышлений является констатация слишком успешного отказа в 1990-е гг. от достижений советского периода и последующего негативного влияния либеральной политики, которая не привела к формированию четких приемлемых ориентиров роста. Это очень важный и во многом справедливый вывод, характеризующий сложнейший период ломки длительно создаваемого порядка, который нуждался в реконструкции, но, возможно, не в столь резких переменах.

Если говорить о современном периоде, некоторые авторитетные исследования показывают, что либеральные социально-политические, экономические и культурные перемены начала 1990-х гг. на протяжении довольно длительного периода, вплоть до 2021 г., оказывали доминирующее влияние на систему базовых ценностей россиян [Магун, 2023]. Согласно их результатам, с 2006 по 2021 гг. в российском обществе произошел существенный сдвиг в сторону ценностей активного индивидуализма, при этом снизилась приверженность ценностям пассивной социальности – безопасности и конформности. Важно отметить, что активный индивидуализм противопоставляется эгоистическому индивидуализму (включающему ориентацию на власть и богатство), влияние которого, напротив, уменьшилось. В целом, эти изменения являются признаком роста инициативности, открытости, самостоятельности, ответственности, что можно воспринимать как значимое достижение последних десятилетий, результат развития общественного сознания и гражданского общества, адаптации населения к произошедшим в 1990-е гг. переменам. По сравнению с «неоконсервативным поворотом» более сильными оказываются социальные, культурные и экономические влияния, заданные демократическими и рыночными преобразованиями конца 1980-х – начала 1990-х гг. [Магун, 2023: 55]. Если говорить о возможной травматичности будущих социальных изменений, ориентируясь на эти данные, резкая смена идеологического вектора сегодня на усиленно-консервативный может вызвать новую волну тревожности и разочарования, особенно в определенных социальных слоях. Более ожидаема и целесообразна разумная интеграция, баланс наиболее значимых достижений разных периодов, пусть в чем-то противоположных в своих мировоззренческих и социально-политических акцентах. Существующая напряженность между ценностями индивидуализации и коллективизма, традиционностью и влиянием модерна обращает к поиску механизмов согласования разных частей общественного сознания во избежание

новых витков травматизации. Образ «собираения», к которому в цивилизационных исследованиях последних лет обращался Н.И. Лапин, соответствует такой стратегии цивилизационного развития России. Если обращаться к позитивному ракурсу вышеупомянутых исследований под руководством М.К. Горшкова, возможно, наблюдается новая фаза преодоления общества травмы, выхода на более конкретные стратегические линии развития общества с использованием полученного опыта травматических колебаний.

Прекариат: неустойчивость, рискованность, креативность. К важнейшим признакам общества травмы Ж.Т. Тощенко относит прекариат – новое социальное образование, которое автор обозначает как протокласс, показывая настоящие и грядущие серьезные изменения социальной структуры и структуры занятости. Положение прекариата характеризуется неустойчивым, негарантированным социальным положением, гибкой занятостью. К нему принадлежат социальные слои, которые обладают профессиональными знаниями, квалификацией и стремятся строить автономные рациональные связи с обществом и государством [Тощенко, 2020: 123–125]. Сложность положения прекариата состоит в недоступности или ограниченности социально-правовых гарантий и социальной защиты, что может выступать причиной неудовлетворенности и осознания его субъектами ограниченности собственных возможностей. Это подводит автора книги, вслед за Г. Стэндингом, к трактовке этого феномена как опасного для общества вследствие слабой включенности в социальную жизнь, противостояния официальной политике или общественным изменениям [Тощенко, 2020: 124].

Это очень значимая содержательная проекция исследования, которая вскрывает суть зловещих реалий, касающиеся положения значительной части населения – положения, которое находится в стадии становления и, вероятно, изменится в будущем. С одной стороны, оно связано с текучестью и неопределенностью как общими чертами современности, с другой – вызвано конкретными изменениями социально-экономической политики государства, новыми проблемами и противоречиями структуры занятости. Прекариат олицетворяет как ценности свободы и креативности (см.: [Стребков, Шевчук, 2022]), так и риски неустроенности и социальной незащищенности, возможного «экзистенциально-проигрыша в перспективе биографического проекта индивида» [Абрамов, 2023]. Это действительно зона риска. Возникает вопрос, насколько общество готово поддерживать рискованные проекты? Риск, связанный с новизной, неизбежно сопровождает прорывные разработки, например, в области научных открытий и технологических изменений, имеет интереснейшие прецеденты в истории науки и культуры именно в связи с прекарной занятостью. Не случайно возникают аналогии при ее сопоставлении с научной деятельностью, включающей горизонт творчества и независимости, постановку сверхзадач, а также тенденцию к самозанятости в отдельных научных проектах. Элементы научного прекариата обнаруживаются в контексте современной «пост-нормальной» науки, отчасти легитимирующей деятельность свободных исследователей и представителей «гаражной науки» (см.: [Шибаршина, 2022]). Исследователи показывают, что традиционные научные коммуникации обогащаются новыми, нестандартными идеями ученых-прекариев, которые вносят творческий дух свободы в современную науку, осуществляя поиск возможностей взаимодействия научного сообщества и прекариата [Астахова, 2022; Воронина, Фейгельман, 2022]. Для представителей этой формы занятости главным порой является не стабильность, а свобода, что отмечает И.Т. Касавин, обращая внимание на прекариат как социальную базу цифрового общества, базу креативности. Он называет это прекариатом 2.0., которому современное государство может помочь и отчасти помогает, предоставляя стартапы для развития, стимулируя гибкую занятость, развитие творческих профессий и иные формы взаимодействия [Касавин, 2022: 26]. Возможно, это грань «политики рая», о которой писал Г. Стэндинг применительно к прекариату в ракурсе ценностей свободы и равенства. Также, важно отметить, что в некоторых оценках динамики занятости в современной России подчеркивается: «количество прекариев растет при благоприятной

экономической ситуации, росте экономической инициативы и невмешательстве государства в экономическую сферу» [Анисимов, 2024: 73].

Эти исследования и оценки можно рассматривать с разных позиций. Так, в проекте М.К. Горшкова отмечается, что консолидирующий потенциал ценности свободы, в отличие от ценности традиций, в российском обществе сегодня невысок [Информационно-аналитический доклад..., 2023: 130]. Несомненно, это реакция на новые угрозы и опасности, которые вызвали волну ориентации на стабильность. Вместе с тем, в исследовании В.С. Магуна ценность традиции (входящей, по Ш. Шварцу, в ценностную категорию Сохранение и соответствующую ориентации подчиненности) за 15 лет до 2021 г. не претерпела изменений, график значимости этой ценности близок к горизонтальной прямой линии [Магун, 2023: 53]. Опираясь на Р. Инглхарта, автор предполагает, что рост материального благополучия вел к ослаблению угрозы экзистенциальной безопасности, а значит – к снижению значимости ценностей безопасности, конформности и традиции и, наоборот, к усилению ценностей активного индивидуализма – самостоятельности, рискованности и гедонизма. Судя по результатам исследований М.К. Горшкова, вероятно, эта тенденция в последнее время начала меняться под влиянием новых угроз и нового витка ценностей сохранения, что может сказаться и на восприятии прекариата.

Говоря о защищенности в области традиционной занятости, или незащищенности прекариата, стоит обратить внимание на исследования проблем трудоустройства в современном обществе. В частности, анализ изменений в продолжительности рабочего времени в постсоветской России показывает, что эта продолжительность сегодня существенно повысилась и имеет тенденцию к повышению в будущем. Авторы прогнозируют угрозу эмоционального истощения и физической усталости работников [Козырева, Низамова, Смирнов, 2024], что может выступать одним из факторов заинтересованности в прекарной занятости. Интересно, что стандартная полная официальная занятость как объективно наиболее благополучный вид занятости субъективно не рассматривается как таковая представителями большинства профессиональных групп россиян [Каравай, 2024].

Можно предположить, что решение острых вопросов, связанных с прекариатом, по меньшей мере могут и будут идти в двух направлениях: укрепление и развитие системы традиционной занятости с учетом существующих проблем, с одной стороны; и создание оснований гибкого рынка труда, условий прекарной занятости, форм ее интеграции в систему трудоустройства, что позволит преодолеть ее маргинализацию и отторжение, с другой. Действия правительства в период пандемии, направленные на помощь официально трудоустроенному населению, принятие закона о самозанятых являются важными мерами на пути адаптации к новым социальным, культурным и экономическим условиям (эти и другие аспекты регуляции занятости проанализированы в статье: [Анисимов, 2024]).

* * *

Книга Ж.Т. Тощенко чрезвычайно богата в разных смыслах: как в концептуальном ключе обоснования фундаментального подхода к пониманию истории России и ее современного положения, так и в плане анализа конкретных проявлений деятельности социальных институтов и жизненного мира. У меня получилось откликнуться лишь на некоторые ее положения. Хотелось бы еще раз подчеркнуть: *понятие общества травмы является значимым методологическим основанием, позволяющим интегрировать результаты конкретных исследований в междисциплинарном поле и использовать их для социального прогнозирования и социальной практики.*

Как частично показано выше на примере ряда исследований, в общественных науках сегодня просматриваются два пересекающихся и взаимодействующих вектора анализа социальной действительности. В одном случае преобладает суровый реализм в отношении прошлого и настоящего, в чем-то соответствующий веберовскому смыслу научного призвания в расколдованном мире, мире без иллюзий, где единственной опорой является трезвое

видение лица судьбы и времени. Проработка прошлого в этом ключе выступает и процессом сопротивления травме, где на первом месте – поиск не утешения, а способа рефлексии.

Во втором случае – попытка нащупывания в настоящем устойчивых оснований будущего, возможностей их укрепления, не лишенных иллюзорности, риска и надежды. И то, и другое задает особую оптику – оптику «беспокойства духа», разоблачения заблуждений и раскрытия сознания эпохи (в этом ключе писал о науке К. Ясперс как последователь М. Вебера), оптику усматривания возможностей развития и укрепления ценностей гуманизма, которые остаются порой лишь мерцающим горизонтом в ситуации неопределенности, но без которых немислим научный поиск. Оба этих вектора присутствуют в книге Ж.Т. Тощенко, призывая к их дальнейшему раскрытию и осуществлению.

Как показывают и история, и современность, травма непреодолима, это теневая сторона развития цивилизации, которая несет в себе контрверзу блага и разрушения. На одном поле цивилизационного поиска – внимание к человеку и его благу, гуманистические ценности, воспитанные духом развития мировой культуры и выраженные сегодня в заботе о социальном и человеческом потенциале, социальном благополучии и психологическом самочувствии человека. На другом – всплеск процессов дегуманизации, создающих новые источники травмирующих событий. На травму или общество травмы, к сожалению, не получается смотреть как на то, что будет преодолено или исправлено, как на фрагмент исторического становления. Травма остается, как и ее факторы, но смысл может быть найден через сопротивление ей – с помощью сопереживания, соучастия, активной социальной позиции или рефлексии. В этом сопротивлении роль науки трудно переоценить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Р.Н. рец. на кн.: Стребков О.Д., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: ВШЭ, 2022 // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 165–168.
- Анисимов Р.И. Динамика занятости в России (2018 – середина 2023 г.) // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 73–84.
- Астахова Н.Д. Научный прекариат: индивидуализм против коллективизма // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 30–37.
- Воронина Н.Н., Фейгельман А.М. На пути к открытой науке: прекариат как субъект научного творчества // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 46–54.
- Журавлев А.Л., Юревич А.В. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. № 2(57) 2012 С. 137–140.
- Информационно-аналитический доклад «Что мы знаем об обществе, в котором живем». М., 2023. https://www.isras.ru/files/File/grant/grant_report_2023.pdf
- Каравай А.В. Благополучная занятость в современной России: что это такое? // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 39–53.
- Касавин И.Т. Наука как источник общественного блага и нового гуманизма // Миссия ученого в современном мире: наука как призвание и профессия: коллективная монография / Научн. ред. и сост. Е.В. Вострикова, И.Т. Касавин. М.: РОИФН (Б-ка журн. «Epistemology and Philosophy of Science»), 2021. С. 5–16.
- Касавин И.Т. Научное творчество как социальный феномен // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 19–29.
- Катерный И.В. Развитие теории кризиса в социологии: эволюция идей и современность // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 14–26.
- Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Динамика продолжительности рабочего времени в постсоветский период // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 27–38.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция социального самочувствия россиян в постсоветский период: от коллапсирования к контрастной стабильности (1994–2021) // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 29–41.
- Лебедев А.Н. Психологическое состояние российского общества в свете макропсихологического подхода // Вестник Пермского ун-та. Сер. Философия. Психология. Социология. 2018. № 2(34). С. 243–251.
- Левашов В.К. Граждане России о гибридной социально-политической реальности в стране // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 113–127.

- Магун В.С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 44–58.
- Нестик Т.А., Селезнева А.В. и др. Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 5. С. 3–14.
- Стребков О.Д., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: ВШЭ, 2022.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией. М.: Весь мир, 2020.
- Шибаршина С.В. О возможностях и перспективах научного прекариата // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 55–60.
- Юревич А.В. Опыт эмпирической оценки психологического состояния современного российского общества (анализ данных статистики) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 84–96.
- Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Количественная оценка макрпсихологического состояния современного российского общества // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 2(4). URL: <http://psystudy.ru>

Статья поступила: 25.09.24. Принята к публикации: 28.10.24.

“SOCIETY OF TRAUMA” AS A CONCEPTUALIZATION OF UNCERTAINTY

KASAVINA N.A.,

Institute of Philosophy of the RAS, Russia

Nadezhda A. KASAVINA, Dr. Sci. (Philos.), Corresponding Member of RAS, Professor of RAS, Chief Researcher of the Institute of Philosophy of RAS, Moscow, Russia (kasavina.na@yandex.ru).

Abstract. The article explores the society of trauma concept by Zh.T. Toshchenko with reference to specific sociological and psychological research of recent years. The proposed reflections immerse it in the context of socio-philosophical and existential-literary discourse showing the historical importance of studying trauma in social sciences and humanities, as well as for understanding modern social processes. Scientific discourse integrates cultural forms of understanding traumatic events. It works in an interdisciplinary field, predicts risks and negative consequences of social development, and develops ways to overcome them. Thus, it manifests and implements critical and heuristic functions of scientific knowledge. The civilizational meaning of the phenomenon of the society of trauma is emphasized. It addresses the understanding of cultural gaps, radical changes in the activities of social institutions, sharp fluctuations of the lifeworld. Traumatization as a social phenomenon is associated with violations of the continuity in socio-cultural development, its purposefulness and controllability. It generates a long-term negative trace in relation to the socio-psychological well-being of the population. It also causes experienced instability, uncertainty of existence, and a crisis of wellness. In this regard, the article compares the data of different studies to exhibit the features and dynamics of the subjective response to trauma. The analysis carried out in the context of the society of trauma concept indicates a pronounced ambivalence of the public consciousness in modern Russia with its orientation towards a search for stable foundations of a civilized identity. The existing contradictions draw attention to the importance of integrating various parts of public consciousness to avoid new rounds in collective traumatizations.

Keywords: trauma society, Zhan T. Toshchenko, identity, values, social well-being, social well-being, psychological state of society, human potential, traditions.

REFERENCES

- Abramov R.N. (2023) reviewed by Strebkov O.D., Shevchuk A.V. What do we know about freelancers? Sociology of free employment. Moscow: HSE, 2022. Rec. R.N. Abramov. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 165–168. (In Russ.)
- Anisimov R.I. (2024) Dynamics of employment in Russia (2018 – mid-2023). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 73–84. (In Russ.)
- Astakhova N.D. (2022) Scientific precariat: Individualism versus Collectivism. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. Vol. 59. No. 3: 30–37. (In Russ.)
- Information and analytical report “What we know about the society in which we live”, Moscow, 2023. URL: https://www.isras.ru/files/File/grant/grant_report_2023.pdf. (In Russ.)

- Karavai A.V. (2024) Successful employment in modern Russia: what is that? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 39–53. (In Russ.)
- Kasavin I.T. (2021) Science as a source of public good and new humanism. In: *The mission of a scientist in the modern world: science as a vocation and profession*. Scientific ed. and comp. by E.V. Vostrikova, I.T. Kasavin. Moscow: ROIFN (B-ka zhurn. "Epistemology and Philosophy of Science"): 5–16. (In Russ.)
- Kasavin I.T. (2022) Scientific creativity as a social phenomenon. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. 59. No.3: 19–29. (In Russ.)
- Katerny I.V. (2023) The development of the theory of crisis in sociology: the evolution of ideas and modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 14–26. (In Russ.)
- Kozyreva P.M., Nizamova A.E., Smirnov A.I. (2024) Dynamics of working hours in the post-Soviet period. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 27–38. (In Russ.)
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2022) The evolution of the social well-being of Russians in the post-Soviet period: from collapse to contrast stability (1994–2021). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 29–41. (In Russ.)
- Levashov V.K. (2024) Citizens of Russia on the hybrid socio-political reality in the country. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No.4: 113–127. (In Russ.)
- Magun V.S. (2023) Evolution of the basic values of the Russian population, 2006–2021. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 44–58. (In Russ.)
- Nestik T.A., Selezneva A.V et al. (2021) The problem of the psychological state of society and political processes in modern Russia. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology]. Vol. 67. No. 5: 3–14. (In Russ.)
- Shibarshina S.V. (2022) About the possibilities and prospects of the scientific precariat. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. 59. No. 3: 55–60. (In Russ.)
- Strebkov O.D., Shevchuk A.V. (2022) What do we know about freelancers? Sociology of free employment. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Toshchenko J.T. (2020) The society of trauma: between evolution and revolution. Moscow: The Ves' mir. (In Russ.)
- Voronina N.N., Feigelman A.M. (2022) On the way to open science: the precariat as a subject of scientific creativity. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. 59. No. 3: 46–54. (In Russ.)
- Yurevich A.V. (2019) The experience of empirical assessment of the psychological state of modern Russian society (analysis of statistical data). *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 40. No. 5: 84–96 (In Russ.)
- Yurevich A.V., Ushakov D.V., Tsapenko I.P. (2009) Quantitative assessment of the macropsychological state of modern Russian society. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological research: electron. scientific journal]. No. 2(4). URL: <http://psystudy.ru> (In Russ.)
- Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (2012) The macropsychological state of modern Russian society. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii* [The Economic Science of modern Russia]. No. 2 (57): 137–140. (In Russ.)

Received: 25.09.24. Accepted: 28.10.24.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПО-ПРЕЖНЕМУ МНОГОЕ ДЕЛАЕТ (интервью с Ж.Т. Тощенко)

Аннотация. Прошло пять лет с момента прошлого юбилея Ж.Т. Тощенко. В нашем динамичном, быстро текущем времени это очень немало. Но все же главное во времени – это его заполнение, наполнение, «плотность». Оценивая сделанное Ж.Т. Тощенко, можно с уверенностью сказать, что его пятилетие было весьма плотным, его личное время оказалось будто растянутым. И важно подчеркнуть, это не только продолжение и развитие исследований прошлых лет, есть серьезный задел и для новых. В последние годы наша с Жаном Терентьевичем переписка не прерывалась, я старался держать его в курсе моего историко-социологического исследования, он писал о направлении его поисков и главных результатах. Задумав продолжить мой рассказ о нем пятилетней давности, мы обменялись несколькими письмами о проделанной Тощенко работе. С ними я и хочу познакомить читателей. Обсуждаются результаты исследований такого феномена, как прекариат, взаимоотношения между властью и обществом на основе коррекции общественного договора, акцентируются проблемы общества травмы. В интервью Тощенко предстает как исследователь, идущий от эмпирики к теоретико-методологическим обобщениям.

Ключевые слова: жизненный мир • социология жизни • парадоксальность • прекариат • общественный договор • эффект колеи • историческая справедливость • общество травмы

DOI: 10.31857/S0132162525010029

Начиная этот текст, я неоднократно перечитывал написанное мною к 85-летию Ж.Т. Тощенко [Докторов, 2020]. На мой взгляд, в нем переданы глубокие жизненные установки и устремления Тощенко. Во-первых, Жан Терентьевич не изменил себе, он остался, как и в далеком крестьянском детстве, в юности, заряженным на дело, голодным до работы. Во-вторых, по его воспоминаниям, еще при работе над дипломным проектом он ощутил «реальное дыхание истории». Даже анализируя названия книг и статей Тощенко, можно утверждать, что у него сохраняется такое ощущение динамики социальной проблематики. В этом проявляется не только Тощенко-социолог, свыше полувека наблюдающий окружающий его мир, не только Тощенко-редактор, который более 25 лет возглавлял наш старейший профессиональный журнал «Социологические исследования», но и Тощенко-историк, в свое время осознанно выбравший историю в качестве своей профессии.

Б.З. Докторов. Жан Терентьевич, наше пятилетней давности нестандартное освещение (полуинтервью-полубиографический анализ) сделанного тобой завершилось в точке начала разработки тематики прекариата – нового и быстро развивающегося во многих странах и в России социального явления. Прекариат рассматривался тобой в рамках эвристичной концепции «социологии жизни». Что в целом удалось сделать в области познания прекариата? Есть ли в стране исследовательские коллективы, исследующие эту проблематику?

Ж.Т. Тощенко. Идеи первой монографии «Прекариат: от протоклассу к новому классу» [Тощенко, 2018] были развиты и дополнены в серии коллективных трудов, увидевших свет под моей редакцией (см.: [Прекариат..., 2020; Прекарная занятость..., 2021; От прекарной занятости к прекаризации..., 2022; Жизненный мир работников труда, 2024]). В этих работах на основе всероссийских социологических исследований 2014–2022 гг. рассмотрены

теоретические и прикладные основы прекариата – мало известного до этого россиянам явления в нашей социально-экономической структуре. Определены его критерии, формы проявления в зависимости от сферы экономики и культуры. Такой подход позволил выявить наличие прекарности во всех без исключения областях профессиональной занятости, в том числе и интеллектуального труда. Было обнаружено, что прекарность касается не только труда, занятости – она влияет на состояние других сфер жизни человека. Исходя из концепции «социологии жизни», в исследования прекариарности было введено ее ключевое понятие, позволившее оперировать таким теоретическим и эмпирическим показателем, как жизненный мир. Это оказалась удачная эвристическая находка, позволившая дать объяснение жизненного мира прекариев с учетом современных условий его существования, его особенностей с точки зрения экономических, социальных и политических отношений. Были выявлены общие и специфические характеристики жизненного мира ряда крупных социальных общностей: рабочих, инженерно-технической интеллигенции, крестьянства, работников сферы образования, науки и культуры. Дано описание жизненного мира с позиций гендерного подхода, людей старшего возраста, повседневной жизни россиян. Следствием этого удалось выявить как позитивные, так и проблемные его черты, характерные для современного жизнеустройства россиян.

Отмечу, проблемы жизни прекарита в настоящее время стали постоянной темой обсуждения на всех встречах (конференциях, круглых столах), которые касаются социальной структуры, труда и занятости. Это характерно и для многих наших зарубежных коллег, число публикаций которых по этой теме стремительно растет. В целом, можно констатировать, что эта проблематика прочно вошла не только в лексикон современной социологии, но и стала одним из устойчивых трендов в проведении исследований.

В нашей трактовке прекарности значимы следующие признаки: а) имеет ли работник трудовой договор или трудится на основе устной договоренности; при отсутствии договора – это полная правовая незащищенность; б) оплата труда в конверте (полностью или частично); это уход работодателя от уплаты налогов, что для работника бывает предпочтительнее, особенно молодежи, так как он получает большую оплату труда, но это в дальнейшем сказывается на размере пенсий; в) частая смена места работы – 2–3 раза за последние три года работы при полном несоответствии образования и реальной занятости; г) отсутствие социальных гарантий (нет оплаты отпуска, больничных листов, нет оплаты при вынужденной остановки производства и др.); д) признание, что они никак не могут влиять на принятие решений на дела своей организации; е) неуверенность в своем будущем (угроза увольнения, безработицы). Некоторые добавляют продолжительность рабочего дня более 8 часов, но это оспаривается. Мы устанавливаем и уровни прекарности. Кому-то присущи один – два признака, кому-то – три – четыре, а кому-то все перечисленные. Если считать всех, учитывая хотя бы один признак, то по нашим подсчетам, численность прекариев достигает 45–55% занятых в зависимости от отрасли.

Б.Д. Неужели в стране, где несколько поколений жило и трудилось в условиях социальной защищенности, в настоящее время каждый второй работающий – прекарий? А какова судьба такого ключевого в недавнем прошлом понятия социологии труда, как трудовой коллектив? Есть ли теперь в России такое явление, как «трудовой коллектив»? И что характерно для них? Каково их будущее?

Ж.Т. Я редко стал использовать понятие «трудовой коллектив», заменив словом производственная организация или просто организация. Хотя его продолжают употреблять, но скорее в социально-психологическом смысле, как соблюдение и поддержание хороших отношений между коллегами и с непосредственным руководителем. Других каналов его влияния на управление нет, как в советское время. Тем более что и профсоюзы не имеют авторитета (надеются на него всего 4–6%).

Б.Д. При анализе прекаризации жизни в ваших книгах в обсуждении социально-психологических аспектов занятости было приятно встретить ссылки на работы моих давних ленинградских коллег Е.С. Кузьмина и Б.Д. Парыгина. Они имели

возможность исследовать отношения на производстве в условиях достаточной стабильности общественных отношений.

Ж.Т. Прекаризация труда, а затем и других сфер жизни человека начинается с официальной позиции государства по установлению соответствующих идеологии социально-экономических отношений. Поэтому при всех ошибках, недостатках, просчетах (а их было немало) советской политики по отношению к труду не было такого отчуждения и ограничения, которое реально начало формироваться в 1990-е гг. в связи с принципиально другими установками государства. Сравните: в Конституции СССР провозглашалось «право на труд», согласно которому гарантировалась занятость каждому человеку (хотя занятость была весьма разной). В Конституции РФ в статье 37 пишется: «Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию». Как видно, это принципиально разные установки. Таким образом, гарантированной занятости нет, в результате чего с работником можно (не)заключать договор, можно манипулировать с зарплатой, с социальной защитой (отпуск, отдых, больничные листы). И число работников с такой законодательно нефиксированной занятостью стремительно росло, так как из 44 тыс. приватизированных предприятий 30 тыс. были закрыты, миллионы получили «право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию». А это вылилось в уход в случайную занятость, привело к потере профессиональных навыков, усилилась зависимость от предлагаемых условий владельцев частной собственности, от бизнеса, которые в свою очередь не всегда были уверены в своей устойчивости. Это коснулось и многих слоев интеллигенции, особенно в сферах образования, науки, культуры, так как в результате политики оптимизации наряду с сокращением их численности (например, в науке число научных работников уменьшилось вдвое, а преподавателей – на 20–25%), а также резко выросшей нагрузки для оставшихся, массово распространялась практика краткосрочных договоров, что ставило под сомнение стабильность социального и трудового положения и уверенности в своем будущем. Т.е. если понятие «пролетариат» касалось рабочего класса, то прекариат – всех без исключения социально-профессиональных групп.

Б.Д. Мне кажется, что состояние людей и общества в целом на фоне прекаризации можно полнее понять из романов немецких и японских писателей о драматизме послевоенной жизни, когда были разрушены, потеряны традиционные социальные ориентиры и наблюдалось обезличивание индивида. В какой мере мое суждение верно? Отражены ли те или иные аспекты российской прекаризации в отечественной литературе и кино? Советская литература сохранила для многих поколений процессы индустриализации и коллективизации (становление рабочего класса и колхозного крестьянства), сейчас трудно сказать, как будет проходить прекаризация, но современное искусство не должно пройти мимо этого процесса. Многие грани сознания и стороны быта оно отражает глубже и ярче социологии.

Ж.Т. Что касается литературы и кино, я выскажу весьма спорное утверждение: в отличие от ситуации 1930–1950-х гг., когда появились много произведений о жизни рабочих и крестьян, в 1990–2000-е произошло иное. Если в советские годы, наряду с пропагандистскими штампами были весьма объективные рассказы, повести, романы о сложнейших и тяжелейших условиях труда и очень скромной и даже скудной жизни рабочих как у И. Эренбурга «Второй день» или у М. Шолохова в «Поднятой целине» об очень неоднозначной и даже трагической жизни крестьянства. В 1990-е гг. эти и подобные произведения были заклеены под таким ярлыком, как «производственная проза» с разгромом тех писателей, которые размышляли на эту тему: Ф. Gladков, В. Катаев, К. Паустовский, Л. Леонов, А. Беляев, Н. Лышко, А. Малышкин, Ю. Крымов, у которых все творчество характеризуется высоким уровнем художественности.

Но клеймо «производственного романа» как основной формы соцреализма оказалось настолько впечатляющим, что, на мой взгляд, российские писатели отвергли это направление (за исключением Ю. Полякова) и сосредоточились на ином: одни – на детективах

(я называю это бандиадой), другие – на разоблачении пороков советского прошлого, третьи – на изысках постмодернизма с его бессюжетным повествованием и даже на эзотерике. Особо отметим, что, провозгласив так называемый «новый реализм», его сторонники кинулись описывать пороки общества – алкоголизм, наркоманию, проституцию во всех его вариантах, полностью исключив позитивное из своего анализа. Не задумываясь, а есть ли что-то нормальное и возвышающее человека в текущей современности? А если и были попытки окунуться в производственную жизнь, это было изложение проблем организаторов и руководителей бизнеса во всех его вариантах, практически без всяких попыток спуститься ниже – а что же творится с тем «контингентом», которым они управляют. Даже в тех случаях, когда производственная жизнь становилась объектом анализа, эта литература ограничивалась рассмотрением мира актеров, художников, издателей и других представителей художественной и спортивной интеллигенции.

Поэтому реальная оценка жизни основных групп народа получила анализ и освещение не в художественной литературе (в отличие от позиции их предшественников в 1930-е гг.), а в нескольких группах научной интеллигенции – социологов, экономистов, психологов. Именно они подняли пласты противоречивой ситуации значительного количества людей, положение которых существенным, а иногда коренным образом изменилось. Иначе и быть не могло. Они обратились непосредственно к тем, кого застигла волна не всегда понятных им изменений, что заставило основных тружеников производства сравнивать не с широкообещающими обещаниями (например, с приватизацией и ее ваучерами), а с реально сложившейся ситуацией. И именно эти группы исследователей, окунувшись в повседневную жизнь, и прежде всего трудовую, описали ограничения, препятствия, проблемы, с которыми работники встречаются в процессе выполнения производственных обязанностей, а также последствия их взаимоотношений с окружающим миром.

Иначе говоря, шло медленное, но последовательное осмысление черт трудового, а потом и всего жизненного процесса работников самых различных производств и профессий. Назову их. Ситуацию на промышленном производстве анализировали социологи труда – Р.И. Анисимов, В.Е. Гимпельсон, С.Г. Климова, Г.Г. Татарова, А.Л. Темницкий, такие молодые исследователи, как В.Ю. Бочаров, Т.В. Гаврилюк и др. Анализ отдельных сторон жизни сельских тружеников осуществили П.П. Великий, В.Г. Виноградский, А.М. Никулин, Г.С. Широкалова. Рассмотрены проблемы отдельных профессий – педагогов (Г.Е. Зборовский, Д.Л. Константиновский, А.М. Осипов, Г.А. Чередниченко), ученых (А.В. Юревич). Их анализ и выводы позволили подойти к более широким обобщениям с выходом уже на обобщающее понятие – прекариат, что нашло отражение в работах В.Н. Бобкова, З.Т. Голенковой, В.В. Карачаровского и О.И. Шкаратана.

Поэтому выход на проблему прекариата подтверждает следующий вывод относительно генезиса научных понятий. Вначале зарождаются, формируются и развиваются отдельные фрагменты научного знания, затем уточняется и закрепляется понятийный аппарат, объясняющий и трактующий его сущность и содержание. Иначе говоря, сначала формулируется не термин, а выявляются условия и обстоятельства его породившие, так как каждое понятие возникает как ответ на потребности познания естественно-природного и общественного развития.

Б.Д. В 2020 г. вышла твоя книга «Общество травмы: между эволюцией и революцией», которую естественно рассматривать и как продолжение, развитие сделанного в последние годы, и как заявку на разработку новой проблематики. За эти прошедшие четыре года, наверно, проявились оба типа тенденций: эволюционные и революционные. Не мог бы ты обозначить некоторые из них и предсказать их динамику на ближайшие годы?

Ж.Т. К сожалению, охарактеризовать развитие России (как и многих других стран) как эволюционное или революционное в настоящее время я не могу, хотя признаю желание и стремление правящих слоев попытаться решить многие назревшие вопросы на пути эволюционных методов, чему в России свидетельствует значительное количество

национальных программ и проектов, число которых постоянно увеличивается. И что характерно – растет их социальная направленность. Однако это не изменяет суть проблемы. Несмотря на отдельные позитивные изменения все остается по-прежнему. Почему? В научной литературе, особенно среди экономистов, есть понятие эффект колеи (path dependence – зависимость от траектории предшествующего развития) – разновидность мало и/или неэффективных устойчивых методов решения актуальных общественных проблем, связанных с высокими издержками трансформации ранее сложившегося социально-экономического положения. Именно в этой ситуации находится Россия, когда общественная и научная мысль настойчиво требует кардинального изменения существующего пути развития, но Россия не может выбраться из сложившейся колеи существования. Ведь с 2012 по 2022 гг. ВВП (внутренний валовый продукт) рос ежегодно на 0,9%, а бедность как была на уровне 12% населения или 20 млн человек, так таковой и осталась, хотя по данным за 2023 г. она несколько уменьшилась. Т.е. продолжается **стагнация**, так как ею называется ситуация до 3% роста ВВП. Конечно, на развитие повлияли санкции, которые были введены против России с 2014 г. (после перехода Крыма в состав России) и особенно обрушившихся с началом СВО в 2022 г. Но, на мой взгляд, это замедление продиктовано больше тем, что осуществляемый неолибералами курс не оправдал себя. Ибо, как сказано в Эклизиасте (Библии): «по делам, а не по словам судите о них». Попытки исправить положение в виде ряда принятых мер (и достаточно значительных по внесению коррективов в развитие экономике) пока показали весьма скромный, незначительный результат. Т.е. Россия не может «выпрыгнуть» из накатанной неолибералами колеи, хотя в общественном сознании многих людей, как показывают социологические исследования, крепнет убежденность – «поиграли в капитализм и хватит».

Но как покинуть эту колею? Пока вразумительных и действенных предложений и средств нет. Вернее, они высказываются и даже обсуждаются, но, убежденности, что они действительно могут коренным образом изменить ситуацию, нет ни у кого, даже у тех, кто это предлагает, потому что эти предложения нацелены на частичные решения, в то время требуется концептуальное видение проблемы дальнейшего развития страны. А этот путь требует больших принципиальных усилий, кардинальных институциональных изменений, чтобы преодолеть, а не подчиняться ранее сложившейся инерции, зависимости от траектории предшествующего развития. В случае долговременного непринятия этих мер ситуация грозит возможностью проявления и применения радикальных действий, далеких от эволюционного пути развития.

Б.Д. За последние годы тобой многое сделано, пожалуйста, поделись задумками на ближайшие годы?

Ж.Т. В настоящее время меня очень заинтересовала проблема общественного договора, которая в известном смысле порождена продолжением осмысления процессов появления на исторической арене нового класса – прекариата, а также глубинных сдвигов в российском (да и не только в нем) обществе, что нашло отражение в разработке такой проблемы, как общество травмы.

Напомню, что идею об общественном договоре как балансе интересов государства и народа активно развивали мыслители Эпохи Просвещения и прежде всего французские философы П. Гольбах, Ш. Монтескье и особенно Ж.-Ж. Руссо. Именно их называли провидцами, так как они предрекли французскую революцию в конце XVIII в. Внимание к установлению контактов с народом особенно возросло в XX в., когда было осознано, что отсутствие социального контракта с основными классами и общностями может привести к краху государства.

Изучение этого общественного феномена обнаружило актуальность исследования ситуаций, характерных для всех без исключения современных государств, в том числе и российского, – это взаимоотношения политической власти и народа, представленного общественно-политическими организациями, различными профессиональными, социальными, культурно ориентированными объединениями и огромным количеством

инициативных движений самого разного толка – от экологических до спортивных. И очевидно, что их рост, разнообразие и влияние возрастает. Как социолог могу сказать, что нормой стало постоянное внимание правящих сил к социологической информации (изучение общественного мнения, регулярные и эпизодические замеры настроений и ориентаций людей по многим вопросам публичной и приватной жизни). А почему? Просто интересно и любопытно? На всякий случай? Нет, это отражает осознание политическим, социальным и экономическим управлением, что именно люди, часто называемые народом, имеют реальную силу влияния на ход развития своей страны. Причем, оно часто осуществляется не открыто, а латентно, не всегда явно, но в то же время неизбежно. Что бы не говорили о принятии решений властвующие группы, ход исторического процесса пойдет именно в том направлении, к которому склоняется большинство людей. Даже в том случае, когда возможен обман народа, все равно оно аукнется восстановлением исторической справедливости, отражающей объективную тенденцию в развитии любого общества.

Считаю, что это актуальнейшая тема и не только потому, что она позволяет судить об устойчивости и стабильности того или иного государства, а потому, что это путь установления подлинной демократии, реализация на деле прав и свобод человека. Именно в этом направлении идет развитие человечества и всех составляющих его компонентов. Игнорирование этой тенденции чревато огромными издержками. Поэтому проблема общественно договора – это не только научная, но и злободневная практически значимая политическая задача. Эта мысль, по-моему, отражена в выходящей в этом году монографии «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации».

Б.Д. В какой мере в новых книгах ты остаешься историком? Где, в какие годы можно было прощупать, обнаружить слабые ростки, завязи «прекариатной» и «травматичной» проблематики?

Ж.Т. Я всегда в той или иной мере использовал свои исторические знания, так как я глубоко убежден, что многим социологическим исследованиям не хватает именно учета того, что было раньше, что возможно созревало в прошлом и как на это реагировали наши предшественники. Более того, такое привлечение знаний о прошлом помогает увидеть, как это прошлое или аналогичное изменилось, модифицировалось и даже превратилось в нечто иное. Именно такое сопоставление и дает пищу для размышлений. Прекарность появилась тогда, когда не только рабочий, но и интеллигент попали в принципиально иную, но схожую ситуацию: с ними не заключают правовой трудовой договор, зарплата произвольна, социальные гарантии (отпуск, отдых, лечение) отсутствуют, они не вовлечены в решение дел той организации или работодателя, на которого они работают и т.д. А такой подход нарушает и даже отвергает ранее существовавший подход – рабочий класс, интеллигенция рассматривались как нечто самостоятельное, определенное, устоявшееся.

Кстати, зачатки прекарности (схожесть социального положения самых различных слоев) я обнаруживал ранее при исследовании общественного сознания, жизненного мира людей, парадоксальности и кентавризма еще в советские времена. Но надо было пройти еще путь по дорогам исследований, чтобы эти блески и занозы при осознании результатов исследований превратились в более обобщенные понятия и умозаключения. И нынешнее исследование «Судьбы общественного договора в России» на 70–80% будет состоять из анализа реальных событий XX в.

Б.Д. В разговоре пятилетней давности ты назвал себя социологом труда и управления, ясное дело: и труд, и управление понимаются тобою широко и динамично. А в своих последних работах – серия книг о прекариате и общество травмы – ты тоже остаешься социологом труда и управления? Фокус на «труд» мне заметен, на «управление» меньше. Пожалуйста, проясни.

Ж.Т. Да, я больше занимался трудом. Ты правильно отметил, что я подходил к нему с более широких, обобщающих позиций, так как стал больше заниматься теоретическими

и методологическими проблемами. Именно об этом говорит моя монография «Социология жизни» [Тощенко, 2016], посвященная новой социологической концепции, которая давно зрела в социологии, а я претендую на ее обобщение и оформление. Поэтому я никого не обвиняю в ошибках и недостатках, показывая, что мои коллеги обычно занимались какой-то одной стороной жизни, не задумываясь о более широком взгляде на происходящее. Другая монография «Общество травмы» [Тощенко, 2020] – это тоже заявка на особый теоретический взгляд на историю общества, который поставил очень спорный вопрос: а разве можно говорить, что травма – это третья модальность развития наряду с эволюцией и революцией. При обсуждении такой постановки вопроса было много споров, особенно со стороны философов. По-видимому, ты согласишься с тем, что у меня теоретические обобщения, будь то парадоксальный человек, кентавр-проблема, фантомы, прекариат вырастали на базе эмпирии, т.е. эмпирика ставила передо мной вопрос: а как объяснить то, что происходит, если предлагаемые и прежние попытки объяснения не подходят? Я считаю, что именно такой подход – от эмпирии к теории – отличает меня от ряда моих коллег, которые берут существующие теории и их препарируют, развивают, уточняют или отвергают и на этой основе строят свои теоретические размышления.

Б.Д. Жан, спасибо за развернутый ответ. Ты знаешь, я испытываю странные чувства, мысленно суммируя сделанное тобой, пусть лишь в одной нише – сфере труда. Глядя на библиографию твоих работ за 57 лет, можно заметить, что не во всех названиях твоих публикаций есть слово «труд», но ясно, что, скажем, анализируя проблемы социального планирования, ты не мог обойти вниманием сферу труда, более того, в те годы труд – в работах советских социологов – превалировал над другими сферами жизни людей, в том числе, при анализе вопросов соцпланирования. Могу предположить, что в целом твои книги содержат динамику трудовых отношений в СССР/России за полвека. Получается, что ты – единственный, кто рассмотрел труд от движения за коммунистический труд до прекариата. В те далекие годы никто не поверил бы в возникновение такого чуда, по Хрущеву мы семимильными шагами шли к коммунизму, но справедливо и обратное, кто сегодня поверит в существование движения за коммунистический труд? Если меня попросят сделать выбор, хочу быть в бригаде коммунистического труда.

Ж.Т. Об истории социологии труда в нашей стране можно посмотреть в монографии «Социология труда. Опыт нового прочтения» [Тощенко, 2005], в трех изданиях учебника «Социология труда»¹. В монографии и учебнике рассмотрены эволюция и кардинальные изменения в социологии труда, начиная с XIX в., от Тейлора и Форда (за рубежом) и Ленина и Туган-Барановского (в конце XIX в.), а затем и весь период советской власти и постсоветской России. Но и после труд присутствует в виде отдельных глав не только в книгах о прекариате, но и при анализе проблем крестьянства, интеллигенции, ученых. И в обобщенном виде в «Обществе травмы» [Тощенко, 2020].

Что касается движения за коммунистический труд, то это было время, когда я был первым секретарем Абаканского горкома комсомола, были две молодежные бригады – на швейной фабрике и на механическом заводе. Это в самом деле были молодые люди, искренне верящие не только в необходимость хорошего труда, но и активности во всем – в учебе (вечерней или заочной), в субботниках (и не только в апреле), в художественной самодеятельности, в спорте, в озеленении города и своих территорий. Они гордились этим, о них знали в городе. И что характерно, этим занимался только комсомол – даже горком партии не участвовал. Например, первые встречи участников этого движения открывал я как комсомольский секретарь, а при этом присутствовали и ничего не говорили ни первый секретарь горкома партии, ни предисполкома. Считалось, что это молодежное дело. И оно долгое время было таковым. Потом появились инициаторы в других коллективах, которые приходили к нам, с предложением создать такие бригады, звенья, участки.

¹ См., напр.: Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А. Социология труда. Учебник для вузов. М.: ЦСП и М, 2012.

Но потом пошло бюрократичивание этого процесса. Сначала от профсоюзов, а потом и от партии. Началось искусственное их увеличение и этим был смазан эффект этого движения. Но первые годы – это было действительно олицетворение единства, искренних идей и желания добиться хорошего сочетания общественных и личных целей. Кстати, именно в этот период появились Университеты культуры – массовые лектории по тематике литературы и искусства, которые имели оглушительный успех и эффект: на эти лекции о художниках, писателях, ученых, архитекторах в городском доме культуры собирались 800–1000 человек. Люди сами шли, не надо было специально привлекать.

Б.Д. Спасибо, Жан, удачи, тебе!

Беседовал Б.З. ДОКТОРОВ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Докторов Б.З. Человек, который много сделал и многое делает (к 85-летию Ж.Т. Тощенко) // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 102–114.
- Жизненный мир работников труда: устойчивость versus прекарность / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2024.
- От прекарной занятости к прекаризации жизни. Коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022.
- Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020.
- Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протоклассу к новому классу» М.: Наука, 2018.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
- Тощенко Ж.Т. Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005.

ДОКТОРОВ Борис Зусманович – доктор философских наук, профессор, ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (bdoktorov@inbox.ru).

A MAN WHO STILL DOES A LOT (interview with Zh.T. Toshchenko)

DOKTOROV B.Z.*, TOSHCHENKO Zh.T.**,

*Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

**Sociological Department of the Russian State University for the Humanities, Russia

---

Boris Z. DOKTOROV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Associate Fellow of the Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia; Honorary Doctor of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (bdoktorov@inbox.ru); Zhan T. TOSHCHENKO, Corresponding Member of RAS, Scientific Director of the Sociological Department of the Russian State University for the Humanities; Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (zhantosch@mail.ru).

Abstract. This interview with prof. Zh.T. Toshchenko is a continuation of our series of conversations, conducted over the course of almost two decades and covering his entire life. The focus of the first part of the conversation is on discussing the topics and results of his research over the past five years, but then we touched on a more distant past. Toshchenko presented the conclusions of his large-scale theoretical and empirical study of the precariat. It was based on his concept of the "sociology of life", which made it possible to approach the explanation of the lifeworld of the precarious people. The next step was an analysis of contemporary Russian labor policy, in particular such a trend as the precarization of labor. The dominant role of labor in the life of Soviet society is reflected not only in the social sciences, but is also vividly presented in Soviet literature of that era. Hence, the question of reflecting the precarization of labor and other aspects of life of the population of Russia in contemporary art was natural. According to Toshchenko, criticism of everything that was called "industrial prose" in the 90s has resulted in almost complete disregard for this issue by today's writers. In the coming years, the hero of the day is focused on generalizing what has been done in the process of developing the problematic of the social contract. That it is necessary to identify and comprehensively analyze the dynamics of interests of the institutions of power and the people. Here the mechanisms for building a modern democratic society can be found. The results of the second part of the interview allow us to assert that Zh.T. Toshchenko is the only Russian sociologist whose works provide a half-century-long dynamic of labor relations in the USSR/Russia, from the movement for communist labor to the precariat.

Keywords: lifeworld, sociology of life, paradoxicality, precariat, social contract, rut effect, historical justice, trauma society.

REFERENCES

- Doktorov B.Z. (2020) A man who has done a lot and does a lot (by the 85th anniversary of Zh.T. Toshchenko). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 102–114.
- Toshchenko Zh. T. (2020) Society of trauma: between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analysis). Moscow: Ves' Mir.
- Toshchenko Zh.T. (2016) *Sociology of life: monograph*. Moscow: UNITY-DANA.
- Toshchenko Zh.T. (2005) *Sociology of labor: experience of a new reading*. Moscow: Mysl'.
- Toshchenko Zh.T. (2018) *Precariat: from the Proto-class to the new class*. Moscow: Nauka.
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2020) *Precariat: formation of a new class: collective monograph*. Moscow: CSP@M.
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2021) *Precarious employment: origins, criteria, features*. Moscow: Ves' Mir.
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2022) *From precarious employment to precarization of life*. Collective monograph. Moscow: Ves' Mir.
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2024) *The life world of labor workers: stability versus precarity*. Collective monograph. Moscow: Ves' Mir.

Н.В. РОМАНОВСКИЙ

ВОСХОЖДЕНИЕ К ВЕРШИНАМ НАУКИ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; заместитель главного редактора журнала «Социологические исследования»; профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (socis@isras.ru).

Аннотация. Статья описывает путь Ж.Т. Тощенко в науке, опираясь на метафору восхождения к горной вершине. Рассматриваются основные вехи его творческого пути, в том числе на основе воспоминаний. Ж.Т. Тощенко характеризуется как создатель и руководитель коллективов исследователей-социологов. Отмечаются его особенности в этой роли. В центре работы – обозначение его вклада в науку, исследования, изыскания в ключевых вопросах социального, социологического знания. На основе анализа трудов Ж.Т. Тощенко показано покорение высот теоретической социологии. В частности, он предложил научной общественности общесоциологическую теорию – «социологию жизни», идея которой стала созревать к началу 1990-х гг. Даются характеристики этой теории и перспективы ее развития.

Ключевые слова: Ж.Т. Тощенко • социология • Академия общественных наук при ЦК КПСС • Российский государственный гуманитарный университет • руководитель исследовательских коллективов • теоретическая социология • социологическая теория • социология жизни

DOI: 10.31857/S0132162525010032

Начало пути. Формирование качеств личности Ж.Т. Тощенко, как и любого человека, – это результат жизненного пути, наклонностей и убеждений, создававшихся средой и – по мере взросления – работой над собой. Жану Терентьевичу было шесть лет, когда началась Великая Отечественная война. Пережитое в оккупации, казнь отца на его глазах, несомненно, сказались на его дальнейшей жизни. Многие дала ему альма-матер. Он выбрал учебу в Московском государственном университете на истфаке – в ту пору там работали яркие личности, которые студентам не только давали знания, но и прививали гражданственность. Сталинский стипендиат, Тощенко мог остаться работать на кафедре и учиться в аспирантуре, но он едет на комсомольскую стройку – строительство железной дороги Абакан – Тайшет, что вполне в духе традиций отечественной интеллигенции.

Началось погружение начинающего одаренного исследователя – сначала комсомольца, а вскоре коммуниста – в проблемы народа. Он обратился к тому, что бросалось в глаза, – к социальной инфраструктуре послевоенной глубинки. Речь шла о качестве жизни людей в пространстве от Урала до Тихого океана. На фоне фраз Программы КПСС 1961 г. о строительстве коммунизма и т.п. Тощенко деловито анализировал эти контрасты в своих трудах, привлекая внимание к тяжелому положению простых людей, которое негативно сказывалось и на производстве, и на повседневности населения Сибири, Дальнего Востока, северных территорий страны. Неслучайно заводская социология в те годы тоже оказалась в поле внимания Тощенко. Там он сумел себя проявить.

Академия общественных наук (АОН) при ЦК КПСС – заведение, созданное советской властью для продвижения людей, стремившихся и способных эффективно работать на благо социалистической Родины. Его направляют туда учиться в аспирантуру, которую он заканчивает в 1967 г. защитой кандидатской диссертации «Социальное планирование

в системе научного управления социалистическим обществом». На более высоком уровне теоретической рефлексии в 1973 г. эта проблематика защищена им в докторской диссертации «Методологические проблемы социального планирования». Именно интерес к социальной реальности и ее осмысление, огромная ответственность за выработку рекомендаций руководителям крупнейших предприятий края привели к тому, что интервал в семь лет между защитами диссертаций снимал возможные сомнения в потенциале молодого (38 лет) исследователя. Тогда, как и сейчас, защиты докторских диссертаций по общественным наукам не проходили мимо внимания научной общественности и кадровых служб, особенно когда обсуждались социально острые проблемы и предлагались пути их решения. Тощенко был замечен кадровым аппаратом, которому, в частности, надлежало обеспечивать связь науки, университетов, академий с практической работой. Те, кто понимал значение науки в решении задач страны и партии, на передний край организационной, управленческой практики Тощенко не поставили: практика-управленца вырастить проще, чем теоретика. Его определили на работу в ту же АОН при ЦК КПСС.

Социология, социальная психология, социальная философия, научный коммунизм и другие новые для СССР общественные науки хрущевского и брежневского времен медленно обретали полноту гражданских прав. Думаю, на путь к социологии Тощенко встал, в частности, под влиянием системных исследований. Эта ветвь науки (и, соответственно, ее «агенты») в те годы представляла, не всегда оправданно, надежды сторонников обновления советской системы. Социологи АОН (точнее, те, кто к середине 1980-х гг. стали ими) осваивали исследовательскую проблематику партийной (но не только) работы – идеологической, информационной, кадровой, знали суть неприятных и не решавшихся вопросов.

Работа в АОН при ЦК КПСС. Тощенко сотрудничал с учеными смежных подразделений академии и дисциплин, учился у них. Назову некоторых, на мой взгляд, работавших в ней «эталонных» ученых, с которыми тогда связывались определенные ожидания в науке и – возможно – в политике. А.К. Уледов и Г.М. Андреева много сделали для авторитета социальной психологии и психологии личности. Академик АН СССР В.Г. Афанасьев выделялся среди специалистов социальной философии, глубоко обосновывая необходимость системных исследований. Член-корреспондент АН СССР Дж.А. Керимов был яркой фигурой в области теории государства и права, а доктор философских наук Л.Н. Москвичев – философии социально-научного знания. Эти люди могли бы украсить любой университет мира. С 1975 по 1991 г. Тощенко заведует отделом¹ и кафедрой (если не ошибаюсь в названии – идеологической работы) АОН. На излете 1980-х гг. ему поручают создать Центр социологических исследований.

Преподавание комплекса общественных наук в вузах того времени, на мой взгляд², создало среди интеллигенции стойкую «тоску» по правде жизни и возможности оперировать добытыми в поле «истинными», неоспоримыми данными (в том числе социологическими), реально отражать, оценивать на этой основе ситуацию и – имплицитно – адекватно реагировать на происходившее в стране и в мире. Распространенные в среде советской вузовской и академической интеллигенции надежды на перемены в общественных науках тех лет аппаратом партии учитывались только частично. Поэтому ожидания реализовывались с задержкой, что к началу 1980-х становилось все более заметным.

Некоторые авторы современных трудов по истории социологии советского времени обходят стороной роль людей из аппарата КПСС в судьбах отечественной социологии. В действительности осторожное, тем более негативное отношение к социологии было далеко не всеобщим. Надежды на социологию (и на потенциал некоторых других дисциплин³) в те годы в партийных организациях ряда республик и областей, у их

¹ Одно время – отдел по исследованию эффективности партийной пропаганды и политической информации.

² Отложившиеся в памяти впечатления о работе в ряде вузов страны и институтов АН СССР в 1965–1976 гг.

³ Военные, например, многого ждали от социальной психологии.

руководителей были очевидными. На них опирались социологи АОН. Нередко этими руководителями были недавние воспитанники академии. Так, на учебной практике в Оренбургском обкоме КПСС в феврале–марте 1978 г. аспиранты кафедры идеологической работы АОН⁴ проводили опрос об эффективности идеологической работы в области – под опекой секретаря обкома по идеологии В.П. Поляничко и работника ЦК КПСС В.Г. Байковой. Во время поездок с коллегами-социологами по партийным учебным заведениям Народной Республики Болгарии и Германской Демократической Республики заметным становилось сходство (если не совпадение) проблем организации социологических исследований. Советские социологи (в частности, И.С. Кон) выступали перед зарубежными слушателями партийных учебных заведений. Успехом пользовались лекции доктора философских наук Н.Н. Бокарева (1932–2006) об исследованиях ряда направлений работы КПСС. Подготовленные Академией специалисты в регионах страны привлекались к исполнению соцопросов, со временем становясь основой всесоюзной и всероссийской сети, на которую мог опираться Центр социологических исследований АОН. Центральную роль в создании этой сети сыграл Ж.Т. Тощенко. Его договоренности с работниками на местах (иногда в прошлом аспирантами АОН) – факт истории нашей социологической науки⁵. В.Г. Байкова, В.Э. Бойков, Н.Н. Бокарев, В.П. Васильев, В.К. Левашов, Г.Г. Силласте, Р.Г. Яновский – некоторые из коллег Тощенко по «партийной» ветви социологии 1970–1980-х гг. Забегая вперед, отмечу, что в 2008–2009 гг. Жан Терентьевич показал ценные факты развития отечественной социологии в регионах страны с помощью авторов с разных концов СССР, связи с которыми налаживались в 1970–1980-е гг. в ходе обеспечения социологам АОН всероссийского (всесоюзного) «поля» (см.: [Вехи российской..., 2010]). Заметим, Интернета тогда не было⁶.

После постановления ЦК КПСС 1988 г., вернувшего социологию в нормальные (в социологическом смысле термина «норма») условия, круг задач Тощенко⁷ в социологии страны качественно вырос, особенно в связи с избранием его вице-президентом, а потом президентом (совместно с В.А. Ядовым и А.Г. Здравомысловым) Советской социологической ассоциации. Он налаживал исследования, формировал диссертационные советы по социологическим наукам в Академии, создал экспертную группу ВАК СССР по социологическим наукам и руководил ею. Жана Терентьевича отличало стремление к поиску теоретических основ для решения исследовательских проблем новой отрасли научного знания. Для того чтобы поставить на ноги социологию как науку, освоить ее теоретическую проблематику, требовались напряженные усилия⁸. Он много учился, выступал на конференциях, демонстрируя возможности социологии, знакомя коллег с неординарными по тем временам данными проведенных его Центром опросов. Данные были непривычны, хотя – особенно сегодня – ожидаемы. Самой популярной газетой респонденты считали «Аргументы и Факты» (не орган ЦК КПСС «Правда»). Из действовавших в стране организаций люди больше всего были склонны доверять церкви. Самой крупной фигурой истории страны виделись Петр I и Сталин, не Брежнев или Горбачев. И т.д.

Центру стали поручать социологическое сопровождение съездов народных депутатов, выборов разных уровней по всей стране, работу «на Кремль», подготовку

⁴ Как руководитель практики аспирантов другой кафедры в Оренбурге, я стал свидетелем тесного общения их с аспирантами, изучавшими опыт партийной работы в этой области.

⁵ В разнообразной литературе о жизни в СССР сейчас не упоминают партийные органы, их работу. Реально же им во всех вопросах и решениях принадлежала «руководящая и направляющая» роль.

⁶ Отчет по одному исследованию передавался в Германию так: кто-то ехал на Белорусский вокзал, договаривался с проводником определенного вагона, номер вагона сообщался по телефону в Германию, там вагон встречали, брали документ у проводника и т.п.

⁷ Его участие в комиссии, готовившей это постановление, в комментариях не нуждается – авторитет ученого был высок.

⁸ Запомнилось прозвучавшее на одном из первых для меня обсуждений инструментария исследовательского проекта требование: закладывать уже при формировании программы и инструментария возможность получения на выходе весомого теоретического результата.

документов для органов власти и управления. Работавшие в государственных ведомствах страны воспитанники Академии имели представление о возможностях конкретных работников, знали в лицо их самих. Обучавшиеся в Центре аспиранты отзывались на просьбы Тощенко о помощи в проведении исследований в своих регионах.

В 1989 г. Центр Тощенко в АОН начал готовить проведение крупного международного исследования. Заокеанские социологи под руководством профессора Джоан Дебарделебен при поддержке гранта канадского Карлетонского университета намеревались изучить – тогда еще советскую – промышленность в условиях надвигавшегося на нее перехода к рынку. Забегая вперед, могу констатировать: «наши» в профессиональном плане оказались на высоте требований контракта с зарубежными партнерами. Запросы «заказчика», обеспечение непростого поля⁹ в регионах нашей страны и в разных отраслях промышленности были выполнены качественно; претензий к нашей стороне даже в мелочах не было. Последовали новые заказы из-за рубежа, в том числе коммерческие (компании «Фольксваген», к примеру). Проверка работой с зарубежными коллегами прошла достойно, мы получили опыт сбора и анализа данных полевых исследований в самых различных условиях¹⁰. Тощенко же, как выяснилось, накапливал еще и ценный материал об общественном сознании и социальном поведении респондентов для будущей монографии [Парадоксальный человек..., 2001]. Книга вышла двумя изданиями¹¹, а также на английском языке¹².

Здесь уместно кратко охарактеризовать этот труд Ж.Т. Тощенко как этапный в развитии его мастерства в социологическом ремесле и важный шаг к конвертации синтеза огромного объема социологических данных в «большую» теорию. «Парадоксальный человек» отразил, в частности, стремление автора искать корни новых, специфичных реалий социальной жизни страны и ее населения, расшифровывать поведение масс, ставившее порой в тупик аналитиков и прогнозистов, а также руководителей страны. «Парадоксальный человек» – вот к чему надо обращаться за объяснением специфики социального сознания и поведения граждан России конца 1980-х и начала 1990-х гг. Представленные в работе данные ждут расшифровки для постижения парадоксов и прорывов в глубины сознания и поведения конкретных людей в конкретных социальных обстоятельствах – предельно неординарных. Страницы книги отражают размежевание самой социологии и ее теоретического осмысления социальной жизни с другими социальными науками, реальные стереотипы, неожиданные проявления парадоксального, показанные автором книги на социологическом материале. Тощенко предлагает читателю обсуждать вместе с ним достигнутые к тому времени результаты социологической науки в России, получившей возможность дискутировать теоретические проблемы.

В Российской академии управления, созданной на базе АОН, он, однако, разошелся с новым руководством в суждениях о дальнейшем развитии в ней социологии. Некоторое время работал в Министерстве РФ по делам национальностей и региональной политики, затем перешел на работу в РАН, был избран членом-корреспондентом РАН, возглавил журнал «Социологические исследования».

До 1991 г. усилия Ж.Т. Тощенко сосредоточены на проблемах мировоззрения, общественного сознания и поведения. Далее наступает новый этап, который, по моему мнению, может быть рассмотрен при фокусировании анализа на двух возможных направлениях: 1) обобщенная характеристика руководства Жаном Терентьевичем научными

⁹ На предприятиях проводились глубинные интервью (продолжительностью до 2–4 часов из-за перевода) с первыми лицами; анкетные опросы охватывали рабочих, специалистов, руководителей.

¹⁰ Коллег из Центра, по их рассказам, при измерении политических страстей в Таджикистане (для диссертации аспиранта Академии 1991 г.) в одном из горных районов сопровождали автоматчики – на всякий случай.

¹¹ Предисловие ко 2-му изданию «Парадоксального человека» написали З. Бауман, П. Штомпка, Г. Тюни, Т. Заславская.

¹² *Toshchenko Zh. Paradox Man in Contemporary Russia*. СПб.: Алетей, 2010.

коллективами отечественных социологов; 2) осмысление потенциала его трудов, важных для страны и социологической науки.

Руководство коллективами ученых. 1 сентября 1997 г. для меня началась работа в журнале «Социологические исследования». Через пару лет к работе в журнале добавилось мое преподавание на социологическом факультете РГГУ, созданном Тощенко в 1995 г.

Воспоминания о двух-трех десятках лет совместной работы с Тощенко позволяют анализировать его руководство научными коллективами возрождавшейся социологии нашей страны стандартными методами (кейс-стади и включенное наблюдение). Тощенко в эти годы показал себя эталоном ученого – руководителя наукой как институтом общества. Его деятельности в постсоветские годы многогранна и ответственна. Высокую планку ответственности он задавал себе сам. По штату числясь менеджером, администратором, руководителем (центра, факультета, департамента, журнала, различного уровня научных советов и пр.), ученый-социолог не переставал накапливать социологические данные, социальные факты, осмысливал их как грани уникальной социальной реальности. Игнорировать новую социальную информацию в его случае немислимо, недопустимо, даже опасно (главным образом для страны, с одной стороны, и, с другой – для игнорирующего: такая позиция деморализует и морально калечит ученого и его окружение). Личное участие в исследованиях, руководство ими поддерживает (как у спортсмена) научную форму, способность творить, приносить пользу. Для него органически важно – иначе теряется смысл заниматься наукой – видеть, находить, уточнять, осмысливать, прогнозировать содержательную составляющую работы, прежде всего – работу с реальными данными социальной жизни.

Тощенко как научный руководитель притягивает к себе учеников, последователей из среды коллег, аспирантов, студентов, соискателей, докторантов, безошибочно подбирает им место и роль в коллективе. Они же выступают одновременно добытчиками и поставщиками научного знания, раздвигают собственные горизонты и горизонты научного руководства. Внешне в действиях Тощенко мало от администратора, но много от науки, по возможности – максимум. Руководство аспирантами, слушателями, студентами как норма учебного процесса вошло в привычку Тощенко, распространяемую на всех, кто попадает в орбиту работающих рядом. К нему тянутся как к наставнику; нередко после защиты кандидатской к нему приходят с новыми работами; возвращаются, становясь под его «крыло», и те, кто давно стали самостоятельными учеными.

При написании данной статьи, думая об истоках мастерства Тощенко на поприще науки, в работе с социологической теорией, я для себя обнаружил, что он, в сущности, следует параграфу 10 Устава РАН, который сохраняется со времени Петра I. Вот текст параграфа: «...организация и проведение научных исследований, направленных на получение новых знаний о законах развития природы, общества, человека и способствующих технологическому, экономическому, социальному и культурному развитию России» и т.д. Наука, исследования, новое знание, развитие общества и человека, процветание России – целеполагание создателей Академии, совпадающее с целью жизни человека науки, как эту цель понимает и практикует Тощенко.

Он не представляет коллектив, скажем, кафедры, вуза, журнала и т.д. без проведения значимой исследовательской работы. Его отличала и отличает способность (с годами ставшая личным правилом) организовывать «команды» вокруг актуальных проблем общества и науки, обеспечивать намеченные исследования средствами, включая материальные, организационные, кадровые. Он понимает, как искать, добывать, генерировать научное знание. Он организует эту работу как упорядоченный особым образом процесс, ставит перед коллегами на обсуждение ключевые, новые, важные для страны и науки исследовательские задачи. Такая работа сопровождается тем, из чего состоит «тело» и «дело» науки. Полевые исследования, оценка и проблематизация данных, конференции, публикации, руководство научной работой и профессиональным ростом подчиненных, коллег, создаваемых команд и т.д. – органическая часть его деятельности руководителя.

Что движет действиями Тощенко-руководителя? Думаю, его отличает прежде всего ответственность за создаваемые под его руководством труды. Это органическая черта ученого, это ответственность социальная. Она проявляется во всем, например – в воздержании от участия в конфликтах, в случающихся и в научной среде «разборках». Низкая конфликтность в повседневности научных коллективов отличает его руководящую деятельность. Благо науки – превыше всего. Долг ученого – это долг перед сидящими в аудитории студентами, аспирантами, преподавателями, перед народом страны, наконец.

Страна должна быть информирована о работах ученых. Публикуйся не потому, что иначе ты ничто (американский лозунг *Publish or perish!*). Труд ученого – дело общественное: дело общества, для общества, на средства налогоплательщиков. У Тощенко сложились правила, следования которым он ожидает от тех, кто оказывается в орбите его научного (административного или иного) руководства. Занимайся тем, что «по душе». Открытость, лояльность к инакомыслящим, несогласным, к позициям, публикациям, концепциям оппонентов и критиков сопровождают его путь. Тощенко-руководитель терпим даже к тому, что называют «недостатками» ученого и человека, к высказанным научным позициям¹³. Он щепетилен в оценках и изложении фактов, непримирим в отношении отступления от добросовестности, как было в случае с появлением публикации с уничижительными оценками современной российской социологии¹⁴.

Тощенко – руководитель в науке стремится доносить результаты исследований до аудиторий страны и зарубежья. Не пытаюсь охватить в качестве примеров все его книги (тем более статьи – их поток сопровождает работу ученого буквально над каждой темой). Под его руководством и при его авторстве/соавторстве созданы и пишутся труды по ключевым вопросам социологии, ее субдисциплинам: общая социология, социология политическая, социология управления, социология труда, тезаурусы по общей социологии и методам социологических исследований¹⁵, введения в социологию и др. Так, разработка преподавателями соцфака РГГУ проблемы «Российская гуманитарная интеллигенция» сопровождалась публикациями как книг, так и статей в периодических изданиях. Эта норма работы руководимых им коллективов оправдала себя как средство поддержания творческого тонуса в коллективе и наращивания его потенциала. Важным видится ему и иная сторона публикационных усилий – поддержание массового интереса к печатному научному слову, к книге среди учащихся и студентов страны, всех россиян, противодействие тренду читать исключительно с мониторов.

Публикаторская активность, «агентность» Тощенко всецело простирается на отношение к зарубежной социологии. Он убежден: наука не имеет национальных границ; она интернациональна, как и деятельность ученых. Такая установка, бесспорно, способствует расширению кругозора работающих рядом с Тощенко преподавателей и исследователей. Игнорировать общее состояние науки, в его глазах, как минимум наносит ущерб самой науке. Он убежден: у российской социологии есть своя этика, значимые традиции, в чем-то отличные от социологии других стран, даже наиболее близких нам. «Патриотизм», – заметит кто-то. А если это нечто иное, некое «секретное оружие» русского ученого? Жан Терентьевич зарубежных социологов знает лично на протяжении многих лет; встречается с ними на международных мероприятиях, они не раз гостили в АОН, гостят в Российском государственном гуманитарном университете, участвовали и участвуют в совместных конференциях, публиковались в наших изданиях – видимо, еще одна его норма жизни в науке.

¹³ Среди его трудов я высоко ценю совместную с А.В. Дмитриевым и В.Н. Ивановым статью [Дмитриев и др., 2018].

¹⁴ Romanovskiy N., Toschenko Zh. On the real state of sociology in Russia. Opposing Vakhshstein's Polemics // Global Dialogue 2012. Vol. 2. No. 5: 23–24.

¹⁵ Не удалось пока – по причине объективной – выпустить «теоретический» тезаурус, хотя задача эта поставлена.

Труды Тощенко – программа движения вперед. Долг ученого Тощенко реализует через инициативы, постановку и поиск решений острых проблем в созданных им и при его участии трудах. Нередко для них берутся самые «больные», в конкретное время считавшиеся или считающиеся табуированными социальные проблемы, вопросы науки и др. Для иллюстрации этой мысли можно обратиться к спискам трудов Тощенко¹⁶. Упомяну его относительно непродолжительную работу в Министерстве Российской Федерации по делам национальностей и региональных проблем (Миннац) в первой половине 1990-х. Показательно, что ее результатом стали две выдающиеся монографии, анализирующие суть проблем, ключевых в сфере ответственности такого министерства: монографии об этнократии и о теократии [Тощенко 2003; 2007].

В заголовках этих книг фигурирует «-кратия», что указывает на обращение к сугубо политическому, властному смыслу затронутых проблем. Опыт Миннаца подтверждал острую значимость для России и ее менявшегося тогда руководства проблематики этносов и религий живших «под одной крышей» народов. Сочетание этнического и религиозного – материал для возникновения большинства «курируемых» подобными учреждениями проблем российского государства, определяемых конфликтогенностью указанного сочетания (да и порознь то и другое – не менее взрывоопасны), особенно в тот момент истории постсоветской Российской Федерации. Автор книг об этно- и теократии показал опасные, явные или латентные, но в то время многими игнорировавшиеся явления и процессы в РФ и соседних с нею странах. В том числе те, что уже вскоре потребовали от России вооруженных мероприятий и немалых для номинально мирного времени жертв. Обе книги вскоре вошли в списки изучаемой в университетах страны литературы по современному политическим проблемам, помогая новым поколениям специалистов оттачивать аналитическое и практически-политическое мастерство применения социологического анализа.

При написании другой примечательной книги этих лет Тощенко «вторгся» в политику через тематику так называемых элит нашей страны девяностых и последующих годов – «Фантомы российского общества» (2015). Эти годы сейчас кто-то называет «лихими», кто-то «святыми». Источниковая база труда Тощенко о «фантамах», на первый взгляд, неказиста. Но: печать, другие СМИ, Интернет в те годы, не стеснясь, обнародовали аутентичные и добывавшиеся несправедливыми путями данные. Действующие в книге «фантомы» – реальны, типажи угадываются, позиции и мысли достоверно документируются. В них узнаются многие персонажи, стоявшие на вершинах власти, рядом с ней, включая руководство сферой науки.

Не могу избиться от мысли, что к этой книге Тощенко с благодарностью обратятся в будущем создатели фильмов, пьес и спектаклей о тех переломных для страны годах, подтверждая, между прочим, близость «большой» социологии к произведениям искусства. Реальность того времени на страницах «Фантомов» неподдельна. Оценивая время и его «героев», извлекая уроки, Тощенко сформулировал важный для самоопределения страны в те годы и сейчас вывод: самозванные «элиты» решали тогда своекорыстные задачи. Страна скатывалась в бездну под аккомпанемент призывов к каждому укрываться в пресловутой «хате с краю». Коллективный Запад формировал для России «внешнее управление». «Пронесло, – выдохнут некоторые, – Бог миловал!» Урок же этой книги, преподнесенный каждому и всем, иной: «Сам не плошай!» Нельзя в критических для страны ситуациях держаться в стороне. Нельзя забывать подобные уроки, правящие элиты важно оценивать их верностью интересам страны.

Забота о благе страны ожидаемо нашла отражение в позиции Тощенко по поводу обострившегося к началу 2000-х гг. вопроса о теоретическом фундаменте восстанавливаемой в России социологии. Публикациями в журнале «Социологические исследования»

---

¹⁶ Жан Терентьевич Тощенко: Библиографический указатель / Сост. Н.В. Краснова, при участии А.В. Кученковой. 3-е изд., испр и доп. М.: РГГУ, 2024.

он поддерживал память о российских забытых, казалось, земских статистиках XIX в., о социологическом наследии П.А. Кропоткина, о трудах советского краеведа 1920-х гг. А.М. Большакова. В журнале регулярно выступает питерский историк Б.Н. Миронов – мастер применения социологии к социальной истории страны. Р.В. Рывкина не раз осуждала со страниц журнала безудержное подражание иностранным авторитетам и т.п.

Усилия Тощенко направлены к главному вопросу современного этапа развития российской социальной науки, близкой его собственным устремлениям, – потребности заниматься самым серьезным образом фундаментальной теорией социального, интегрировать в нее временное, пространственное и иные измерения. Отсюда его настойчивое стремление открывать номера журнала статьями по теоретической и методологической проблематике. Задача была новая, многокомпонентная, не все коллеги были к ней готовы. В эти годы начиналась интеграция в отечественную социологию теоретизируемых факторов (кроме времени и пространства¹⁷), культуры (переводились тексты Дж. Александера по этой проблематике), активности («агентности») людей и др. Но все же знание западной теоретической социологии и процессов, перипетий и внутренних конфликтов в ней оставалось у многих российских социологов поверхностным. Соросовские издания на русском языке в известные годы превозносили успехи и достижения западных теоретиков. Недостатки же и просчеты, например Т. Парсонса, замалчивались. Десятки «поворотов» западной социологии этих лет свидетельствуют между тем о тупиках западной социологии, бездумно следовавшей Парсонсу и Мертону¹⁸. А таких «поворотов», начиная с 1980-х гг., в западной социологии произошло несколько десятков, и большая часть из них компенсировали пробелы, допущенные исходной моделью структурного функционализма. Действительно, какой оценки заслуживают схемы подобных авторов, если они не отражали такие факторы, как время, историю, пространство (место), активность людей и групп, культура и др.? Сегодня это выглядит латанием теоретических оснований и методологии теорий социологов, следовавших парсоновским образцам.

Ключевые темы теоретических усилий Тощенко реализованы в его монографиях, посвященных разработке проблем: а) прекарности в мире и России, б) применения идей социальной травмы к современной истории России, в) актуализации идей общественного договора для современного мира, г) развитию дискурса вокруг идей «социологии жизни» и др. Монографии на эти темы автор дополнял и развивал публикациями в различных и региональных журналах, коллективных монографиях, изданиях иных форматов. Чем ценны выступления Тощенко по названным проблемам? Какие научные горизонты социологии они открывают?

Прекарность положения трудящихся масс была известна создателям «Манифеста коммунистической партии» (1848) при обосновании положения пролетариев в капиталистическом обществе и исторической миссии пролетариата. Обращение в XXI в. к этой грани политического процесса симптоматично как продолжение поиска источников социальной динамики стран современного мира. Тощенко обосновал важность проблемы прекариата количественными (массовость этого слоя трудящихся) и качественными (его протестный потенциал) аргументами и данными. Тема эта сейчас перспективна, на мой взгляд. Проблему потенциала прекариев XXI в. полнее раскроет, видимо, анализ и «осовременивание» субъективной и организационной сторон политических возможностей прекарных слоев современного общества.

Социальная травма в разработках Тощенко, в частности, на базе идей П. Штомпки и Дж. Александера, обеспечивает оптику анализа, оценок, объяснений сути и специфики череды политических «переломов» в новейшей истории России вплоть до наших дней

¹⁷ В вопросах пространства в связи с мобильностью и культурой журнал предоставил слово молодому тогда смоленскому ученому Д.Н. Замятину (позднее сменившему тематику), работавшему в направлении, схожем с хорошо известными усилиями А.Ф. Филиппова.

¹⁸ В последние годы появляются публикации, признающие данный факт, см., напр.: [Тернер, Митупова, 2024: 148].

(см.: [Тощенко, 2020] и др.). Многочисленные сюжеты истории России в их сопоставлении с «кейсами» стран Европы и Азии, рассмотренные сквозь призму «социальной травмы», могут обогатить понимание проблем (включая проблемы войны и мира) на глобальном уровне. Выполненный Тощенко анализ показывает, что такой подход яснее и убедительнее раскрывает важные отличия в поведении «агентов» политических интеракций последних лет в России и по периметру ее границ, ускользающие при игнорировании «социальной травмы». Могут быть существенно обогащены результаты политической аналитики и прогнозистики.

Разработка Тощенко с коллегами по РГГУ проблематики *общественного договора* (ее истоки – в трудах Ж.-Ж. Руссо XVIII в.) в последние годы может казаться неожиданной лишь на первый взгляд. Острые грани этой темы обнажились в фактах конца 1980-х и начала 1990-х гг. Тогда Тощенко вместе с В.Э. Бойковым создали периодическое издание «Народ и власть», сосредоточившись на сути, последствиях и уроках для общества развала СССР. То время вынуждало признать, что «западные» интерпретации СССР всегда строились вокруг устремлений, обратных тому, что утверждал лозунг «Народ и партия едины». Практическая политика Запада на постсоветских и смежных с ними территориях вернулась к прежней цели: лишить власти Российской Федерации и дружественных ей стран поддержки народа. Соответствующие политические, дипломатические, экономические и прочие усилия сосредоточены по одной схеме: расколоть народы России, ее друзей и союзников из республик бывшего СССР. Здесь развернулось острое противостояние.

Другая грань значимости идей *общественного договора* связана с кризисом демократии по-американски, по-европейски, грозящим устойчивости западного мира. Обращение Тощенко к исследованию проблематики «социального контракта» Руссо напоминает о контексте назревших императивов XXI в. Сегодня идеи, породившие «общественный договор», «демократию» как оптимальный якобы баланс желаний населения и властей, практически забыты. Демократия в странах Запада, «суверенитет», «власть народа», избирательные нормы и практики, права избирателей и т.д. лишены реального содержания. Демократические процедуры, давно вызывающие сомнения, во многих случаях подменены промыванием мозгов, манипуляциями, превращением избирателей в «электоральный материал». Цели оправдывают средства, а средства все больше уводят общества за грань человечности и человеческого разума. Сложившаяся в западном мире ситуация все больше обнажает факт разрыва с идеалами времен Руссо и французского Просвещения, Французской революции. Войны, вплоть до мировой, термоядерной, несостоятельные наполеоны, власть финансового капитала, игнорирование сути демократии и *общественного договора* – вот чем формируются отношения народов с властями современного Запада.

Такое состояние «контрактов» с обществом требует обновления. Очевидна необходимость поиска иного типа *общественного устройства*, его устоев, норм и правил. Человечество ищет подобных «агентов» в политике, в элитных группах, в науке, образовании и т.д. Видимо, близка смена эпох, выдвижение в порядок дня новых лозунгов и идеалов, ценностей равенства, гуманизма, справедливости. Об этом, может быть, и напоминает обращение Тощенко к исследованию проблематики «социального контракта» Руссо и других мыслителей эпохи Просвещения. В контексте назревших императивов XXI в. речь может идти о видящемся пока в неясных очертаниях новом раунде исторических подвижек – к торжеству социального разума.

Тощенко постоянно обращается к теоретическим основам дисциплины как руководству к действию. Недостаточно называть себя социологом, обладая лишь финансовыми средствами, связями и оплаченным доступом к СМИ. Принадлежность к социологии подразумевает дорогу в эту науку¹⁹ и понимание сути того, что и как она изучает. Тощенко

¹⁹ От Н.И. Лапина на эту тему довелось услышать на заседании редколлегии журнала примерно такую фразу: социолог лишь тот, кто хотя бы раз провел от начала до конца социологическое исследование.

такого рода вопросы (и ответы на них) в последние три-четыре года перевел в плоскость концепции «социологии жизни», двигаясь к этому шагу через осмысление проблем личности, активности, сознания и поведения, действия, целеполагания. *Социология жизни* (далее – СЖ) – его ответ на вопрос, что изучает социология как наука. Этот вопрос, хочется верить, важен и для мировой социологической науки. Не берусь описывать, как родилась эта формула. Мне важно, что «социология жизни» не помешала общему собранию Академии в 1997 г. избрать своим членом-корреспондентом Ж.Т. Тощенко. Вскоре в журнале «Социологические исследования» доктор философских наук Ю.М. Резник инициировал дискуссию вокруг СЖ [Резник, 2000], зафиксировав тем самым ценную для научной биографии нашего героя веху на пути к «большой» социологической теории.

Конечно, у СЖ есть недостатки, что справедливо констатируют ее критики. Но этих недостатков не больше, чем, например, у структурного функционализма Парсонса или у теорий Гидденса, Лумана и других современных социологов-теоретиков. В мировую теоретическую социологию из России пришел не только альтруизм П. Сорокина, по этому пути шли и другие российские мыслители. На грани XIX и XX вв. М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, Л.Н. Толстой, Г.В. Плеханов, П.А. Сорокин и другие дали примеры оригинальных теоретических подходов. В советскую эпоху под «зонтиком», в частности, версий марксизма-ленинизма бытовала социальная теория; социологи в СССР не сторонились проблем «большой теории». Тощенко на этом пути не одинок. Теоретизирование модернизации, цивилизационных факторов развили Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, В.В. Козловский и Р.Г. Браславский. Социологической общественности известна теория институциональных матриц С.Г. Кирдиной-Чэндлер, подтвержденная возникновением и успешным развитием БРИКС. С.А. Кравченко пришел к концепции синергичных сложностей жизненного мира новой России, применяя ее в анализе разных социумов мира. По этому пути, представляется, шли виталистские поиски С.И. Григорьева, теоретические построения Т.М. Дридзе, охватившие составные части предмета и объекта социологии (социо-, антропо-, эко-, культур- и др.). О СЖ пишут за рубежом. Немецкие социологи отметили связь социологии жизни с витализмом, реляционизмом (отношенческим подходом) к теории: «концепты социологии жизни отличаются *реляционными* определениями жизни» [Delitz et al., 2018: 11], а также дискурсы социологии жизни в разных странах, у ученых разных убеждений (Г. Зиммель, Г. Тард, С. Лэш, М. Фуко, Б. Латур, Дж. Урри, К. Леви-Стросс и др.).

Проблеме подведения комплекса подходов под рамочную (арочную) теорию napодбие СЖ Ж.Т. Тощенко (как представляется) посвятил историко-философскую статью о ноуменах и феноменах [Тощенко, 2019]. Акцент на таком шаге в эволюции социальной теории, возможно, говорит об исчерпании этапа, когда над умами ученых (включая социологов) довлело стремление к открытию мельчайших частиц материи, перенесенное в теоретизирование социального. Характеристики, качества, черты социологии жизни по Тощенко можно суммировать следующим образом. (1) Преемственность. Классики конца XIX–XX вв. (М. Вебер, Г. Зиммель, Э. Гоффман и др.) делали шаги, можно считать, готовившие почву продвижению в данном направлении. Упомяну лишь подходы к действию, совершаемому человеком и выступающему фундаментальным проявлением «жизни» – человеческой, социальной. (2) СЖ непротиворечива среди комплекса современных социологических теорий; во всяком случае, она не пытается опровергать сделанное до сих пор в этой области другими учеными. (3) Она предлагает более совершенную рамку²⁰ социального теоретизирования, удачно интегрируя поиски в социологическом теоретизировании в XX в. Это теория арочная, объемлющая то, что достигнуто ранее. (4) Эта теория социальна настолько, насколько социальность мыслится в соответствующих науках. (5) СЖ снимает сомнения в правомерности подкреплять социологию ссылкой на проявления социальности живых существ [Шмерлина, 2013] – от, скажем, муравьев

²⁰ В 1990-е гг. немецкий социолог Н. Эссер пытался преодолеть мультипарадигмальность теоретической социологии, объединив ряд теорий; попытка не удалась [Романовский, 2005].

до приматов – живые существа по определению формируют сознание или ведущие к его формированию и развитию формы жизни. (6) Напоминание о традиции мыслить феномен и ноумен как параллельные и равноценные категории снимает возможные сомнения и подозрения, что имеет место протаскивание в науку чуждого социальной теории положения. Напротив, социология жизни продолжает традиции социальной классики. (7) Упоминанием «жизни» она придает импульсы гуманизму, человечности, идеалам мира без войн и насилия, сколь бы наивным и притянутым этот довод ни казался. Не забывать об этом важно. (8) СЖ проста, но не примитивна – напротив, она объемлет все: ставит целый ряд проблем, открытых активной человеческой мысли. И так далее.

Социология жизни состоялась, став, возможно, вехой в развитии теоретической мысли социологов, их способности к обновлению теорий за пределами Западной Европы и Северной Атлантики.

* * *

Подытоживая, отмечу: Тощенко в своих трудах успешно ведет социально-теоретический поиск по ряду важнейших, крупных направлений социологической науки: метатеория, теоретические основания специфики социального развития России, сознание и поведение людей, травма как инструмент анализа современности, роль прекариата и гуманитарной интеллигенции в современном обществе и т.д. В раскрытии каждой из этих тем многое реализовано. Однако глубина постановки и раскрытия вопросов в этих трудах демонстрирует потенциал и перспективы открывающегося на этом пути горизонта. Ж.Т. Тощенко, несомненно, сам и со своими командами будет эти горизонты исследовать до максимумов охвата и научной глубины, позволяющих добывать новое знание о мире, месторазвитии (П.Н. Милюков) человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вехи российской социологии 1950–2000-е годы / Под ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовского. СПб.: Алетейя, 2010.
- Дмитриев А.В., Иванов В.Н., Тощенко Ж.Т. Так как все же было на самом деле? К истории возрождения социологической науки в СССР // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 134–144.
- Резник Ю.М. "Социология жизни" как новое направление междисциплинарных исследований // Социологические исследования. 2000. № 9: 3–12.
- Романовский Н.В. Мультипарадигмальная социология – auf Wiedersehen? // Социологические исследования. 2005. № 12. С. 23–32.
- Социологические исследования в идеологической работе: Проблемы и опыт / Отв. ред. Н.Н. Бокарев. М.: Мысль, 1976.
- Тернер С.П., Митупова С.А. Жизнь в социальной теории (интервью со Стивеном Тернером) // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 148.
- Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001.
- Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность (социологические очерки). М: РОССПЭН; 2003.
- Тощенко Ж.Т. Теократия: фантом или реальность? М.: Academia, 2007.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу: Монография. М.: Наука, 2018.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.
- Шмерлина И.А. Биологические грани социальности: Очерки о природных предпосылках социального поведения человека. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.

Статья поступила 24.12.2024. Принята к публикации: 17.01.2025

ASCENDING THE HEIGHTS OF ACADEMY (TOSHCHENKO IS 90)

N.V. ROMANOVSKIY,

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Nikolay V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS; Deputy Head Editor of the journal "Sociological Studies"; Prof. of the Russian State University for Humanities, Moscow, Russia (socs@isras.ru).

Abstract. The article, which could not avoid few elements of memories, was intended to outline the path of Zh.T. Toshchenko in the academic profession as climbing the eight-thousandth peak to membership in the Academy of Sciences of Russia – war, school, university, two dissertations, etc. For almost 20 years, the Academy of Social Sciences of the Central Committee of the CPSU became his main place of work, where he was entrusted first with the creation of a department, and eventually a Center for sociological research and sociologists' training. Considerable attention is paid to characterizing the environment and contexts of his activities. One of the sections of the article is devoted to the characteristics of Zh.T. Toshchenko as a leader of research teams. Yet, the central topic of the article is Toshchenko's contribution to important sections of sociological knowledge, to formation of a considerable group of his followers, and more and more new research in key issues of social and sociological knowledge, the preparation of scientific monographs, election to the Academy and conquering thus heights of theoretical sociology in the form of offering to the scholarly community a "grand", or general, sociological theory, ripe by the early 1990s, the "sociology of life" theory.

Keywords: Zh. Toshchenko, anniversary, sociology, Academy of Social Sciences, Russian State University for the Humanities, heading research teams, theoretical sociology, general theory, sociology of life.

REFERENCES

- Dmitriev A.V., Ivanov V.N., Toshchenko Zh.T. (2018) So What Really Took Place? Regarding History of the Revival of the Sociological Science in the USSR. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 134–144. (In Russ.)
- Milestones of Russian Sociology 1950–2000th.* (2010) Ed. by Zh.T. Toshchenko, N.V. Romanovskiy. Saint-Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
- Reznik Yu.M. (2000) "Sociology of Life" as a New Direction of Interdisciplinary Research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–12. (In Russ.)
- Romanovskiy N.V. (2005) Multiparadigmatic Sociology – auf Wiedersehen? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 23–32. (In Russ.)
- Romanovskiy N.V., Zh.T. Toshchenko (2012) On the Real State of Sociology In Russia. Opposing Vakhstein's Polemics. *Global Dialogue*. Vol. 2. No. 5: 23–24. (In Russ.)
- Sociological Studies in Ideological Realm: Issues and Experience.* (1976) N.N. Bokarev (ed.). Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2013) *Biological Facets of Sociality: Essays of Natural Background for the Social Behavior of Human Beings*. Moscow: Librokom. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2016) *Sociology of Life*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2001) *Paradox Man*. Moscow: Gardariki. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) *Trauma Society: Between Evolution and Revolution (a theoretical and empiric analysis)*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2018) Precariat: From a Proto-class to a New Class. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2003) *Ethnocracy: History and the Present. Sociological essays*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2007) *Teocracy: Phantom or Reality?* Moscow: Academia. (In Russ.)
- Turner S.P., Mitupova S.A. (2024) A Life in Social Theory (interviewing St. Turner). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 141–150. (In Russ.)

Received: 24.12.2024. Accepted: 17.01.2025

М.Б. БУЛАНОВА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ Ж.Т. ТОЩЕНКО

БУЛАНОВА Марина Борисовна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (marina_bulanova@inbox.ru).

Аннотация. Представлена история становления и развития научно-образовательной модели социологической подготовки Ж.Т. Тощенко в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ). Опираясь на исторические традиции русской школы социологии, первый декан социологического факультета реализовал оригинальную модель образования для профессиональной подготовки социологов, а также программы преподавания общего курса социологии студентам несоциологических специальностей. За 26 лет деятельности в РГГУ Ж.Т. Тощенко удалось собрать творческий коллектив преподавателей-ученых и единомышленников, который не только подготовил 1550 профессиональных социологов (из них 21 кандидата социологических наук), но и реализовал масштабные научные проекты по исследованию жизненного мира россиян, прекариату, общественного договора в России. Результаты этой деятельности представлены монографиями, учебными пособиями, справочной литературой, а также научными публикациями в российских и международных журналах.

Ключевые слова: Ж.Т. Тощенко • российская социология • научно-образовательная модель • подготовка социологов

DOI: 10.31857/S0132162525010042

Научно-образовательная модель Ж.Т. Тощенко продолжает традиции Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского, который с 1908 г. работал на принципах «вольного образовательного учреждения», способствующего распространению просвещения и привлечению народа к образованию. Одной из дисциплин была социология, курс читался на академическом отделении проф. М.М. Ковалевским. Гибкие учебные планы позволяли преподавателям постоянно совершенствовать программы читаемых дисциплин, сочетая их с семинариями и практическими занятиями: лекции по социологии дополнялись семинариями по философии позитивизма. Практические навыки отрабатывались в ходе ежегодного проводимых опросов слушателей, по результатам которых изменялись состав и содержание предметов преподавания, уточнялись методы и определялся круг практических занятий [Буланова, 2011]. Только в период перестройки в созданном на базе Историко-архивного института Российском государственном гуманитарном университете вернулись к изучению забытого наследия [Басовская, Крушельницкий, 1995]. Именно в это время известный ученый, организатор науки и образования, д. филос. н., профессор Ж.Т. Тощенко откликнулся на просьбу первого ректора РГГУ Ю.Н. Афанасьева начать в университете профессиональную подготовку социологов.

Планы ректора относительно развития социологии были восприняты Жаном Терентьевичем в духе исторических и академических традиций: от создания кафедры – к открытию факультета. Общеуниверситетская кафедра социологии (1996) объединила в своем составе представителей различных общественных наук: философов, историков, психологов, которые взялись за новое для них дело – преподавание курса социологии. Срочно потребовались учебные программы и пособия. Доступными оказались лишь переводные издания учебников по социологии Э. Гидденса и Н. Смелзера, однако, при всей их

обстоятельности, они были написаны в условиях другой социальной реальности. Сформировался запрос на учебные пособия российских авторов, и один из первых учебников по социологии был подготовлен Ж.Т. Тощенко. Этот учебник впоследствии выдержал не одно переиздание и до сих пор остается наиболее полным, сочетающим научные знания с их применением в корпусе отраслевых социологий [Тощенко, 2005]. Необходимо отметить, что, начав чтение общего курса социологии, кафедра встретила сопротивление со стороны деканов ряда факультетов, сомневающихся, стоит ли отводить в учебном плане часы на дисциплину, в их представлении дополняющую философию. Выступая на Ученых советах, Жан Терентьевич убедительно используя весомые аргументы, показывал необходимость социологических знаний, а также использования методов социологии для студентов всех специальностей.

Однако оставался открытым вопрос о начале подготовки социологов-профессионалов. Потребовалось составить пятилетний учебный план, и на этом этапе пригодились исторический опыт и то наследство, которое осталось от оригинальной русской школы социологии. Большую помощь кафедре в подготовке учебного плана оказали университеты, которые первыми в стране начали готовить социологов, – МГУ им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургский университет. В числе документов оказался и запрос в Госкомтруд о востребованности специалистов-социологов. В официальном ответе было подчеркнуто, что особой потребности в таких кадрах нет и факультет должен сам позаботиться о трудоустройстве выпускников. С такими пожеланием и «благословением» со стороны государства и началась подготовка социологов в РГГУ.

Первый набор был проведен в 1997 г. – группа состояла из 17 студентов, рискнувших получить новую профессию, перспективы трудоустройства по которой были весьма неопределенными. Тем не менее первый выпуск социологов-профессионалов состоялся в 2002 г., не все из них начали работать по специальности, но каждый нашел возможность применить полученные знания и навыки.

В это же время было принято решение об организации социологического факультета и открытии кафедр теории и истории социологии, а также прикладной социологии, к которым в будущем присоединилась кафедра политической социологии. Была разработана модель социологической подготовки специалистов социогуманитарного профиля: для Ж.Т. Тощенко было совершенно ясно, что без знания современного общества невозможна плодотворная деятельность выпускников всех направлений и уровней подготовки. В то же время у организатора факультета была установка, что стране необходимы социологи-профессионалы, способные не только собрать, обработать и проанализировать социальную информацию, но и предложить конкретные меры по улучшению существующего положения дел. В основу профессиональной подготовки социологов в РГГУ было положено сочетание комплексной социально-гуманитарной составляющей с глубокими теоретическими и прикладными знаниями по специальности [Тощенко, 2008]. Особое внимание уделялось математической и языковой подготовке будущих специалистов, а также организации различных видов практик. Кроме того, учитывалась и возможность конкретной специализации социологов по профилям социологии маркетинга, политического и бизнес-PR, а также рекламы [Тощенко, Буланова, 2012].

Для повышения уровня подготовки социологов были разработаны первые учебные пособия, среди которых можно выделить словарь-справочник в двух томах, объединенных названием «Тезаурус социологии». Первый том давал представление о понятиях, теориях, направлениях социологии (2009), второй – о методах, применяемых в современных социологических исследованиях (2013). Эти издания до настоящего времени активно используются как в учебном процессе РГГУ, так и в других столичных и региональных вузах.

В настоящее время программу подготовки бакалавров и магистров социологии продолжают вести кафедры: теории и истории социологии, прикладной социологии, политической социологии и социальных технологий. На уровне подготовки бакалавров реализуются профили по цифровой социологии, социологии маркетинга, политическим

и управленческим технологиям. В магистратуре открыта программа подготовки по профилю «Цифровая социология и социальная аналитика».

На факультете также развернута подготовка кадров социологов высшей квалификации. С 1998 г. выпускник мог формировать компетенции исследователя в аспирантуре. В настоящее время специалисты и магистры социологии в рамках аспирантуры могут подготовиться к написанию кандидатских диссертаций по различным направлениям, связанным с теорией и историей социологии, социальным институтами и процессами, культурой и управлением. По окончании аспирантуры подготовившим кандидатские диссертации предоставляется возможность защитить их в действующем с 1999 г. Диссертационном совете. Такой возможностью воспользовался 21 выпускник факультета, а некоторые из числа защитившихся в дальнейшем пополнили ряды профессорско-преподавательского состава факультета. Таким образом, не выходя за рамки факультета, выпускники-социологи получают возможность сделать не только преподавательскую, но и академическую карьеру, защитив кандидатскую и докторскую диссертации.

Большое внимание на факультете уделяется научным разработкам с привлечением студентов и аспирантов. Теоретической основой стала концепция социологии жизни, разработка которой была представлена автором в одноименной книге [Тощенко, 2016]. Согласно этой концепции, для изучения жизненного мира людей социологу необходим комплексный подход, позволяющий соединить намерения, мотивы, интересы человека с его реальной деятельностью в конкретных исторических условиях. Именно в этом ключе были развернуты исследования, связанные с изучением жизненного мира россиян, прекариата как нового социального явления, а также судеб общественного договора в России – направлений, поддержанных грантами РНФ. Также коллективу было поручено выполнение госзадания Министерства науки и высшего образования РФ по исследованию социальных факторов производительности труда. Результатом проведенных исследований стали коллективные монографии: «Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980 – середина 2010-х гг.)» (2016), «Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа)» (2016); «Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности» (2021); «От прекарной занятости к прекаризации жизни» (2022), а также многочисленные статьи преподавателей факультета в ведущих периодических социологических изданиях, в том числе в СоцИсе.

Долгие годы каждый вторник на факультете работает научный семинар, на котором заслушиваются научные доклады опытных и начинающих ученых, проводится дискуссия по актуальным вопросам. Жан Терентьевич вдумчиво подходит к работе не только со студентами, но и с профессорско-преподавательским составом. Работать на факультете только преподавателем невозможно, необходимо вести серьезную научную работу, постоянно делиться ее результатами с коллегами и использовать в учебном процессе. После защиты кандидатской диссертации становится очевидно, что почивать на лаврах не получится и надо продолжать научную работу, но теперь уже над докторской диссертацией. Защитившие докторские диссертации также становятся научными наставниками молодежи. Наглядные образцы академической деятельности убедительны и воспроизводимы, особенно под руководством общепризнанного мэтра. Вклад Ж.Т. Тощенко, долгие годы возглавлявшего социологический факультет на позициях декана и заведующего кафедрой, а в настоящее время – научного руководителя факультета, действительно неocenim [Тощенко, 2024]. Результатом его активной и плодотворной деятельности как организатора образования и науки на факультете можно считать не только подготовку 1 550 профессиональных социологов, но и формирование вокруг Ж.Т. Тощенко научно-образовательной школы, вырастившей известных и уважаемых в стране и за рубежом ученых и постоянно пополняемой молодыми кадрами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басовская Н.И., Крушельницкий А.В. Традиции и альтернатива в университетском образовании России // Гуманитарные науки. 1995. № 5. С. 151–159.
- Буланова М.Б. Социологическое образование в России: история и современность. М.: РГГУ, 2011.
- Тощенко Ж.Т. Социология: Учебник. Серия: Cogito, ergo sum. 3-е изд., переработ. и дополн. М.: Юнити-Дана, 2005.
- Тощенко Ж.Т. Чему учить социолога и с чего начинать? // Социологические исследования. 2008. № 7 (291). С. 54–61.
- Тощенко Ж.Т., Буланова М.Б. 15 лет социологии в РГГУ // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 2 (82). С. 13–20.
- Жан Терентьевич Тощенко: биобиблиографический указатель / Сост. Н.В. Краснова, при участии А.В. Кученковой. 3-е изд., испр. и доп. М.: РГГУ, 2024.

Статья поступила: 27.12.24. Принята к публикации: 20.01.25.

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL MODEL Zh.T. TOSHCHENKO

BULANOVA M.B.*

* Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Marina B. BULANOVA PhD in Sociology, Prof.; Head of the Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities; Moscow, Russia (marina_bulanova@inbox.ru).

Abstract. The article presents the history of formation and development of J.T. Toshchenko's scientific and educational model at the Russian State University for the Humanities (RSUH). Relying on the historical traditions of the Russian school of sociology, the first dean of the sociology faculty realized an original model of sociological education, including teaching a general course of sociology to students of non-sociological specialties and professional training of sociologists. During 26 years of his work at the Russian State University of Sociology, J.T. Toshchenko managed to gather a creative team of teachers, scientists and like-minded people, who not only trained 1550 professional sociologists, including 21 candidates of sociological sciences. Also realized large-scale scientific projects on the study of the life world of Russians, precariat as a new class, and the fate of the social contract in Russia. The results of J.T. Toshchenko's scientific and educational school are represented by monographs, textbooks, reference books, as well as scientific publications in Russian and international journals.

Keywords: Jean Terentyevich Toshchenko, Russian sociology, scientific and educational model, training of sociologists.

REFERENCES

- Basovskaya N.I., Krushelnitsky A.V. (1995) Traditions and Alternatives in University Education in Russia. *Gumanitarnye nauki* [Humanities]. No. 5: 151–159. (In Russ.)
- Bulanova M.B. (2011) *Sociological Education in Russia: History and Modernity*. Moscow: RGGU. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2005) *Sociology. Textbook. Series: Cogito, Ergo Sum*. 3-ye izd., pererabot. i dopoln. Moscow: Yuniti-Dana. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2008) What to Teach a Sociologist and Where to Start? *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7 (291): 54–61. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., Bulanova M.B. (2012) 15 years of Sociology at the Russian State University for the Humanities. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedeniye*. [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art history]. No. 2 (82): 13–20. (In Russ.)
- Zhan Terentyevich Toshchenko: *biobibliographic index* (2024) / comp. N.V. Krasnova, with the participation of A.V. Kuchenkova. 3rd ed., rev. and additional. Moscow: RGGU. (In Russ.)

Received: 27.12.24. Accepted: 20.01.25.

Ж.Т. ТОЩЕНКО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАГНОСТ

DOI: 10.31857/S0132162525010055

По мнению Жана Терентьевича Тощенко, роль социолога можно сравнить «с социальным врачом, который проводит анализ и диагностику состояния общественных процессов и на этой основе делает выводы, а если необходимо – и предложения, как поступать в сложившейся ситуации»¹. Им был создан оригинальный диагностический инструментарий, позволяющий выявлять социальные «болезни», а также предлагать эффективные средства «лечения» патологий.

Его социальная диагностика обнаружила, что в период либеральных реформ в массовое сознание россиян проникли вирусы западного генотипа культуры, которые выражались в соблазнах перехода от «отсталого, традиционного» к «современному» образу жизни – «ориентации на себя» (Т. Парсонс), свободам и благам «открытого общества» (К. Поппер), к жизнедеятельности, обустраиваемой «человеком для себя» (Э. Фромм). Ж.Т. Тощенко показал, что их опасная концентрация в национальном человеческом капитале ведет к деградации резистентности генотипа отечественной культуры, формированию социального типа «парадоксального человека». По существу, это культурно больной человек, что проявляется в его поведении и, что особенно важно, – в характере сознания. Патологичность и парадоксальность поведения таких людей особенно наглядно обнаруживаются в конкретных жизненных ситуациях, когда публично и словесно провозглашаемые суждения опровергаются практическими действиями².

Ж.Т. Тощенко раскрыл природу социального заболевания в виде *кентавризации* – термин, «позволяющий охватить единым понятием разнообразный класс процессов и явлений, встречающихся в познавательной и преобразующей деятельности человека». Патологические эффекты кентавризма присущи такому состоянию сознания и знания, которое выражается в сочетании *несочетаемых культурных кодов*. Обращение социологов к этой патологии очень важно для диагностики современных деформаций общественных отношений, нарушения социальных связей и неопределенностей³.

В этом же ряду находятся патологии *фантомов*, представленных социальными типами, явлениями и процессами, олицетворяющими специфические, *экстравагантные формы общественного сознания и активности*, носители которых обладают гипертрофированными характеристиками – непомерной жадой власти, неограниченным желанием обладать богатством, болезненным стремлением к славе. В латентном виде фантомные явления существовали всегда, но в периоды радикальных преобразований, ломки устоев государственной и общественной жизни они имеют тенденцию проявлять себя как значительные социальные явления, вносящие деструктивность на всех уровнях социальной организации⁴.

Так, в политической сфере под эгидой демократических преобразований появился целый ряд фантомных партий без шансов занять свою нишу. Их фантомные руководители, разумеется, не рассматривали свою политическую деятельность в духе М. Вебера – как призвание и профессию. Для них политика была, скорее, *игрой с нулевой целью*, приносящей, однако, прагматические дивиденды в виде богатства, власти и славы. Ввиду того что фантомные партии никого не представляли, не выдвигали реальные, *достижимые*,

¹ Тощенко Ж.Т. (ред.). Социология как наука. Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 10.

² Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.

³ Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. М.: Новый хронограф, 2011.

⁴ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

социально одобряемые цели, они не смогли стать значимыми для судеб России. В основу диагностирования фантомов общественного сознания и поведения автором положены такие основные критерии, как *власть, слава, богатство* и их различные комбинации.

В настоящее время резкое увеличение социальных болезней в виде патологических парадоксов, кентавризмов и фантомных форм особенно характерно для недружественных западных стран, декларирующих свободы и права человека через призму «универсальной» либеральной демократии. Фактически же проводится политика сдерживания России, с созданием вирусов постправды и фейков, русофобии и национализма, распространяемых в виртуальном пространстве, которые, однако, наносят вред духовному и физическому здоровью миллионов людей.

По мнению Ж.Т. Тощенко, распад СССР привел к краху *здорового образа жизни*, пересмотру ориентаций и ценностей – исчезла база того мировоззрения, на которой основывался и воспроизводился культурный иммунитет людей. Приход в нашу жизнь капитализма авантюристического типа, рыночных отношений, основанных на иррациональном стремлении к наживе, стимулировал зарождение таких патологических типов, представители которых, в силу личностных социально-психологических особенностей, увидели в новой обстановке возможность обретения высокого социального статуса и признания. Нередко это происходило на основе неадекватной самооценки.

Парадоксальные фантомы далеко не безобидны. Они ставят под угрозу *самодостаточность* общества и его самобытные черты. Многие социально-экономические и политические конфликты в российском обществе были порождены именно этими социальными типами. В силу своей экстравагантной сущности они не могут выполнять ни функции интеграции, ни функции адаптации. Появление такого рода социальных типов в российском обществе как культурно чужеродных явлений вызывает их отторжение не только со стороны реалий конкретной подсистемы, но и всем обществом в целом, ибо все компоненты общества взаимозависимы и стремятся к поддержанию определенного порядка и равновесия.

Результаты комплексной диагностики парадоксов, кентавризмов и фантомов привели Ж.Т. Тощенко к «переоткрытию» значимости самобытной отечественной идеологии как эффективного средства для устойчивого развития России. В идеологии находят отражение объективные потребности общественного развития. Пока существуют государства, существуют и идеологии. Отказ от официальной идеологии привел к колоссальной травме общественного сознания. И здесь автор солидаризуется с теорией культурной травмы П. Штомпки. Если снижается интегративная роль национальной идеологии, ее место занимает чуждая, в частности либеральная. Поэтому актуализируется софункционирование социологического знания и идеологии, выражающей дух самобытности российского народа и уникальность его культуры.

Ж.Т. Тощенко также обосновал новый инструментарий диагностики и лечения *общественных травм* сложного типа⁵. Если прежде социологами травма интерпретировалась как весьма значимое, но все же *отдельно взятое* патологическое явление, то, по его мнению, феномен травмы видится как фактор, детерминирующий *характер социального заболевания всего общества*. Говоря об *обществе травмы*, он имеет в виду противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов. В этом контексте бифуркаций и неопределенностей формируются патологии во *всех сферах жизнедеятельности* людей; в состояние травмы могут попадать все страны без исключения.

Им была предпринята попытка *классификации стран, находящихся в состоянии травмы*, а также был проанализирован *широкий круг факторов*, способствующих травматическому заболеванию социума. В частности, были выделены причины возникновения *общества травмы* как внутреннего, так и внешнего происхождения. Также автором были выделены *родовые черты общества травмы*, среди которых – отсутствие четких перспектив

⁵ Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.

развития, консервация устаревших методов управления производством, постоянная перестройка политического пространства, сохранение этнических и религиозных конфликтов, большое влияние эгоистических личных и групповых интересов, отсутствие устойчивых и влиятельных общественных сил.

Были проанализированы *травмы социальной справедливости* в контексте формирования *новых болезненных форм отчуждения* между социальными слоями, общностями и группами. Травмы социальной справедливости проявляются и в *меж- и внутрипрофессиональном отчуждении*. Особо значимо то, что Тощенко-диагност выявляет *связь общества травмы с патологией, вызванной «идеологическим безвременьем»*. Идеологическая дисперсия представляет серьезные вызовы для консолидации российского общества. В связи с этим обосновывается необходимость разработки государственно-общественной идеологии с четким обозначением средств и методов ее достижения.

В обществе травмы *деформируется национальный человеческий капитал*, в производстве которого значимую роль играют четыре средства обеспечения здоровья его иммунной системы – *образование, воспитание, наука и здравоохранение*. Соответственно, определяющими становятся производящие травму постулаты, в частности о том, что «образование – это услуга», а первостепенное значение приобретает «умение зарабатывать деньги». Между тем очевидно, что образование должно приумножать социальный капитал и расширять возможности интеллектуального потенциала граждан. Для формирования человеческого капитала также крайне важно *системное воспитание молодежи*. В травму человеческого капитала вносит свой «вклад» и пренебрежение к национальной науке, ее суверенитету, что, в частности, проявилось в отношении к научным кадрам. И наконец – *фактор здравоохранения*, поскольку без улучшения физического и умственного здоровья невозможно приращение человеческого капитала и преодоление социальной травмы.

В фокусе исследовательского внимания Ж.Т. Тощенко оказывается и обоснование *средств выхода из общества травмы*. Он полагает, что для преодоления травмированности общества необходимо четкое определение стратегической цели развития и средств ее достижения. Такая стратегия должна найти отражение в государственных документах и стать частью общественного сознания, понимания людьми, к чему в перспективе стремиться и чего желает достигнуть население страны. Эта цель неминуемо призвана приобрести форму идеологии, чтобы, по крайней мере, большинству населения страны было ясно, какое общество его ожидает в будущем. Эта стратегия ориентирована на возрастающую роль науки, реальное вовлечение народа в управление государственными и общественными делами, развитие политической конкуренции, а также на совершенствование управления на пути суверенного развития страны и реализации национальных проектов.

Пожелаем нашему любимому социологу – диагносту и терапевту – крепкого здоровья, творческого долголетия и, конечно, новых вершин в социальной аналитике.

С.А. КРАВЧЕНКО,
д. филос. н., проф.,
МГИМО – университет МИД России
(sociol7@yandex.ru)

ЖИЗНЕННЫЙ МИР ЖАНА ТОЩЕНКО

В Беларуси всегда рады встречам с Жаном Терентьевичем. Так много общего в жизни пришлось вместе пережить, преодолеть, испытать! Для наших родителей общим было детство, опаленное войной, и тяжелый сельский труд с самых ранних лет вместо не вернувшихся с войны отцов. И учеба, в сельской школе за восемь километров от дома... Беларусь давно стала родной и близкой для Жана Терентьевича Тощенко, советского человека, ученого из когорты тех первых, кто посмел в далекие уже 1960–1970-е гг. заниматься опальной тогда наукой социологией и возрождать ее для нас. Выпавшие на его долю трудности и испытания не сломили его, не разрушили сформировавшиеся в его душе принципы и идеалы. Жан Терентьевич – удивительно цельная натура. Человек убеждений. Лидер не по должности.

Для профессионального сообщества Жан Терентьевич Тощенко – непреложный авторитет, живой классик. Он терпелив и настойчив. В жизни всего добился сам, никаких поблажек себе. И так во всем. Бросает столичный уют и едет в Сибирь, строить свою узкоколейку. Ему до всего есть дело. Сама жизнь и есть предмет его постоянного научного интереса. Отказался от блестящей комсомольско-партийной карьеры, чтобы помогать людям, находить пути к лучшей жизни, гордиться достижениями сограждан, открывать им глаза на реальные проблемы. Удивительный собеседник, не терпит пафоса и всякой «показухи», славословия и красноречия.

По жизни Ж.Т. Тощенко – подвижник, народник. Он полностью оправдал имя, которым нарекли его родители, сельские учителя, в честь героев Великой французской революции. По своей сути он – Павка Корчагин. Романтик. Бессребреник. Чрезвычайно трудолюбив: где бы он ни был, при первой же возможности что-то читает, пишет... Честность и порядочность у него в крови, не способен на ложь и обман, ни за какие коврижки, даже под страхом смерти не допустит фальсификации результатов собственных исследований, какой-либо двусмысленной интерпретации очевидного. Он надежен в своем бескорыстном служении истине, с ним можно идти в разведку: не предаст и в спину стрелять не будет. Никогда не отречется от своих идеалов, родителей, товарищей по общему делу.

Как жаль, что это поколение прошло мимо большой власти. И в науке тоже... И даже после развала СССР и начавшейся необъявленной люстрации советских кадров, когда самых достойных изгоняли с работы только за то, что они усомнились в либеральных ценностях, Жан Тощенко не сжигает партийный билет, не отрекается от своих взглядов, не клеймит никого, а только еще больше работает. Но это не фанатизм, не упрямство или нездоровые амбиции. Это поведение настоящего ученого, патриота, который честным трудом и недюжинным талантом сформировал свою научную систему знаний, свой жизненный мир. Без аргументов и фактов, просто на веру ничего не примет. Да, его можно уволить, закрыть учреждение, где он работает, развалить систему образования, запретить науку, которой он посвятил жизнь, но без доказательств неправоты его не свергнешь. Поэтому преследования в начале 1990-х гг. за твердую позицию, не совпадающую со взглядами новой власти, его не испугали, не выбили из седла. Наоборот, в этот период появилась целая серия работ Ж.Т. Тощенко о власти, парадоксальном человеке, кентаврризме, фантомности в современном обществе, социологии жизни, а недавно увидели свет его фундаментальные работы о советской действительности, жизненном мире, который так бездарно потеряли...

Как опытный капитан, Жан Терентьевич почти четверть века уверенным курсом вел первый советский профессиональный журнал «Социологические исследования», преодолевая немало преград на своем пути. Возглавив научный совет Отделения общественных наук Российской академии наук «Новые идеи в социологической теории и социальной практике», Ж.Т. Тощенко регулярно организует дискуссии по самым актуальным вопросам. Его собранность, спокойствие и внутренняя сила поражают, вселяют уверенность в своей правоте. Он искренен и доброжелателен, всегда внимателен к собеседнику,

немногословен, не способен к лукавству. Поддерживает молодых и словом и делом, учит собственным примером и всячески содействует их продвижению, в том числе учеников, которых сам подготовил к работе и жизни. И я думаю, что в день своего славного юбилея, оглядываясь назад, у Жана Терентьевича есть все основания гордиться своим прошлым и настоящим. А будущее – за учениками, которые, верится, «став на крыло», достойно продолжают дело своего Учителя.

Дорогой Жан Терентьевич, примите от белорусских социологов самые теплые, братские поздравления по случаю Вашего 90-летия, а также слова искренней благодарности за Ваш весомый вклад в развитие отечественной социологической науки и образования; неустанный подвижнический труд, понимание и поддержку! В нашем профессиональном сообществе Вас хорошо знают и искренне уважают. Ваши научные труды для социологов давно стали надежным компасом в мире науки.

С юбилеем, дорогой Жан Терентьевич, земляк, товарищ и друг! Здоровья Вам, счастья, благополучия, новых творческих свершений и побед! Ждем Вас в Беларуси!

От имени белорусских социологов,
Александр Николаевич ДАНИЛОВ,
чл.-корр. НАН Беларуси

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ ВЫДАЮЩЕГОСЯ СОЦИОЛОГА

С Жаном Терентьевичем Тощенко мы были знакомы давно, еще с моих аспирантских лет в Институте конкретных социологических исследований АН в начале 1980-х гг. в Москве. Еще ближе познакомилась, участвуя в нескольких совместных научных проектах; много раз встречались на международных научных конференциях. Многократно пересекались по работе в Социологической ассоциации и в составе Международного редсовета единственного тогда профессионального журнала “Социологические исследования”. В результате этих многочисленных встреч мы успели установить теплые и дружеские отношения. В рамках одной из таких совместных программ помнится, как мы ездили на поезде с небольшой международной компанией социологов из советских республик в Варшаву, на встречу с польскими учеными во главе с Кшиштофом Островски. Тут надо отметить, что Жан Терентьевич обладает редким даром: он знакомит людей, с кем дружит, да так, что те потом продолжают уже дружить между собой. Наша поездка на поезде была долгой, и профессор Тощенко с присущим ему сибирским характером был, конечно, душой всей компании; он создал такую теплую атмосферу, что все участники поездки успели подружиться друг с другом и потом долго еще поддерживали отношения. Спустя несколько лет, в конце 1990-х гг., я в качестве уже президента Армянской социологической ассоциации был на одной конференции социологов в Москве. И мы вместе с президентом Киргизской ассоциации Кусеином Исаевым решили обязательно встретиться, посидеть и поговорить с нашим старшим товарищем, уважаемым Жаном Терентьевичем,

обсудить наши дела и планы. Разговоры затянулись, было уже затемно, стали расходиться по гостиницам – и тут Жан Терентьевич предложил поехать к нему домой, недалеко, в центре, продолжить обсуждение и там же переночевать. Крупный ученый, авторитетный московский профессор, занимавший высокие должности в столице, он сделал это с такой простотой и дружеской непосредственностью, что мы сразу же согласились, как будто вновь окунулись в былые студенческие годы. Как старший товарищ и наставник, он всегда проявлял открытость к сотрудничеству и дружбе, без оглядки на возраст, национальность, должность или профессиональный статус другого. Это его невероятное качество обретать друзей, постоянная готовность оказать содействие, протянуть надежную руку помощи, быть полезным людям сделали профессора Ж.Т. Тощенко, пожалуй, самым известным и уважаемым для многих советских и постсоветских социологов. Людям, мало-мальски знакомым с его незаурядной и богатой биографией, совершенно понятно, что эти качества закалялись на протяжении всей его долгой жизни и профессиональной деятельности. Сегодня трудно найти кого-либо из социологов на всем огромном пространстве Большой Евразии и за ее пределами, кто не был бы лично знаком с ним или, по крайней мере, с его трудами.

После длительного периода многочисленных социологических исследований и публикаций я, наконец, в 2003 г. подготовил мою докторскую диссертацию, посвященную особенностям трансформации армянского общества в постсоветский период. Защита докторской диссертации впервые должна была состояться в Армении, на заседании Специализированного совета по социологии в Ереванском государственном университете. Я позвонил тогда и попросил Жана Терентьевича приехать и выступить на защите в качестве главного официального оппонента. Его выступление вызвало большой интерес и, конечно, имело огромное значение. Очень ценными для меня прозвучали его слова о том, что «это тот случай в науке, когда окружающее сообщество признает, исходя из результатов научной деятельности, что претендент давно достоин искомого звания и только от него зависело, когда завершить процесс присвоения степени доктора наук». Вот таким образом проявилось его личное участие в моей профессиональной судьбе и положило основу для дальнейших научных контактов. С того времени наше знакомство стало более интенсивным и переросло в настоящую дружбу, продолжающуюся и поныне.

Он сыграл большую роль в судьбе многих социологов и своих учеников.

В связи с этим хочу вспомнить еще одну историю, которая получила потом интересное продолжение. В октябре 2008 г. в Москве проходил Российский социологический конгресс. Приехало огромное число социологов со всего бывшего советского пространства. Много было неожиданных и приятных встреч с коллегами, которых давно не видели. На одном из обсуждений за одним столом оказались мы с Арвидасом Матуленисом из Литвы и Борисом Докторовым из США. Кто-то сделал снимок этой нашей встречи, и спустя много лет Арвидас нашел его в своих архивах. Он прислал фотографию мне и Борису. После долгих лет молчаливого хранения фотография неожиданно «заговорила» и стала основой для целой книги. Используя материалы интервью, проведенных Борисом Докторовым в разные годы со мной и с Арвидасом Матуленисом, мы подготовили книгу под названием «Три судьбы для трех социологов». Я взялся издать ее у себя в Армении. И когда встал вопрос о необходимости написать редакторское предисловие к книге, у нас троих без колебания возникло желание обратиться к профессору Тощенко. Выбор наш был неслучаен. Он был хорошо и близко знаком со всеми нами и сыграл серьезную роль в профессиональной судьбе каждого из нас. Жан Терентьевич любезно согласился написать предисловие к книге о трех социологах разной судьбы и сделал это с присущей ему аналитической глубиной и оригинальным обобщением. Слова и рассуждения, приведенные в его предисловии, явно украсили нашу монографию. Блестящий аналитик социальной реальности, находящийся в постоянном научном поиске, он и сегодня продолжает работать над новыми книгами. Из-под пера Ж.Т. Тощенко одна за другой на свет выходят полные глубоких раздумий солидные монографии. Продолжая

творческое следование разворачивающейся траектории реальной жизни, он приходит к формулированию главных идей в двух фундаментальных работах последнего времени: монографии «Прекариат: от протокласса к классу» (2018) и «Общество травмы: Между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)» (2020).

Будучи знаком с беспокойным и пытливым характером Жана Терентьевича, уверен, что он и сегодня погружен в глубокий творческий поиск. Проблемы общественного договора и сложный характер взаимоотношений между обществом и властью занимают сегодня креативный ум социального философа и социолога. Нет сомнений в том, что его энергичный научный поиск в ближайшем будущем завершится выходом в свет новой талантливой монографии. Работы, которую с нетерпением ожидают многочисленные его читатели, последователи и ученики.

Хочу от имени очень многих армянских социологов, хорошо знакомых с ним и его творчеством, сердечно поздравить со славным юбилеем и передать самые теплые, искренние и дружеские пожелания дорогому Жану Терентьевичу Тощенко! Пожелать ему долгих лет творческой жизни и крепкого сибирского здоровья!

Геворг Арамович ПОГОСЯН,
Академик НАН Армении,
иностраннный член РАН,
Президент Армянской социологической ассоциации

© 2025 г.

П.П. ВЕЛИКИЙ, А.А. ВЯЛЬШИНА

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В АГРАРНОЙ СОЦИОЛОГИИ

ВЕЛИКИЙ Петр Панфилович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник (iagrgran@mail.ru); ВЯЛЬШИНА Анна Александровна – кандидат социологических наук, заведующая (anvyal@mail.ru). Все – Лаборатория социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий Института аграрных проблем РАН, Саратов, Россия.

Аннотация. Представлен анализ исследований ученых-аграрников, в первую очередь социологов, о состоянии социального жизненного пространства деревни последнего десятилетия. Рассматриваются тенденции саморазвития российской деревни и участия отечественных социологов страны в их осмыслении. Основной идеей аналитического обзора развития агросферы является признание необходимости отслеживать взаимосвязи различных сфер (в частности, анализировать социальное через экономику, а экономику через социальное). В современной российской деревне сохраняются разрывы: главные участники создания агропродукта (работники квалифицированного физического труда) не включены в соработничество с менеджментом агробизнеса по творческому освоению новаций и не обладают партисипативными функциями. Возможности восходящих лифтов (карьерного роста) для них практически отсутствуют. Авторами дан анализ новаторских концепций, методологических и методических подходов исследователей из основных социологических центров страны. Предложен авторский взгляд на то, с какой полнотой социологической мыслью охвачены и объяснены объективные противоречия модернизации хозяйственно-экономических и социокультурных связей и отношений в жизни российской деревни начала XXI в., а также путей ее выхода на траекторию движения к новому уровню развития.

Ключевые слова: аграрная социология • жизненное пространство • хозяйственные уклады

DOI: 10.31857/S0132162525010068

Прошло 30 лет жизни российского села/деревни в режиме возможностей и ограничений пореформенного периода (после либеральных реформ конца XX в.). Судьба существования деревни как специфического расселения людей и места создания агропродукта обсуждается во всех слоях современного российского общества. Переселившись в город сельчане, посещая заросшие бурьяном дворы, брошенные дома и могилы предков, скорбят о прошлой колхозной реальности, воспринимаемой ретроспективно как «потерянный рай». Пессимистически оценивают будущее деревни и многие ученые – эконом-географы, социологи и психологи. В то же время есть те, кто признает неизбежность исчезновения отдаленной глубинки, считает перспективным сосредоточение

сельских поселений только в зоне влияния городов, в их ближайшей и средней периферии. Именно такое расселение присуще многим странам, где огромные площади остаются незаселенными, невозделанными и нетронутыми аграрными технологиями. Тем не менее на ближайшую перспективу считается наиболее актуальным максимально возможное замедление «негативных явлений» в сельской местности, сохранение того, что еще содержит резервы жизнестойкости. Именно с этих позиций следует определять востребованность исследований аграрной социологии.

Социологические наблюдения показывают, что весь пореформенный период экономические аспекты сельских реалий занимали главное место в публикациях и на разных дискурсивных площадках. Это функционально отвечает предназначению аграрного сектора. Однако экономические успехи нередко достигаются за счет перенапряжения человеческих ресурсов, так что многие стороны жизнеустройства российских сельчан-работников содержат противоречия. Рассмотрим эти вопросы.

Социально-экономическая динамика аграрного сектора. Эксперты отмечают признаки деформации демографической структуры сельского населения России: за 2000–2022 гг. его численность уменьшилась на почти 2,8 млн (на 7,1%), при этом удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста в структуре сельского населения сократился на 3,3 п.п. (с 23,0% в 2000 г. до 19,7% в 2022 г.), доля лиц в трудоспособном возрасте выросла благодаря пенсионной реформе на 0,9% (с 54,2 до 55,1% соответственно), а лиц старше трудоспособного возраста – на 2,3 п.п. (с 22,9 до 25,2%). Исследователи говорят о «демографическом старении сельских территорий России», главными причинами которого являются спад рождаемости, миграция молодого населения в города для получения профессионального образования и поиска работы, а также рост продолжительности жизни [Блинова, 2021].

Весь пореформенный период уровень доходов сельского населения оставался более низким по сравнению с городом, при этом 1/5 сельских жителей России стабильно относится к категории бедных (с доходами ниже величины прожиточного минимума – 20,0% на селе при 11,2% в городе) [Серова и др., 2021]. На селе почти вдвое выше уровень безработицы по сравнению с городом (8,0 и 4,3% соответственно), однако даже наличие оплачиваемой занятости не гарантирует высоких доходов – около 16,6% работающих сельчан относятся к бедным [Ушачев и др., 2021]. Среднемесячная номинальная заработная плата в сельском хозяйстве, несмотря на рост с 2010 по 2022 гг. (с 10668 до 46777 рублей), в 2022 г. составляла лишь 60–65% средней по экономике, а среднедушевые располагаемые доходы сельских домохозяйств, несмотря на дополнительный труд в личном подсобном хозяйстве, – 63,8% от городского уровня.

Исследователи разной специализации говорят о специфической социально-экономической ситуации на селе в связи с деятельностью сверхкрупных хозяйственных структур (агрохолдингов). В ходе аграрной реформы из-за отсутствия средств для перехода на новую парадигму развития к началу 2000-х гг. у бывших колхозников осталось только 26,5% уставного капитала сельскохозяйственных организаций [Узун, 2004]. В их массовом сознании распространилась идея «продать» свое хозяйство успешной компании или предпринимателю, что сельчане массово и делали, положив начало формированию агрохолдингов в России [Калугина, Фадеева, 2009: 115]. В пореформенный период сформировались представления, что существенные результаты в АПК более всего зависят от эффективного функционирования крупных корпораций. Действительно, в 200 крупных агрохолдингах, составляющих менее 1% от всех сельхозорганизаций, производится основная часть сельхозпродукции страны. В то же время существенных позитивных перемен в положении мелкого и среднего предпринимательства (включая ЛПХ) не произошло. Эксперты отмечают, что за период между сельскохозяйственными переписями 2006 и 2016 гг. в хозяйствах населения производство картофеля уменьшилось на 28,4%, овощей – на 6,0%, скота и птицы в убойном весе – на 19,2%, молока – на 18,0%; в последующие годы спад еще более усилился [Башмачников и др., 2022]. Общее число ЛПХ

и других индивидуальных хозяйств граждан, производящих сельскохозяйственную продукцию, уменьшилось за 2006–2016 гг. на 7,5%.

В России исторически сложилась особенная структура аграрного производства, не имеющая аналогов в развитых странах мира, когда сохраняется огромное число мелких хозяйств. Кроме малых и микроорганизаций действуют еще и мельчайшие хозяйства населения, на долю которых в 2022 г. все еще приходилось 24,1% всей произведенной продукции [Шагайда, Узун, 2018]. Отчетливо проявляется тренд увеличения удельного веса сельхозорганизаций и фермерских хозяйств в структуре произведенной продукции за счет сокращения хозяйств населения. Доля первых выросла с 54,0% в 2015 г. до 60,1% в 2021 г., а удельный вес фермерских хозяйств – с 11,5 до 15,8% соответственно.

В первых аналитических работах подчеркивались преимущества вертикальных интегрированных структур в агропродовольственном комплексе России: повысился технологический уровень производства, реализовались эффект масштаба и другие факторы повышения эффективности сельского хозяйства. Однако, как это нередко случается, между убедительной доктриной и реальным воплощением ее положений в жизнь возникают зазоры. Взаимодействие таких структур, как агрохолдинги, с местным населением складывается далеко не гармонично, доходя до самоуправства сильного в отношении слабого. Исследователи отмечают, например, что руководство свиноводческих и птицеводческих комплексов, ссылаясь на требования ветеринарно-санитарного контроля, запрещают своим работникам содержание в личных подворьях свиней или птицы. Именно по этой причине произошло сокращение поголовья свиней (от 40 до 60%) и птицы (от 25 до 50%) в ЛПХ в сибирских регионах с процветающими агропредприятиями по производству свинины и мяса птицы (Новосибирская, Томская, Омская, Кемеровская, Иркутская области и Алтайский край) [Щетинина и др., 2019: 157]. Владельцы и руководство крупных животноводческих комплексов и зерновых хозяйств не приветствуют наличие ЛПХ у сотрудников из-за отрицательного, по их мнению, влияния собственного хозяйства на результаты труда на основном рабочем месте. При этом «...пресекаются любые попытки использовать ресурсы предприятий для нужд семейных хозяйств, налажена эффективная система охраны, препятствующая хищениям и несанкционированному использованию техники, не производится выдача кормов и молодняка в счет заработной платы или арендных выплат за земельные доли» [там же: 156]. Обнаружились изъяны и в управленческих моделях: менеджеры, ориентируясь на прибыль, получают выгоду лишь для себя и акционеров в ущерб устойчивости. Слаб менеджмент агрохолдингов и в понимании специфики агродела, перенося на него подходы, характерные для индустриального производства.

Главными последствиями холдингизации аграрного сектора России стало сокращение хозяйственно-экономического пространства для массовых слоев сельского населения. Фермеры и местное население испытывают чувства неопределенности и тревоги из-за возрастания экологических угроз, возможного захвата земель фермеров и земельных долей граждан, неравного доступа к кредитам и субсидиям. Концентрация земель и внедрение технологических инноваций увеличивают без того высокую сельскую безработицу, способствуя формированию «класса безземельных безработных селян без альтернативных возможностей трудоустройства» [Гатаулина и др., 2022: 294]. Акцент модернизации на преимущества сверхкрупных хозяйственных организаций обогнал возможности социального мира деревни и даже расстроил его.

Модернизация в деревне отличается масштабами распространения новых образцов техники и оборудования сельскохозяйственного назначения и оснащения быта семей. Новая сельскохозяйственная техника и оборудование доступны в основном крупным фермерам, в меньшей степени средним. Мелкие фермеры в подавляющем числе пользуются старой техникой, включая изделия советского времени. Высокий удельный вес старой сельскохозяйственной техники и личных автомобилей обуславливает специфику стиля жизни рядовых семей и мелких фермеров. С одной стороны, частые поломки

сбивают ритм мобильности, с другой – как ни парадоксально это звучит, поддерживают техническую компетенцию ее владельцев, поскольку ремонт зачастую выполняется самостоятельно.

Аграрные предприятия функционально неустойчивы: КФХ (крестьянские (фермерские) хозяйства) и ИП (индивидуальные предприниматели) – наиболее распространенные организационно-правовые формы фермерского уклада – нередко «гибнут», просуществовав несколько лет. Это объясняется изменением экономической ситуации, отсутствием в АПК ротации кадров фермерства. Мелкие фермерские хозяйства закрываются, их земли переходят к средним и крупным фермерам. Эта линия развития АПК обуславливает еще больший разрыв между целями агропроизводства и сохранения мест занятости трудоспособного сельского населения.

Занятость большого числа сельских жителей переместилась от труда в сельском хозяйстве в отрасли строительства, бытового обслуживания, неаграрного трудового отходничества. В среднем по России среди населения, участвующего в маятниковых трудовых перемещениях, доля сельского населения составляет 69%, она остается стабильно высокой вне зависимости от периодичности перемещения. Исследователи отмечают, что удельный вес сельского населения в маятниковой трудовой миграции, рассчитываемой как перемещения каждый день и несколько раз в неделю, составляет от 54,5% в ЦФО и 59,5% в СЗФО до 84,2% в ПФО и 85,9% в СКФО [Соколова, Калачикова, 2023].

Занятость аграрным трудом отличается высоким уровнем профессиональной заболеваемости. Сельское хозяйство по этому показателю находится на четвертом месте после отраслей добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств и транспорта. Наибольшее количество профессиональных заболеваний здесь приобретаются под воздействием физических перегрузок, обусловленных тяжестью труда (37,2%), а также из-за физического (виброакустического) фактора (26,8%) и контакта с инфекционным агентом (14,6%). Профессиональные заболевания, связанные с комплексным воздействием биологических факторов и химических токсикантов, диагностируются в 7,5–9,2% случаев [Данилов, Безрукова и др., 2019]. В значительной мере это обусловлено эксплуатацией морально и физически изношенной техники старых образцов. Но и на новой отечественной и импортной технике с эргономичными рабочими местами вредным фактором тяжести труда остается длительное (в период срочных сезонных работ – до 12–14 часов) поддержание однообразной рабочей позы без возможности ее смены. У трактористов-машинистов сельхозпроизводства чаще всего развиваются радикулопатия пояснично-крестцового отдела позвоночника и тугоухость. В животноводстве, по данным специальных исследований, распространенность профессионального бруцеллеза в первичной профзаболеваемости работающего сельского населения не претерпела статистически значимых изменений за 2010–2017 гг. и находится в пределах 10,3–17,1% в зависимости от региона [Безрукова и др., 2020].

Социальная реальность села в аграрной социологии. Разрушительные кардинальные изменения в жизни деревни и состоянии АПК (как говорили на начальном этапе аграрной реформы, «село брошено государством на произвол судьбы») носили для аграрной социологии как негативные, так и позитивные последствия. Негативные заключаются в схожей ситуации с такой «брошенной» деревней у институтов РАН и социологических факультетов вузов, которые лишались финансирования, так что ученым платили мизерные зарплаты, командировки в села прекратились. Позитивную перспективу социологи-аграрники связывали с ожидаемым раскрытием творческого потенциала сельских жителей – постколхозников, которые, как предполагалось, наконец-то освободились от гнетущего административно-командного управления сельским хозяйством. Поэтому в силу материальных и организационных препятствий первые эмпирические исследования сельских реалий носили эпизодический и разовый характер. Например, П.П. Великий и Ю.М. Плюснин исследовали усиление неземледельческого отходничества трудоспособных жителей села и малых городов [Великий, 2010; Плюснин, 2022],

А.М. Сергиенко – бедность сельских жителей и их миграционные настроения [Бедность сельской России, 2014; Миграция сельской молодежи, 2019], О.Б. Божков – процессы становления формальных и неформальных хозяйственных организаций [Божков, 2017].

По завершению начального этапа реформ стала очевидной потребность рассматривать аграрные проблемы в комплексе. Это было вызвано не только тем, что требовалось выделить ведущие связи и отношения, которые определяли (не)устойчивость структуры АПК и жизнеустройства деревни. Исследователям села хотелось поскорее обнаружить ожидаемые перемены.

Современное село – это сформированное временем образование, в котором созданы и взаимодействуют демографические, производственно-экономические процессы вместе с природно-географическими условиями и внешними воздействиями разных коллективных и индивидуальных акторов. Сложная совокупность элементов, связей и отношений составляет комплексность объекта, обеспечивающая реализацию его функционального предназначения. Комплексность может возрастать и убывать, но она неизменно присутствует в малых и больших общностях; может переходить на более низкий уровень, однако совсем не исчезает. Значимость сопряженности элементов социальной среды в российской деревне хотя и обсуждается, но в публичных дискурсах преобладают примитивные объяснения сложных процессов. Так, неудовлетворенность сельского населения своим положением неизменно ведет к поведению по схеме «плохие бытовые условия – люди мигрируют в города». Но это не просто совершить подавляющему числу сельских семей, не имеющих возможность откладывать деньги из-за небольших доходов. Поэтому многие из них предпочитают жизнь в деревне, выезжая на длительные сроки на работу на энергетические предприятия Севера или развивая подворье до уровня, нередко превышающего заработка тех, кто ограничивается работой в акционерных и фермерских образованиях АПК [Хозяйствование сельской семьи, 2020].

Идея комплексности изучения объекта наиболее полно решена в исследованиях социологов Российского государственного гуманитарного университета под руководством Ж.Т. Тощенко с привлечением ученых из других университетов и академических институтов (Р.И. Анисимов, Т.Г. Евдокимова, И.В. Воробьева и др.). Большую роль в изучении объекта под углом зрения комплексности играет широкий масштаб эмпирических исследований. Речь идет о проведенных в 2014–2015 гг. проектах «Жизненный мир россиян»¹ и «Сельская жизнь»². Теоретико-методологической основой анализа являлась концепция социологии жизни, которая исходным (базовым) понятием считает «жизненный мир» людей, где структурными компонентами выступают общественное сознание, поведение (деятельность) и объективные условия (макро-, мезо- и микромир). Именно с этих позиций были изучены проблемы социально-экономической трансформации смысла жизненного мира российских крестьян, выявлены особенности материальных и духовных смысло-жизненных ориентиров. Такой подход позволял раскрыть палитру общественной (публичной) и личной (приватной) жизни людей, в том числе и проживающих в сельской местности. Особое внимание было уделено обоснованию применения в социологических исследованиях такого понятия, как «смысл жизни», трактующийся как цели-принципы, которыми осознанно или стихийно руководствуется человек в своей повседневной жизни. Исходя из этих теоретико-методологических оснований, жизненный мир сельских жителей раскрывался через его главные смыслы, находящие отражение в основных ценностных ориентациях и соответствующей мотивации, – остаться на селе, переехать из села в город или найти компромисс (жить на селе, а работать и/или отдыхать в городе). Они замыкаются на обобщающий смысл – стремление к социальной справедливости, которая касается

¹ По данному проекту общероссийский опрос проведен 25–30 октября 2014 г.: опрошено 1750 респондентов в 18 регионах страны с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форме собственности и трудовому стажу.

² По этому проекту опрос был проведен в августе 2015 г., он охватил 22 области, края и республики (71 село, 1000 респондентов).

специфики жизни сельчан как граждан (уровень общества), как жителей (уровень поселения) и как индивидов (уровень непосредственно окружения).

В этих проектах особое внимание было уделено проблеме воспроизводства сельского населения, жизненным целям молодежи села, исходя из предпосылки, что жизненные смыслы, выражающиеся через практики молодых сельчан, предполагают выявление устойчивых и изменяющихся форм деятельности (поведения). Установлено, что жизненные смыслы 35,2% опрошенной сельской молодежи включают желание остаться работать на земле по причине привязанности: «привык», «здесь моя родина, здесь живут мои родные и близкие», а также из-за наличия собственного бизнеса [Смыслы сельской жизни, 2016: 233]. Кроме того, неуверенность в том, что они смогут найти работу в городе, и материальные трудности на новом месте жительства определяли жизнеустройство на селе около 9,4 и 8,2% опрошенной молодежи соответственно. Результаты опросов показывали, что из тех, кто не планирует уезжать из села, 50% работают по найму официально, по трудовому договору. Место работы большинства тех, кто хочет остаться на селе, находится в том же населенном пункте, где они и живут. Основными источниками дохода у всей молодежи являются заработная плата (76,1%), помощь родственников и друзей (29,1%), а также подработка и совместительство (21,5%) – в основном среди учащихся и студентов. Компромиссность жизненных смыслов, включающих жизнь в селе с работой в городе, особенно распространена в деревнях и селах, близко расположенных к большим городам.

Таким образом, эвристическая перспектива комплексного анализа связана с изучением как основных смыслов сельской жизни (работа, материальное благополучие, культура, политика, межличностные отношения), так и институциональных (семья, образование, здоровье). Она предполагает охват изучаемого жизненного мира во всем его многообразии, в тесном переплетении экономических, социальных, политических и духовно-культурных реалий и повседневных практик. Этот подход к реалиям села позволяет получить наиболее полную картину повседневности сельских жителей [Повседневность российского села, 2020].

Широкий масштаб социологического изучения российского села характерен также для работ исследователей из Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ). Так, работы Н.Е. Покровского посвящены современным формам урбанизации, субурбанизации и дезурбанизации. Он отмечал, с одной стороны, «астиальность» процессов урбанизации и дезурбанизации в России по сравнению с аналогичными процессами в других странах, а с другой – поляризацию социально-экономического пространства, породившие два мощных противоположных потока (центробежную сезонную дачную дезурбанизацию и центростремительную трудовую миграцию российских граждан из сельской местности и небольших городов в крупные городские центры). Особое внимание Н.Е. Покровский уделял комплексности и многогранности рассмотрения феномена урбанизации не только как физического перемещения населения, но и как изменения стиля жизни, ценностных ориентаций, включая дауншифтинг [Нефедова и др., 2015]. На основе своих исследований автор концептуализирует понятие «клеточной глобализации». Кроме того, на примере обратной миграции в условиях пандемии он намечает контуры понятия кризисной эпидемической дезурбационной миграции во внегородские пространства, когда сельская местность рассматривается как территория реализации творческого потенциала, возможности вести альтернативный образ жизни, исповедовать посткапиталистические и постконсьюмеристские ценности (экопоселения, родовые поместья, идеологические коммуны) [Покровский и др., 2020]. В этой связи Н.Е. Покровский отмечает заметную модернизацию местных сообществ из-за активного включения горожан в жизнь сельских сообществ, создание новых рабочих мест, совместный диалог с муниципальными властями. Им сделан вывод, что симбиоз сельского и городского образов жизни, традиционной сельской и городской культуры оказывается наиболее значимым с социологической точки зрения результатом длительных социальных мегапроцессов дезурбанизации современного общества.

В.В. Радаев в последние годы известен как исследователь поколений в российском обществе, предложивший их оригинальную классификацию, в которой уделялось особое внимание молодежи, вступившей в период взросления в 2000-е гг. (поколению миллениалов). Особый интерес для аграрной социологии имеет выявление поколенческих особенностей сельской молодежи в сравнении с городской. В.В. Радаев эмпирически показывает, что практики поведения сельских миллениалов по большинству параметров значительно отличаются от практик поведения их городских сверстников, причем векторы различий между ними разнонаправленные. Молодые сельчане «опережают» городских сверстников в отношении сокращения некоторых практик (вступление в брак, выход на рынок труда) или потребления каких-то благ (например, алкоголя, просмотра телевизора). Но если новый тренд проявится в более широком распространении какого-то блага (образовательных услуг, новых гаджетов, банковских карт, занятий спортом), то здесь сельские жители заметно отстают [Радаев, 2019]. В.В. Радаев выделил признаки сближения (конвергенции) между городом и селом с размыванием границ между ними. Он сделал вывод, что на селе скорее происходит параллельный рост новых практик поведения, но разрыв между двумя типами сообществ по большинству параметров все же сохраняется, в том числе внутри нового поколения миллениалов, оставляя открытым вопрос о единении (внутреннем единстве) данного поколения молодежи.

Схожие выводы делали вологодские социологи (А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, М.А. Груздева), представляя эмпирические доказательства нивелирования социокультурных различий между городской и сельской молодежью на основе сходства их территориальной идентичности, культурно-досуговых практик и форм гражданской активности, желательной формы партнерских (брачных) отношений [Шабунова, Калачикова, 2022]. Они отмечали, что при схожести взглядов на семью и брак молодые сельчане больше «семейно ориентированы», при определенных условиях больше готовы к многодетности и отзывчивы на меры поддержки, в то время как у горожан ярче выражена территориальная идентичность. Исследователи полагают, что дальнейшее развитие цифровизации, удаленных форм образования и занятости, расширение возможностей получения государственных и иных услуг будут способствовать закреплению молодежи на селе и сокращению социокультурных разрывов между городом и селом.

Одним из ключевых центров аграрной социологии в России продолжает оставаться Новосибирская экономико-социологическая школа. В последние годы ее представители занимаются изучением новых социальных феноменов и процессов в сельских сообществах. Новосибирские исследователи в числе первых провели анализ особенностей формирования аграрного сектора России в 1990–2000-х гг., оценили экономические результаты и социальные последствия рыночной трансформации аграрного сектора России (см., напр., [Калугина, 2015]). В 2019 г. ими осуществлен анализ теоретических, методических и практических подходов к исследованию проблем продовольственной безопасности на международном, национальном и региональном уровнях [Щетинина и др., 2019].

Особое внимание новосибирские социологи уделяют процессам становления новых хозяйственных практик и соответствующих им устойчивых форм организации сельской жизни, на основе которых ими разработана социологическая концепция сельских хозяйственных укладов. Так, О.П. Фадеева, анализируя процесс становления и развития многоукладных хозяйственных систем в разных регионах России, сделала вывод, что многообразие реальных практик и механизмов согласования интересов субъектов хозяйствования, относящихся к разным укладам, способствует формированию и укоренению институтов самоорганизации и самоуправления в сельских сообществах [Фадеева, 2015]. На основе анализа участия крупных предприятий (крупхозов) в жизнеобеспечении и развитии сельских поселений сделан вывод о многообразии видов их взаимодействий (не только рыночных, но и реципрокных, патрон-клиентских) с локальным сообществом, способствующих инициации самоорганизации сельского социума и выполнению функции института развития [Фадеева, Нефедкин, 2018]. При анализе коммуникационных

инноваций новосибирскими социологами отмечены риски цифровизации сельского хозяйства, связанные с навязыванием землепользователям определенных действий (например, способов ведения бизнеса в рамках «умной специализации») или требованиями подробного геолокационного указания структуры всех своих посевов [Фадеева, Нефедкин, 2020].

Широкий круг аграрных проблем рассматривают также краснодарские социологи под руководством А.А. Хагурова. Они реализуют интегрированный социо-эколого-экономический подход к развитию агропромышленного комплекса и сельских территорий, доказывая, что устойчивое развитие сельских территорий возможно только за счет устойчивой социальной и экономической структуры сельского населения и расширенного воспроизводства человеческого капитала села [Стратегические проблемы..., 2019]. Ими сделан вывод о рассогласованности и дисбалансе между экономической и социальной сферой села, о сохраняющемся расслоении сельского сообщества, о консервации бедности и отсутствии внутренних ресурсов для развития. Краснодарские исследователи ставят вопрос о необходимости реформирования аграрной политики в контексте устойчивого развития сельских территорий – комплексно, дифференцированно и человекосоразмерно [Хагуров и др., 2020].

Социологи Республики Татарстан разработали методологию исследования ресурсного потенциала модернизации села, основанную на сочетании системно-структурного, ресурсного и деятельностного подходов. Это позволяет расширить поле инструментов эмпирических исследований, индикаторов комплексного социологического исследования ресурсного потенциала модернизации села, выявить специфические характеристики основных акторов модернизационных процессов (здоровое социальное самочувствие, ориентации на жизнестойкость и креативность жителей села) [Ильдарханова, 2017]. Соучастие в ведении фермерского хозяйства всей семьи – от детей до представителей самого старшего поколения – на примере своего опыта детально и с серьезными экзистенциальными отступлениями описала Т.А. Жукова [2020].

Коллектив авторов под руководством А.М. Сергиенко осуществил масштабное исследование миграции сельской молодежи Алтайского края. На основе результатов анализа демографических и миграционных процессов в Алтайском крае с начала 1990-х гг. показаны особенности динамики реальной и потенциальной миграции сельской молодежи, ее социального положения и активности, выявлены территориальные очаги напряженности [Миграция сельской молодежи, 2019]. Особое внимание уделено образованию, занятости и другим драйверам миграции и реэмиграции сельской молодежи с точки зрения улучшения социального положения сельской молодежи и сокращения ее миграции из региона. Ими также проанализированы проблемы сельской бедности в регионах аграрной специализации на примере Алтайского края и Республики Алтай. Исследователи акцентируют внимание на сходстве проблем доступности для бедных сельчан рабочих мест, различных социальных услуг, нарушений прав на сельском рынке труда и других лишений для всех сельских территорий России [Бедность сельской России, 2014].

Оценка качества жизни сельского населения с учетом региональной дифференциации разработана В.Л. Шабановым, который представил интегральный индикатор качества жизни. Им показан рост уязвимости перед бедностью домохозяйств с детьми, особенно многодетных, и сделан вывод, что снижение благосостояния до уровня ниже границы бедности характеризуется значительным изменением образа жизни, трансформацией структуры бюджета времени. Это чревато быстрым привыканием к таким изменениям и исчезновением энергии преодолевать трудности [Шабанов, 2024; 2023; 2023a].

Аналогичные проблемы рассматривались и социологами Татарстана. Так, в работе Ч.И. Ильдархановой и А.В. Шадрикова особое внимание уделялось оценке возможностей и перспектив сельской молодежи с точки зрения конструирования их жизненных траекторий в регионе проживания. Ими проанализированы социально-демографические, профессионально-трудовые, материальные, инфраструктурно-потребительские, рекреационно-образовательные интересы сельской молодежи, а также выявлены

социальные факторы, влияющие на закрепление молодых людей в селе [Ильдарханова, Шадриков, 2018]. Авторы акцентировали внимание на таких индикаторах территориальных интересов сельской молодежи, как возрастные особенности динамики ее миграционных намерений, место семьи и детей в системе смысложизненных ценностей, конфликт профессионально-трудовых интересов молодежи на селе, высшее образование сельской молодежи как драйвер устойчивости села, патриотическое воспитание молодежи.

Новые социоструктурные границы внутри сельских сообществ. В 1990-е гг. сложились новаторские формы жизнедеятельности сельчан – фермерство и самозанятость на базе ЛПХ, сориентированные на частное предпринимательство. Другие социохозяйственные уклады, опирающиеся на коллективистский потенциал (артели, колхозы, кооперативы), в постсоветской России мало распространены. Пребывание в течение тридцатилетнего пореформенного периода в относительно неизменном жизнеустройстве (по статусным характеристикам, возможностям мобильности, размерам оплаты труда) обусловило формирование в российском селе социоструктурных групп, адаптировавшихся к своему положению и зачастую осознающих неравенство и даже ущербность своего положения среди других групп, но не обладающих чувством самоидентификации и не имеющих структурированных представлений о своем будущем. Подобная ситуация связана, прежде всего, с неравной доступностью мест трудовой занятости для членов сельских сообществ, чему уделяют значительное внимание ученые, включая аграрных социологов. Здесь складывается актуальное поле для поиска причин непреходящих состояний и архаичных практик поведения, воспроизводящихся на основе личного выбора жителей. Многие из них хотя и допустимы, но мало способствуют стабильности сельской реальности. Речь идет о неаграрном отходничестве, а в последние годы – и о постоянном трудоустройстве сельчан на промпредприятиях городов. Такие действия доступны не всем, чаще – наиболее активным людям в трудоспособном возрасте.

Это направление исследований активно реализуется в Институте аграрных проблем ФИЦ СНЦ РАН (г. Саратов) на основе многолетнего мониторинга смысложизненных ценностей и перспектив жизнеустройства всех групп сельского населения (см., например, [Хозяйствование сельской семьи, 2020]). Коллективом института (Т.В. Блинова, Е.В. Бочарова, П.П. Великий, А.А. Вяльшина, С.Т. Дакирова), прежде всего, выявлено распределение сельских жителей в местах занятости по социально-демографическим признакам.

Согласно результатам организованного институтом исследования, проведенного в 2023 г. в Саратовской области ($N = 1215$), социальная группа наемных работников сельского хозяйства, официально занятых в отрасли, на 60,3% состоит из мужчин, около 45,7% из них в возрасте 31–45 лет. Только 13,8% из них имеют высшее образование, еще 38,6% – среднее профессиональное, 20,9% – начальное профессиональное, остальные 26,8% профессии не имеют, у них только среднее общее образование и ниже. По уровню среднедушевых денежных доходов в этой группе наблюдается поляризация: около трети относятся к бедным (32,4%), в то время как 18,6% можно отнести к высокодоходным по меркам современного села (более двух прожиточных минимумов на члена семьи). При этом лишь 8,5% работников сельского хозяйства указали, что живут, согласно своей субъективной оценке, материально комфортно, а около 26,5% – что живут трудно.

Социальная группа сельских предпринимателей на 71,4% представлена мужчинами, 84,4% имеют высокий уровень образования (51,9% высшее и 32,5% среднее профессиональное). Среди этих предпринимателей 51,3% находятся в возрасте 46–60 лет и 9,2% старше 60 лет, молодежи до 30 лет всего 3,9%. Данная группа является самой успешной группой на селе, демонстрирует хорошее социальное самочувствие, максимальные показатели удовлетворенности различными аспектами своей жизни и низкий уровень тревожности.

Работники бюджетной сферы в большинстве своем представлены женщинами (73,2%), около 83,6% из них имеют высокий уровень образования (43,3% высшее и 40,3% среднее профессиональное), более половины представлены предпенсионными и пенсионными возрастными группами (48,6% в возрасте 46–60 лет и 7,3% старше 60 лет).

Материальное положение данной группы немного выше среднего. В их составе низкая доля малоимущих по сравнению с другими группами (27,9% при средней 36,6%), около 9,6% имеют высокие среднедушевые доходы (более 29 тыс. руб.).

Группа неформально занятых сельских жителей представлена двумя подгруппами: во-первых, в основном это женщины-домохозяйки, занятые ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей и уходом за другими членами семьи; во-вторых, лица, ведущие подсобное хозяйство на продажу, а также имеющие нерегулярные подработки и т.п. Представители группы занятых товарным ЛПХ значительную часть продукции продают, что обеспечивает им относительно регулярный доход. Но и в их составе около 42,1% являются малоимущими (при 36,6% среди сельчан в целом), еще 32,7% имеют среднедушевые денежные доходы от одного до полутора величин прожиточного минимума на момент опроса. Главное их отличие от других групп – отсутствие официального трудоустройства и, соответственно, социальных гарантий и выплат.

Группа домохозяек на 88,8% состоит из женщин с высоким уровнем образования (20,6% высшее и 42,3% среднее профессиональное), 69,4% из них в возрасте до 45 лет. Около 33,7% из них имеют одного несовершеннолетнего ребенка, 24,5% – двоих детей, 13,3% – троих и более детей; остальные 28,6% не имеют несовершеннолетних детей. В их составе максимальна доля малоимущих (59,4% при средней 36,6% среди сельчан), что во многом обусловлено, с одной стороны, отсутствием у них оплачиваемой занятости, а с другой – наличием малолетних детей (высокая иждивенческая нагрузка).

Группа неработающих лиц представлена сельчанами, не имеющими работы и не стремящимися ее получить, а также теми, кто хотел бы трудоустроиться, но не имеет возможности. В структуре этой группы высока доля молодежи до 30 лет – 18,8% (при средней по выборке 8,4%), мужчин и женщин приблизительно поровну (51,2% и 48,8% соответственно), невысока доля лиц с высоким уровнем образования (18,6% с высшим и 24,4% со средним профессиональным), около 31,4% не имеют профессии.

В составе сельских пенсионеров около 73,2% – женщины, 84,3% – лица старше 60 лет, 54,1% имеют высокий уровень образования, 27,8% не имеют профессии. Среди них высок удельный вес малоимущих (48,5%), еще 37,8% имеют низкие среднедушевые денежные доходы (от 15 до 21,5 тыс. руб.). Только 58,6% пенсионеров указали, что материально справляются с текущими расходами, а около 31,3% – что живут трудно (при среднем показателе среди сельчан – 24,9%).

В качестве отдельной, обладающей нетипичными для села «симбиозными» чертами следует выделить группу молодежи до 35 лет. Наблюдение за этой группой выявило немало фактов того, что она только по рождению и формальной регистрации в муниципальных органах числится сельской, реально существуя в континууме полюсов «село-город», каждый из которых притягивает их своими благами и ценностями. Село – это родители, малая родина; город – разнообразие способов получения профессий, выбора рабочих мест, наличие инфраструктуры жизнеобеспечения. Село ближе и роднее для них, но перспектив их трудоустройства в современной хозяйственной структуре АПК практически нет. Создается впечатление, что сельская молодежь попала в поток исторического времени, когда стиль жизни городских ее сверстников уже не является образцом поведения и ориентиром достижения жизненных целей. Она осознает, что все актуальные жизненные цели городской молодежи доступны и ей, если их реализовать в условиях не села, а города. Однако реализовать себя на уровне городских сверстников ей в полной мере не удастся. В результате профессиональная подготовка и опыт работы (как правило, не по специальности) препятствуют ее адаптации к городу. Но если она возвращается в свое село, то и там узкий круг специальностей оказывается ей недоступным. Это еще одна черта драмы модернизации аграрного производства и структуры АПК, выразившаяся в игнорировании человеческого измерения новаций.

Особую актуальность приобретает проблема воспроизводства сельских жителей. На выбор жизненных планов молодежи, вступающей на самостоятельный путь, влияют

как материальные, так и нематериальные факторы. Установлено, что сельские жители, укорененные в сельский образ жизни и занятые аграрным производством, чаще остальных ориентируют своих детей на работу в мелкотоварном сельскохозяйственном производстве и проживание в сельской местности [Вьяльшина, 2016; 2022]. На материалах опроса выпускников сельских школ саратовскими социологами были выделены группы по их образовательным ориентациям (получение среднего профессионального и начального профессионального образования; получение высшего образования (бакалавриат); ориентированные на обучение в магистратуре и получение послевузовского образования), выявлены факторы их формирования в зависимости от ближайшего окружения и особенностей личности [Вьяльшина, Дакирова, 2019].

Мы не можем выделить какой-либо общий критерий разграничения социальных групп, поскольку социальное положение определяется порой разными и совершенно несхожими факторами. Рассмотрение реальных подгрупп внутри сельского социума показывает, что признаки каждой группы отличаются от признаков других групп. Каждая из выделенных групп определяется в социоструктурном смысле специфической комбинацией признаков [Шкаратан, Ястребов, 2007: 106]. Но в сельской реальности другая ситуация.

Работник сельскохозяйственной организации и его коллега, прекративший трудовые отношения и ставший хозяином товарного ЛПХ, хотя и выполняют схожие трудовые операции, но являются представителями разных социальных групп. Первый – это наемный работник-исполнитель, почти полностью лишенный права участия в распределении доходов предприятия, влияния на принимаемые решения, самостоятельного внедрения инноваций в трудовые процессы и т.д. Второй – в значительной степени хозяин своего положения, его хозяйственно-экономические функции близки к фермерам. В то же время другие их признаки (например, по наличию и составу имущества, имеющимся ресурсам, доступности благ) могут быть схожими, слабо дифференцированными и не иметь значимого веса при идентификации социальных групп. Почти не изменившееся в постсоветское время положение работников сельскохозяйственных организаций характеризуется тем, что у них нет восходящих лифтов. У неработающих женщин – домохозяек – сохраняется полная зависимость от главного кормильца, который является или отходником (трудовым мигрантом), или рядовым работником в крупхозе или у фермера. Положение сельской интеллигенции базируется на высоких (по сельским меркам) доходах, престижном месте профессиональной деятельности. Ее представители – учителя, воспитатели детского сада, работники культуры, ФАПов, администрации сельского поселения – имеют зарплаты в пределах 1–1,5 величин прожиточного минимума.

Таким образом, социальное положение группы, в которую попадает тот или иной индивид, базируется на каком-либо доминирующем признаке, значимом только для нее. Для пенсионеров это возраст, для женщин-домохозяек – привязанность к предопределенным обязанностям по воспитанию детей и поддержанию домашнего хозяйства. По достижению детьми возраста самостоятельности и переезда в город для продолжения обучения женщины, устраиваясь на постоянную или временную работу, перемещаются в другую социоструктурную группу. Для работников сельхозорганизаций ведущим признаком устойчивости статуса остается сохранение рабочего места как основного источника поступления ресурсов семьи. Эта же предпосылка характерна для разных категорий работников умственного труда. Перспектива изменения социального статуса есть и у безработных мужчин, если они изменили свою жизненную позицию и нашли занятость в городах, хотя неустойчивость их позиции по-прежнему может их вернуть в прежнее положение.

Есть ли будущее у российского села? Подведем промежуточные итоги нашего обзора онтологии и гносеологии российского села постсоветской эпохи. Прошло более 30 лет с тех пор, как деревня функционирует в новом режиме. Является ли сельское жизненное пространство уже настолько упорядоченным, что таким останется если не навечно, то надолго?

Пока все функционирует по схеме, закрепившейся на старте аграрной реформы в 1990-е гг. Новаций немного, самой заметной можно считать институт агрохолдингов, который занял не только экономическую позицию, но и социокультурную (к сожалению, в технократическом духе). Поскольку пространством жизнедеятельности сельских жителей становится не одна местная социокультурная инфраструктура, но и включенность в другие институты, интеракции, сети и потоки, необходимо активнее развивать критическую функцию социологии, осмыслять будущее деревни и организационных форм хозяйствования на селе. Общеизвестно, что будущее недопустимо представлять в линейной проекции, следует обратиться к другим методологиям. Не касаясь всех возможных подходов, мы хотели бы обратить внимание на роль паттернов (зарождающихся образов, реалий) будущего в содержании самой современности.

Логика предсказания будущего предполагает рассмотрение паттернов с позиций созидательной и разрушительной их роли. К созидательным относятся совершенствование машин и механизмов, цифровизация агропродовольственного комплекса и урбанизация постоянных мест обитания. Однако эти паттерны в настоящее время не лишены элементов разрушения чего-то важного в жизни отдельных групп сельских жителей. Ранее мы отмечали незавидное положение сельских женщин с детьми, вынужденно безработных. Они и в будущем останутся лишними для производства, где работник заменится машинами и роботами. Это не может не коснуться и других групп сельского населения, низкие профессиональные компетенции которых даже сегодня не позволяют им участвовать в трудовых процессах. Таким образом, позитивные созидательные паттерны одновременно несут в будущее некоторые разрушительные последствия.

Разрушительные паттерны заданы многими факторами: исторической наследственностью смыслов и привычек, институционально определенными способами включения сельских жителей в принципиально новые социально-экономические отношения и хозяйство. Наиболее разрушительным и труднопреодолимым паттерном является исчезновение в селах профессиональных механизаторов и отсутствие резерва, из которого можно было бы восполнить кадры этого профиля. Схожа ситуация и с воспроизводством работников животноводства. Разрушительные паттерны созданы и институционализацией прав владения собственностью, которые ограничили и подручность пользования благами природы в местах проживания, и, соответственно, смыслы привлекательности укоренения в деревне. В пореформенные годы леса, водоемы, луга стали менее доступны сельским жителям.

Еще один момент, разрушающий будущее сельских сообществ, живущих в условиях неопределенности и отсутствия альтернатив самоопределения, связан с потерей лица сельского жителя. Сегодня всех, начиная со школьной скамьи, ориентируют на предпринимательство как основное дело жизни. Между тем конкурировать и побеждать в рамках предпринимательства – далеко не универсальная потребность людей. Исторически возникли и ныне институционально закреплены правовыми нормами артели, кооперативы, колхозы и другие формы, формально доступные, но занимающие незначительную долю среди социохозяйственных укладов, хотя в них могли бы найти себе рабочее место люди, склонные жить и работать «в тепле родного коллектива».

Существует много и других скрытых и очевидных уже сегодня предпосылок сокращения жизненного пространства сельского социума. Среди них – упорное стремление молодежи искать счастливую жизнь за пределами села, непривлекательность рабочих мест или их отсутствие в местах их рождения. К сожалению, в массовых коммуникациях проблемы села не актуализированы до такого накала, чтобы сегодня предпринимались на федеральном уровне действия, ориентированные на позитивные перемены в будущем.

Все проблемы села несут социальный облик, аграрным социологам есть что рассказать о них широкой аудитории. Осмысление путей совершенствования функционирования АПК и жизни села – междисциплинарная задача, и здесь важное место занимают также исследования экономистов, географов, историков, психологов, социальных медиков. Но во многих направлениях невольно остаются «белые пятна» в силу либо теоретических

различий, либо методологических особенностей разных дисциплин. Большинство ученых согласны в одном: российское село стоит перед вызовами, актуализирующими необходимость перехода к новой парадигме развития. В рамках существующих ныне управленческих подходов преобладает реагирование на ситуативные вызовы. Как правило, это сводится к ремонту или замене отдельных элементов, поэтому эффект комплексного (интегрального) развития агросферы как системы не достигается. При таком подходе существование села во всем многообразии функций ставится под вопрос, хотя в Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации именно аграрный сектор в числе других отраслей назван сферой глобальных конкурентных преимуществ России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Башмачников В.Ф. и др. Фермерство семейного типа: потенциал, практика развития: монография. Под науч. ред. В.Ф. Башмачникова. М.: ООО «Брейн Принт», 2022.
- Блинова Т.В. Демографическое старение сельских территорий России // АПК: Экономика, управление. 2021. № 2. С. 76–80. DOI: 10.33305/212–76.
- Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления / Под общ. ред. А.М. Сергиенко. Барнаул: АЗБУКА, 2014.
- Безрукова Г.А., Шалашова М.Л., Спирин В.Ф. Современные тренды санитарно-эпидемиологической ситуации по заболеваемости профессиональным бруцеллезом // Гигиена и санитария. 2020. № 8. С. 785–791.
- Божков О.Б., Игнатова С.Н. Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ) // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 1. С. 115–130. DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-115-130.
- Великий П.П. Неоотходничество, или Лишние люди российской деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44–49.
- Великий П.П. Ограничения и вызовы в жизни начинающих фермеров: взгляд изнутри // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 158–163.
- Вяльшина А.А., Дакирова С.Т. Социологический анализ миграционных настроений выпускников сельских школ // Регионология. 2020. Т. 28. № 1 (110). С. 159–183.
- Вяльшина А.А. Сельские малоимущие семьи и их возможности для развития детей // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 124–138.
- Вяльшина А.А. Занятость в АПК: родительские ориентации и желания сельских детей // Проблемы и перспективы инновационного развития мирового сельского хозяйства: Сб. ст. VI Международной научно-практической конференции / Под ред. И.Ф. Сухановой. Саратов: ФГБОУ ВО СГАУ, 2016. С. 60–62.
- Вяльшина А.А., Дакирова С.Т. Факторы формирования образовательных ориентаций выпускников сельских школ Саратовской области // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 134–151. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.9
- Гатаулина Е.А., Узун В.Я., Шагайда Н.И., Шишкина Е.А. Холдингизация агробизнеса России. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022.
- Данилов А.Н., Безрукова Г.А., Новикова Т.А., Шалашова М.Л. Условия труда и профессиональная заболеваемость работников сельского хозяйства: современные медико-гигиенические аспекты и тенденции. Саратов: Амирит, 2019.
- Ильдарханова Ч.И. Модернизация российского села как социокультурный феномен: методологические основы анализа // Вестник Удмуртского университета. Серия «Социология. Политология. Международные отношения». 2017. Т. 1. Вып. 2. С. 132–140.
- Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015.
- Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009.
- Миграция сельской молодежи: в фокусе – Алтайский край / Под общ. ред. А.М. Сергиенко. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019.
- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.

- Плюснин Ю.М. Неформальная экономика российской провинции. Источники ресурсов и виды промысловых практик домохозяйств // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 3. С. 58–90.
- Повседневность русского сельского села в начале XXI века / Под ред. П.П. Великого. Саратов: Саратовский источник, 2020.
- Покровский Н.Е., Макшанчикова А.Ю., Никишин Е.А. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 54–64. DOI 10.31857/S013216250010726-1.
- Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Серова Е.В., Наумов А.С., Янбых Р.Г., Орлова Н.В., Абдолова С.Н. Проблемы сельского развития в России и новые подходы к их решению // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. Т. 64. № 6 (384). С. 10–16.
- Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016.
- Соколова А.А., Калачикова О.Н. Маятниковая трудовая миграция в России: масштабы и последствия // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 16–29. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.2; EDN JBPLJS.
- Стратегические проблемы развития русского сельского села / Отв. за выпуск А.А. Хагуров. М.-Краснодар: Магарин О.Г., 2019.
- Узун В.Я. Крупный и малый бизнес в сельском хозяйстве России: адаптация к рынку и эффективность. М.: «Энциклопедия русских деревень», 2004.
- Ушачев И.Г., Бондаренко Л.В., Чекалин В.С. Основные направления комплексного развития сельских территорий России // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 4. С. 316–325. DOI: 10.31857/S0869587321040113.
- Фадеева О.П., Нефедкин В.И. Аграрное землепользование в России и в регионах Сибири в условиях цифровой трансформации // Регион: экономика и социология. 2020. № 4 (108). С. 123–150.
- Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015.
- Хагуров А.А. и др. Устойчивое развитие сельских территорий. Институциональные основания устойчивого развития (управление, экономика, экология и социальная сфера как основные факторы устойчивости общества). Краснодар: КубГАУ, 2020.
- Хозяйствование русской семьи в жизненном пространстве современной деревни / Под ред. П.П. Великого. Саратов: Саратовский источник, 2020.
- Шабанов В.Л. Бедность работающего сельского населения в России: социальный портрет // Теория и практика общественного развития. 2023. № 5. С. 19–24. DOI: 10.24158/tipor.2023.5.1.
- Шабанов В.Л. Качество жизни сельского населения России: интегральная оценка и региональная дифференциация // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 1. С. 4–19. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-4-19. EDN: MMPATA.
- Шабанов В.Л. Сельская бедность как образ жизни: исследование на базе статистики бюджетов времени // Теория и практика общественного развития. 2023а. № 8. С. 38–43.
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Груздева М.А. Сельская и городская молодежь: социокультурные разрывы сохраняются? // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 2. С. 39–51. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.4.
- Шабунова А.А., Леонидова Г.В. Сельская жизнь русских женщин // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 2. С. 14–25. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.2.
- Шагайда Н.И., Узун В.Я. Тенденции развития и основные вызовы аграрного сектора России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2018. № 9. С. 2–9.
- Шадриков А.В., Ильдарханова Ч.И. Территориальные интересы русской молодежи: опыт Республики Татарстан, Алтайского края, Республики Мордовии // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 107–118. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.7.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в русском обществе: методы и результаты // Прикладная эконометрика. 2007. № 7. С. 95–118.
- Щетникова И.В., Калугина З.И., Фадеева О.П., Чупин Р.И. Продовольственная безопасность России в условиях глобализации и международных ограничений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2019.

Статья поступила: 19.09.24. Финальная версия: 10.01.25. Принята к публикации: 24.01.25.

CONTEMPORARY RUSSIAN VILLAGE: CURRENT PROBLEMS AND THEIR REFLECTION IN AGRARIAN SOCIOLOGY

VELIKIY P.P.*, VYALSHINA A.A.*,

*Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, Russia

Petr P. VELIKY, Dr. Sci. (Phil.), Leading Researcher (iagpran@mail.ru); Anna A. VYALSHINA, Cand. Sci. (Sociol.), Head (anvyal@mail.ru). All – Laboratory of Social Development of the Agro-Industrial Complex and Rural Territories, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia.

Abstract. The article presents an analysis of the research of agricultural scientists, primarily sociologists, on the state of the social living space in the village over the past decade. The article examines the trends in the self-development of the Russian village and the participation of domestic sociologists in their comprehension. The main idea of considering the development of the agricultural sphere is the recognition of the need for a more fundamental connection: social through economics, economics through social. However, there are still gaps in this: the main participants in the production of agricultural products – skilled physical workers – are not included in collaboration with management in the creative development of innovations and do not have participatory functions. Opportunities for upward mobility and career growth are practically nonexistent for them. The article analyzes innovative concepts, methodological approaches of researchers from the main sociological centers of the country, taking into account an increasingly complex social reality and changes in science itself. The authors offer their own views on the fullness with which sociological thought covers and explain the objective contradictions of the modernization of economic and social and cultural connections and relations in the life of the Russian village at the beginning of the 21st century, as well as the ways of its entry onto the trajectory of movement towards a new level of development. Research of rural realities in their dynamics shows that, despite high economic achievements of the agricultural sector as a whole, the level of income of rural residents remained lower than in the city throughout the post-reform period. Self-employment of rural families is limited by the actions of large and super-large agricultural enterprises. The land concentration in rural families increases the high unemployment. Modernization in the village, displacing excess workers, is not correlated with the creation of new jobs. In this regard, the article shows positive practices described in sociological publications. The main attention is paid to those studies in which these problems are solved in a comprehensive manner. The problem of rural population reproduction is becoming especially urgent. Both material and non-material factors influence the choice of life plans by rural youth. Research shows that rural residents, rooted in the rural way of life and engaged in agricultural production, more often than others orient their children towards work in small-scale agricultural production and living in rural areas. An examination of real subgroups within rural society shows that each of the identified groups is defined in the social and structural sense by a specific combination of features. An employee of an agricultural organization and his colleague, who terminated the employment relationship and became the owner of a commercial private farm perform similar labor operations, but are representatives of different social groups. The actual problems to be solved by organizations responsible for the life of the Russian countryside are related to overcoming the uneven availability of channels for ensuring the economic and social well-being of the rural population. Understanding ways to improve the functioning of the agro-industrial complex and rural life is an interdisciplinary task, relevant for research by economists, geographers, historians, psychologists, and social doctors. But despite the differences in theoretical approaches and methodological features, most scientists agree on one thing: Russian village faces challenges that actualize the need for transition to a new development paradigm.

Keywords: agrarian sociology, living space, economic structures.

REFERENCES

- Bashmachnikov V.F. et al. (2022) *Family-type Farming: Potential, Development Practice*. Moscow: Brain Print. (In Russ.)
- Blinova T.V. (2021) Demographic Aging of Rural Areas of Russia. *APK: E'konomika, upravlenie* [AIC: Economy, management]. No. 2: 76–80. (In Russ.)
- Bezrukova G.A., Shalashova M.L., Spirin V.F. (2020) Modern Trends in the Sanitary and Epidemiological Situation for the Incidence of Occupational Brucellosis. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and Sanitation]. No. 99 (8): 785–791. (In Russ.)

- Bozhkov O.B., Ignatova S.N. (2017) Regional Practices of Interaction between Business and Government (On the example of the North-West of the Russian Federation). *Krest'yanovedenie* [Peasant Studies]. Vol. 2. No. 1: 115–130. (In Russ.)
- Daily Life of the Russian Village at the Beginning of the XXI century.* (2020) Ed. by P.P. Veliky. Saratov: Publishing House "Saratov source". (In Russ.)
- Danilov A.N., Bezrukova G.A., Novikova T.A., Shalashova M.L. (2019) *Working Conditions and Occupational Morbidity of Agricultural Workers: Modern Medical and Hygienic Aspects and Trends.* Saratov: Amirit. (In Russ.)
- Ildarkhanova Ch.I. (2017) Modernization of the Russian Village as a Socio-Cultural Phenomenon: Methodological Foundations of Analysis. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodny'e otnosheniya* [Bulletin of Udmurt University. Series Sociology. Political Science. International Relations]. Vol. 1. Is. 2: 132–140. (In Russ.)
- Fadeeva O.P., Nefedkin V.I. (2020) Agricultural Land Use in Russia and in the Regions of Siberia in the Context of Digital Transformation. *Region: e'konomika i sociologiya* [Region: Economy and Sociology]. No. 4 (108): 123–150. (In Russ.)
- Fadeeva O.P. (2015) *Rural Communities and Economic Structures: from Survival to Development.* Novosibirsk. (In Russ.)
- Family Farming in the Living Space of a Modern Village.* (2020) Ed. by P.P. Veliky. Saratov. (In Russ.)
- Gataulina E.A., Uzun V. Ya., Shagaida N.I., Shishkina E.A. (2022) *Agribusiness Holdingization in Russia.* Moscow: Publishing house "Delo" RANEPa. (In Russ.)
- Kalugina Z.I. (2015) *Market Transformation of the Agrarian Sector of Russia: Sociological discourse.* Novosibirsk: Publishing house of the Institute of Economics, Management and Law SB RAS. (In Russ.)
- Kalugina Z.I., Fadeeva O.P. (2009) *Russian Village in the Labyrinth of Reforms: Sociological Sketches.* Novosibirsk: Publishing house of the Institute of Economics, Management and Law SB RAS. (In Russ.)
- Khagurov A.A. et al. (2020) *Sustainable development of Rural Areas. Institutional Foundations of Sustainable Development (Management, Economics, Ecology and Social Sphere as the Main Factors of Social Sustainability).* Krasnodar: KubSAU. (In Russ.)
- Meanings of Rural Life (An Experience of Sociological Analysis).* (2016) Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing. (In Russ.)
- Migration of Rural Youth: the Altai Territory is in Focus.* (2019) Ed. by A.M. Sergienko. Barnaul: Publishing House of the Alt. university. (In Russ.)
- Nefedova T.G., Pokrovsky N.E., Treyvish A.I. (2015) Urbanization, Deurbanization and Rural-Urban Communities in the Context of Growing Horizontal Mobility. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 60–69. (In Russ.)
- Plyusnin Yu.M. (2022) Informal Economy of the Russian Province. Sources of Resources and Types of Household Fishing Practices. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 25. No. 3: 58–90. (In Russ.)
- Pokrovsky N.E., Makshanchikova A. Yu., Nikishin E.A. (2020) Reverse Migration in the Context of the Pandemic Crisis: Extra-Urban Spaces of Russia as an Adaptation Resource. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 54–64. (In Russ.)
- Poverty in Rural Russia in the Context of Economic Modernization: Processes and Mechanisms of Formation and Overcoming.* (2014) Ed. by A.M. Sergienko. Barnaul: AZBUKA. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2019) *Millennials: How Russian Society is Changing.* Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics. (In Russ.)
- Serova E.V., Naumov A.S., Yanbykh R.G., Orlova N.V., Abdolova S.N. (2021) Problems of Rural Development in Russia and New Approaches to their Solution. *Mezhdunarodny' sel'skoxozyajstvenny' zhurnal* [International Agricultural Journal]. Vol. 64. No. 6 (384): 10–16. (In Russ.)
- Shabanov V.L. (2023) Poverty of the Working Rural Population in Russia: a Social Portrait. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 5: 19–24. (In Russ.)
- Shabanov V.L. (2024) Quality of Life of the Rural Population of Russia: an Integrated Assessment and Regional Differentiation. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 27. No. 1: 4–19. (In Russ.)
- Shabanov V.L. (2023a) Rural Poverty as a Way of Life: A Study Based on Time Budget Statistics. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 8: 38–43. (In Russ.)
- Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. (2022) Rural and Urban Youth: Do Sociocultural Gaps Persist? *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 25. No. 2: 39–51. (In Russ.)
- Shabunova A.A., Leonidova G.V. (2020) Rural Life of Russian Women. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 23. No. 2: 14–25. (In Russ.)

- Shagaida N.I., Uzun V. Ya. (2018) Development Trends and Main Challenges of the Agricultural Sector of Russia. *Ekonomika sel'skoxozyajstvenny'x i pererabaty'vayushhix predpriyatij* [Economy of agricultural and processing enterprises]. No. 9: 2–9. (In Russ.)
- Shadrikov A.V., Ildarkhanova Ch. I. (2018) Territorial Interests of Rural Youth: The Experience of the Republic of Tatarstan, Altai Krai, the Republic of Mordovia. *Problemy' razvitiya territorij* [Problems of territorial development]. No. 6 (98): 107–118. (In Russ.)
- Shkaratan. O.I., Yastrebov G.A. (2007) Identification of Real (Homogeneous) Social Groups in Russian Society: Methods and Results. *Prikladnaya e'konometrika* [Applied econometrics]. No. 3 (7): 95–118. (In Russ.)
- Shchetinina I.V., Kalugina Z.I., Fadeeva O.P., Chupin R.I. (2019) *Food Security of Russia in the Context of Globalization and International Restrictions*. Novosibirsk: IEOPP SB RAS. (In Russ.)
- Sokolova A.A., Kalachikova O.N. (2023) Pendulum Labor Migration in Russia: Scale and Consequences. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 26. No. 3: 16–29. (In Russ.)
- Strategic Problems of Development of the Russian Village*. (2019) Ed. by A.A. Khagurov. Moscow – Krasnodar: Publishing house Magarin O.G. (In Russ.)
- Ushachev I.G., Bondarenko L.V., Chekalin V.S. (2021) Main Directions of Integrated Development of Rural Areas of Russia. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 91. No. 4: 316–325. (In Russ.)
- Uzun V. Ya. (2004) *Large and Small Business in Agriculture of Russia: Adaptation to the Market and Efficiency*. Moscow: Encyclopedia of Russian villages. (In Russ.)
- Veliky P.P. (2010) Neotkhodnichestvo or Superfluous People of the Russian Village. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 44–49. (In Russ.)
- Veliky P.P. (2021) Constraints and Challenges in the Life of Beginning Farmers: An Inside Look. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 158–163. (In Russ.)
- Vyalshina A.A. (2016) Employment in the Agro-Industrial Complex: Parental Orientations and Desires of Rural Children. In: *Problems and prospects of Innovative Development of World Agriculture*. Saratov: Saratov State Agrarian University: 60–62. (In Russ.)
- Vyalshina A.A. (2020) Rural Low-Income Families and their Opportunities for Children's Development. *Problemy' razvitiya territorii*. [Problems of territorial development]. No. 4 (108): 124–138. (In Russ.)
- Vyalshina A.A., Dakirova S.T. (2019) Factors in the Formation of Educational Orientations of Graduates of Rural Schools in the Saratov Region. *Problemy' razvitiya territorii*. [Problems of territorial development]. No. 3 (101): 134–151. (In Russ.)
- Vyalshina A.A., Dakirova S.T. (2020) Sociological Analysis of Migration Sentiments of Rural School Graduates. *Regionologiya*. [Regionology]. Vol. 28. No. 1 (110): 159–183. (In Russ.)

Received: 19.09.24. Final version: 10.01.25. Accepted: 24.01.25.

М.Е. ПОЗДНЯКОВА, В.В. БРЮНО

РАЗВИТИЕ ПРИКЛАДНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

ПОЗДНЯКОВА Маргарита Ефимовна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель (margo417@mail.ru); БРЮНО Виктория Владимировна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник (victoria.bruno@mail.ru). Обе – сектор социологии девиантного поведения Института социологии ФНИСЦ РАН Москва, Россия.

Аннотация. Дан аналитический обзор развития отечественной социологии девиантного поведения с 1960-х гг. до последних лет. Особое внимание уделяется исследовательской деятельности Сектора социологии девиантного поведения Института социологии ФНИСЦ РАН, а также общему вкладу отечественных ученых в разработку ключевых направлений девиантологических исследований. В обзоре акцент сделан на прикладных исследованиях, что позволяет анализировать девиации в России на основе конкретных данных и выявлять закономерности, которые не всегда видны на уровне абстрактного анализа. Описываются основные этапы возрождения социологии девиаций в СССР – в период «оттепели», когда стали возможны открытые исследования в области девиантного поведения, а также в период 1980-х гг., характеризующийся формированием исследовательских коллективов и ростом числа исследований в условиях социальной нестабильности. Подробно анализируются основные направления постсоветских исследований – алкоголизация и наркотизация, рискованное сексуальное поведение (включая проституцию), преступность (особенно среди молодежи). Показано, что усложнение и расширение предметной области девиантологии потребовало развития и трансформации методолого-методических подходов к изучению девиантности.

Ключевые слова: российская социология девиантности • девиантное поведение • криминология • алкоголизация • наркотизация • суицид • проституция • преступность

DOI: 10.31857/S0132162525010072

Сегодня российская социология девиантного поведения оказалась на новом этапе самоопределения и обновления. Она находится в поиске теоретического осмысления старых и новых процессов социальной девиации, учитывающего цивилизационную специфику России в контексте мирового развития.

Исследования девиантного поведения предполагают работу на разных уровнях анализа, каждый из которых играет важную роль в формировании целостного научного представления. Теоретико-методологический уровень отражает рефлексию на уровне основных концепций. На понятийном уровне происходит разработка и уточнение категорий и терминов. На этом этапе важен процесс интеграции понятий с учетом российского опыта, в том числе критическая оценка и адаптация западных категорий в отечественный научный ландшафт. Третий уровень – поиск закономерностей и зависимостей. Наконец, эмпирический уровень включает сбор и анализ данных, что особенно важно в российской социологии, где исследования дают возможность изучить специфические формы девиации, характерные для разных социальных групп. Безусловно, теоретико-методологическая рефлексия и разработка понятийного аппарата играют ключевую роль в развитии социологии девиантного поведения как науки. Однако авторы сознательно сосредоточили свое внимание на прикладных аспектах, что позволяет анализировать

социальные девиации в России на основе конкретных данных и выявлять закономерности, которые не всегда видны на уровне абстрактного анализа.

Предпосылки становление российской социологии девиантного поведения, включая дореволюционный и послереволюционный периоды, подробно проанализированы во многих отечественных работах [Гишинский, 2016; Комлев, 2007; Змановская, 2021]. Наш обзор мы начнем с послевоенного времени, когда социология девиантного поведения получила новый импульс в связи с изменениями в советском обществе и «вторым рождением» социальных наук.

Возрождение и развитие социологии девиантного поведения в периоды «оттепели» и «развитого социализма». Как известно, в 1930-е гг. исследования, посвященные отклоняющемуся поведению, подверглись в СССР значительным ограничениям, а затем и вовсе были запрещены на долгие годы – почти на 30 лет. Ее «второе рождение» произошло в 1960-е гг., когда в СССР начался процесс либерализации общества и возрождение отечественной социологии. В 1963 г. был создан Всесоюзный институт по изучению преступности при Прокуратуре СССР, ставший главным криминологическим центром страны. Была введена централизованная система учета преступности, и ученые, наконец, получили доступ к этим данным. Первые исследования девиантного поведения основывались на статистике и официальных отчетах. Уже тогда начали использовать массовые опросы и анкетирование, что расширило базу источников и позволило точнее оценивать изменения форм девиаций. Так, в 1967–1968 гг. Всесоюзный институт провел исследование алкоголизации молодежи, выявив быстро растущий уровень пьянства среди несовершеннолетних и его связь с преступностью. Этот период стал точкой отсчета в появлении работ, содержащих элементы объективного социологического анализа.

В 1960-х гг. началось возрождение и российской криминологии. Были опубликованы важные теоретические работы А.Б. Сахарова «О личности преступника и причинах преступности в СССР» (1961) и А.А. Герцензона «Предмет и метод советской криминологии» (1962). В 1970-х гг. Всесоюзный институт Прокуратуры СССР под руководством В.Н. Кудрявцева, а затем А.Б. Сахарова провел исследования в Орловской и Кировской областях. Они показали, что уровень преступности зависит от процессов урбанизации, миграции, демографических и социальных характеристик населения, а также от типа расселения и плотности населения. Эти исследования стали важным стимулом для последующих научных работ.

Постепенно исследователи начали переходить от изучения отдельных экономических и социально-демографических факторов к комплексному анализу всего механизма преступности. Можно назвать длинный ряд ученых, развивавших социологический подход к преступности как к социальному феномену: Г.А. Аванесов, Ю.М. Антонян, Я.И. Гишинский, А.И. Долгова, И.И. Карпец, М.И. Ковалев, В.М. Коган, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев, Л.И. Спиридонов, Д.А. Шестаков, А.М. Яковлев и многие другие. Активно изучались причины преступности, механизмы преступного поведения, личность преступника (Ю.М. Антонян), меры по предупреждению преступности, преступность среди несовершеннолетних (Г.И. Забрянский), организованная и насильственная преступность, экономические и другие корыстные преступления.

В фокусе научных исследований тех лет все чаще оказывались социальные отклонения, вызывающие значительный общественный резонанс, – такие как алкоголизм и наркомания, самоубийства, проституция. Начинают формироваться научные центры и исследовательские коллективы, специализирующиеся на девиантологической тематике. В Ленинграде это В.С. Афанасьев, С.И. Голод, И.А. Голосенко, Я.И. Гишинский, И.В. Маточник, Л.И. Спиридонов и др. В Башкирии – коллектив во главе с А.А. Баимбетовым. В Белоруссии – Н.Я. Голубкова, Л.Г. Новикова, Д.Г. Ротман, И.А. Фурманов, В.А. Хриптович и др. В Грузии – научно-исследовательская лаборатория социологии преступности МВД (А.А. Габиани), в Эстонии – лаборатория социологии девиантного поведения Тартуского государственного университета (Э. Раска). А в Москве исследования велись в первую

очередь в секторе социальных проблем алкоголизма и наркомании в Институте социологии АН СССР, под руководством профессора Б.М. Левина (позднее – М.Е. Поздняковой).

Очень заметный вклад в становление социологии девиантного поведения в бывшем СССР внесли работы А.А. Габиани. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. под его руководством в Грузии было проведено первое в СССР значительное эмпирическое социологическое исследование наркотизма, охватывающее историко-теоретические аспекты явления, социально-демографический состав наркопотребителей, условия их жизни, структуру употребляемых веществ, возраст и мотивы приобщения к наркотикам, особенности деятельности преступных групп по распространению наркотиков [Габиани, 1987]. В дальнейшем под его руководством были осуществлены социологические исследования наркотизма уже всесоюзного масштаба.

Исследования алкоголизма в те годы сосредоточивались в основном на медицинских аспектах. Среди исследователей, уделявших внимание социальным факторам в развитии пьянства, следует выделить, помимо того же А.А. Габиани, также Я.И. Гилинского, В.Г. Запорожченко, Е.С. Скворцову, Б.М. Левина. Значимую роль в изучении пьянства и алкоголизма сыграли работы Г.Г. Заиграева, который проводил комплексные исследования алкоголизма, направленные на выявление социально-экономических, психологических и культурных факторов, способствующих потреблению спиртного среди населения. Г.Г. Заиграев был одним из первых советских авторов, описавших проблему самогонварения как социальный феномен (1988). Он показал, что в структуре алкопотребления среди сельских жителей преобладал именно самогон (до 80%), а основным мотивом самогонварения была его дешевизна [Заиграев, 2002].

С середины 1960-х гг. в СССР постепенно росло количество самоубийств, так что к 1980-м гг. наша страна занимала одно из лидирующих мест в мире по уровню самоубийств. Пионером в этой области исследований была профессор А.Г. Амбрумова. В процессе изучения причин, динамики и профилактики самоубийств она с коллегами разработала интегративную модель, объясняющую суицидальное поведение через сочетание индивидуальной предрасположенности, состояния фрустрации и социально-психологической дезадаптации, а также межличностных и внутриличностных конфликтов [Амбрумова, Ратинов, 1986]. Вклад А.Г. Амбрумовой в девиантологию заключается в ее междисциплинарном подходе, соединяющем элементы медицины, психиатрии, психологии, социологии и криминологии. Социологический подход в основу исследования суицида положили Я.И. Гилинский, Л.Г. Смолинский, Л.И. Постовалова и С.Г. Смидович, изучавшие связь суицидальных проявлений с социально-демографическими и психологическими характеристиками людей, а также с социально-экономическими и политическими условиями в стране.

В 1970–1980-е гг. возобновились исследования проституции, хотя эта тема до конца советского периода оставалась «чувствительной» и во многом табуированной из-за идеологических установок. Официально проституция считалась «пережитком капитализма» и не признавалась широко распространенной проблемой, однако ученые проявляли существенный интерес к этому явлению. Его исследования часто проводились в закрытых условиях или под прикрытием других социальных проблем. Так, ученый-правовед Ю.М. Антонян исследовал криминальную среду, в которую попадали женщины, вовлеченные в проституцию, и социальные условия, способствовавшие ее распространению. С.И. Голод и Я.И. Гилинский занимались теоретическими аспектами проституции, обсуждая определение явления и его исторические формы. Сравнив данные исследований 1920-х и 1970–1980-х гг., они выявили, в частности, что в позднесоветские годы среди проституток стали чаще встречаться люди с более высоким образовательным и социальным статусом, а отношение общества к этой «профессии» стало более лояльным.

К сожалению, значительная часть результатов исследований по различным проявлениям девиаций публиковались в СССР с грифом «Для служебного пользования» и не получали широкого общественного резонанса. Несмотря на необходимость работать

в условиях политического контроля, социология девиантного поведения постепенно становилась неотъемлемой частью советской академической среды. Можно утверждать, что в последние годы существования СССР складывается собственно социологическая школа девиантного поведения. Научные труды и исследования начинают оказывать влияние на социальную политику государства, закладывая основу не только для будущих исследований, но и для социальных реформ.

Развитие российской социологии девиантного поведения с конца 1980-х гг. по настоящее время. Возросшая социальная нестабильность с конца 1980-х до начала 1990-х гг. – резкое падение уровня жизни, рост безработицы, социальная дезориентация населения, обострение социального неравенства, ослабление регуляции социального поведения (т.е. нарастание аномии) – привели к появлению новых форм девиантного поведения и криминальной активности. В это время социология девиантного поведения начала развиваться особенно интенсивно. Снятие цензуры и ослабление идеологического контроля позволили получить доступ к ранее закрытым данным, способствовали междunarодному сотрудничеству, появлению новых теоретических парадигм и методологических инструментов, которые ранее были недоступны или отвергались. Рост числа специалистов и возрождение полипарадигмальной социологии способствовали большому расширению географии исследований и появлению новых центров и исследовательских групп: в Казани (Ю.Ю. Комлев, А.Л. Салагаев, А.В. Шашкин, И.Е. Туриянский), Краснодаре (Т.А. Хагуров, А.А. Таганова, С.В. Книжникова), Тюмени (С.Г. Ольков, И.А. Грошева, И.Л. Грошев), Твери (Ю.А. Клейберг), Ульяновске (Е.Л. Омельченко), Владивостоке (Л.И. Романова), Надыме (А.В. Стожаров), Нижнем Новгороде (Г.С. Широкалова), Ярославле (С.Л. Таланов). В Санкт-Петербурге в 1990-е гг. на базе Социологического института РАН был создан Центр девиантологии (во главе с Я.И. Гилинским), работали и другие девиантологические научные коллективы (Л.Е. Кесельман, М.Г. Мацкевич, С.Б. Белогуров, Г.И. Саганенко и др.).

В это время качественно расширилась предметная область исследований. Ученые чаще стали обращаться к анализу таких видов девиаций, как наркомания, алкоголизм, проституция, организованная преступность, экстремальное поведение и экстремизм, рискованное поведение, которые стали массовыми явлениями. В рамках социологии девиантности начинают формироваться относительно самостоятельные научные направления: социальный контроль и социальная работа, девиантность (делинквентность) подростков, экономическая девиантология, военная девиантология.

По мере развития социологии девиантного поведения исследователи стали глубже анализировать его причины, региональные особенности и различия в противодействии им. Социологические исследования вышли за рамки криминологических и психологических подходов, охватывая культурологические, экономические и политические аспекты. Девиантное поведение стало рассматриваться как сложный социальный феномен, ведущими стали целостный, системный и диалектический подходы, обеспечивающие всестороннее анализ различных форм девиаций на макро- и микроуровнях.

Существенно повысилась общая методолого-методологическая культура, что позволило не только расширить сферу исследований девиантного поведения в России, но и сделать их более точными и релевантными. Высокая латентность изучаемых явлений, искажения в данных официальной статистики, повышенная доля социально одобряемых ответов в опросах по девиациям¹ – все это требовало модернизации подходов и опросных методик. В анкетах по девиации стали уделять больше внимания порядку вопросов, добавлять контрольные вопросы, замаскированные под обычные, для выявления неискренних ответов. Были разработаны косвенные вопросы, где респонденты должны были оценивать

¹ Есть оценки, что если при обычных опросах фактологическая информация совпадает с действительностью примерно в 80–90% случаев, то при изучении девиантного поведения – только в 40–50%.

поведение других людей, что, по идее, отражало (проецировало на окружающих) их собственные действия и мнения. Эффективными оказались проективные и ретроспективные методики, позволяющие изучить отношение к ситуации в момент проявления девиаций.

Из-за высокой латентности девиантных явлений традиционные методы исследований стали дополняться герменевтическим анализом, который фокусируется на понимании причинно-следственных связей через призму восприятия самих девиантов. Важную роль начали играть качественные методы: полуструктурированные и глубинные интервью, наблюдение, фокус-группы, этнографические исследования, метод сочинения и др. (подробнее см.: [Девиантное поведение..., 2004]).

Период с конца 1990-х гг. до 2010-х ознаменовался в России резким ростом употребления психоактивных веществ (алкоголя и наркотиков). Угроза национальной безопасности, связанная с массовым злоупотреблением алкоголем и распространением наркопотребления, стала стимулом для множества научных исследований. Важный вклад в социологию наркопотребления внесли медики и психиатры (Э.Я. Бабаян, К.В. Вышинский, А.Г. Данилин, И.В. Данилина, О.В. Зыков, В.В. Киржанова, Е.А. Кошкина, В.Д. Менделевич, Д.М. Менделевич, А.В. Немцов, И.Н. Пятницкая и др.)

В это время наблюдался всплеск частного производства контрафактного алкоголя, а потребление крепких напитков («северный тип потребления») достигло исторических максимумов. Уровень заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами вырос в несколько раз, достигнув пика в 1995 г. Ведущий эксперт в области проблем алкогольной смертности и алкогольной политики А.В. Немцов показал, что социально-экономические реформы привели к росту всех показателей алкоголизации, включая увеличение смертности от цирроза печени и отравления алкоголем, а также рост числа алкогольных психозов [Немцов, 2003]. В самые последние годы на основе обширных эмпирических данных и латентных показателей алкоголизации А.В. Немцов обосновал, что фиксируемое снижение алкоголизации в последнее десятилетие (например, по данным ВИЦОМ) не так однозначно и требует дальнейшего изучения.

Еще на рубеже 1980–1990-х гг. Сектор социальных проблем алкоголизма и наркомании Института социологии АН СССР под руководством Б.М. Левина выявил высокий уровень алкоголизации среди молодежи: 90–95% мальчиков и 65–70% девочек 16–17 лет хотя бы эпизодически употребляли спиртные напитки [За здоровый образ..., 1991]. Исследования под руководством М.Е. Поздняковой были сфокусированы на изучении причин алкоголизации различных групп населения и анализе государственного регулирования потребления алкоголя. Они показали, что в российском обществе существует глубокая потребность не столько в опьянении, сколько в изменении состояния сознания, обусловленная как гедонистическими, так и в значительной степени атарактическими (направленными на снятие тревоги) мотивами. Одним из важных выводов исследований стало то, что злоупотребление алкоголем в постсоветской России приобрело более социально приемлемые, но скрытые формы («тихая алкоголизация»). Потребление алкоголя «ушло» из общественных мест в дом, в семью. Особенно это наблюдалось среди жителей крупных городов, менеджеров среднего звена и женщин [Потребление алкоголя, 2011]. В последние годы внимание авторского коллектива Сектора было сосредоточено на изучении влияния пандемии COVID-19 на ключевые звенья процесса алкоголизации.

Социологический подход к изучению алкоголизма и алкопотребления в последние десятилетия нашел отражение также в работах петербургских социологов – Я.И. Гилинского, И.Н. Гурвича, М.М. Русаковой, Н.Ю. Горячевой, В.А. Одиноквой. Меры антиалкогольной политики исследовались Г.Г. Заиграевым, Ю.Ю. Комлевым. Анализ проблемы самогонварения в России отражен в работах [Заиграев, 2002; Радаев, 2016; Брюно, Позднякова, 2023]. Активную работу ведут в этом направлении и московские социологи из ВШЭ. В частности, В.В. Радаев, З.В. Котельникова, Я.М. Рощина, Ю.Ю. Белова, В.А. Кондратенко и другие сотрудники «Вышки» анализировали изменения в алкогольных

предпочтениях россиян, динамику потребления различных видов алкоголя, а также социально-экономические факторы, влияющие на эти изменения.

В 2000-е гг. по причине небывалого всплеска наркомании в России внимание ученых частично сместилось с проблем алкоголизации на распространение и употребление наркотиков. Первые исследования основывались в основном на опросах молодых людей из «зон риска» (пациентов наркологических учреждений, заключенных), что не позволяло оценить реальные масштабы наркопотребления в стране и выявить детерминанты наркотизма. С середины 1990-х гг. в России начало формироваться социологическое направление в изучении наркомании, представленное такими учеными, как Я.И. Гилинский, Л.Е. Кесельман, Ю.Ю. Комлев, М.Г. Мацкевич, Е.Л. Омельченко, М.М. Русакова, Г.И. Саганенко, А.Л. Салагаев, Г.Г. Силласте, Ф.Э. Шереги и другие.

В течение последних 30 лет масштабные исследования наркоситуации в России проводились и коллективом Сектора социологии девиантного поведения ИС ФНИСЦ РАН. Изучались особенности наркотизации различных групп населения, влияние этноконфессиональных и религиозных факторов на наркотизацию, а также влияние интернет-сообществ (в том числе «теневой» части сети Интернет, включая «ДаркНет») на распространение наркотиков. Появление новых видов наркотиков в середине 2000-х гг. изменило паттерны наркопотребления. Это потребовало исследовать изменения причинно-следственного комплекса наркотизации, следствием которых стал переход к новым (более латентным) формам наркопотребления. Многолетние исследования Сектора позволили выявить ключевые тенденции наркотизации в России: выявлена и подтверждена связь алкоголизации с первичной наркотизацией, зафиксированы неоднократные изменения в структуре наркотиков. Активно применяемый биографический метод оказался особенно эффективным в изучении наркопотребителей, помогая анализировать их жизненный путь и «точки бифуркации» – переломные моменты жизни, которые могли повлиять на их поведение, в частности, сподвигнуть к употреблению наркотиков. Благодаря этому методу были выявлены и проанализированы новые («мягкие») модели наркопотребления («статусное»², «рекреационное»³, «контролируемое»⁴). В отличие от массовых опросов, более тонкие методы (например, сочинения для школьников по темам девиантного поведения) позволили уловить изменившееся отношение населения к наркотикам еще до того, как статистика и опросы зафиксировали повышение наркопотребления. Было выявлено амбивалентное отношение российского общества к наркопотреблению, что серьезно затрудняет борьбу с наркотизацией [Позднякова, Брюно, 2018].

Проблему наркотизма также исследовал Центр девиантологии при Социологическом институте РАН в Санкт-Петербурге (Я.И. Гилинский, М.М. Русакова и др.), рассматривая его как форму ретристского (пассивно-уклоняющегося) поведения в условиях аномии. В Татарстане под руководством Ю.Ю. Комлева проводятся основательные исследования взрослого и молодежного наркотизма. Особенности вовлечения молодежи в наркотическую субкультуру посвящены также труды коллектива под руководством Е.Л. Омельченко.

Особое внимание современных исследователей привлекают подростково-молодежная девиантность и делинквентность. В основном различные аспекты девиантных практик в молодежной среде исследуются в работах психологов, психиатров и педагогов – например, Л.С. Выготского, Е.В. Змановской, В.М. Когана, Ю.А. Клейберга, А.Е. Личко, А.А. Реана. Социологический подход к изучению процессов формирования

² «Статусное (престижное) потребление» – употребление наркотиков, рассматриваемое как способ демонстрации престижа, богатства или привилегированного положения.

³ «Рекреационное потребление» подразумевает употребление наркотиков в неформальной обстановке, для развлечения и расслабления. Обычно связано с определенными ситуациями – такими как вечеринки, концерты или фестивали (наркотики «выходного дня»).

⁴ «Контролируемое потребление» подразумевает прием наркотиков по определенным, выработанным потребителем, правилам (контроль дозировки, частоты, ситуации и др.), чтобы попытаться избежать зависимости и негативных последствий.

личности, социализации подростков и девиантного поведения молодежи раскрывается в работах М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги, И.М. Ильинского, В.Ф. Левичева, В.А. Лукова, Т.Б. Щепанской. Анализ статистики молодежной преступности, выявление обуславливающих ее макро- и микросоциальных факторов были осуществлены в работах А.И. Долговой, Г.И. Забрянского, В.Н. Кудрявцева. Проблемы преступности и ресоциализации молодых преступников освещены в работах С.Л. Таланова [2017].

Молодежным культурам и субкультурам посвящены исследования Е.Л. Омельченко, которая на протяжении последних 30 лет изучала культурные молодежные сцены в российских городах. В последние годы ее внимание было сосредоточено на трансформации культурных молодежных практик [Молодежь..., 2020]. Девиантному поведению российской молодежи в субкультурном контексте специально посвящена работа [Зубок, Чупров, 2017].

Когда к концу 1980-х гг. масштабы уличной преступности приняли угрожающий характер, то за их изучение взялся, прежде всего, коллектив казанских социологов под управлением Александра Салагаева. Татарстанские исследователи анализировали механизмы формирования и функционирования молодежных городских (делинквентных и преступных) группировок, а также социальные и культурные факторы, способствующие вовлечению молодежи в преступную деятельность. Именно Салагаев впервые использовал термин «казанский феномен»⁵, ставший расхожим мемом [Шашкин, Салагаев, 2004].

В последние десятилетия среди молодежи наблюдается значительный рост также преступлений экстремистской направленности. Проблема молодежного экстремизма проанализирована в работах А.А. Козлова, Ю.А. Зубок, В.И. Чупрова, И.Ю. Сундиева, Е.О. Кубякина и ряда других исследователей. В частности, Е.О. Кубякин, проводя комплексные исследования, делает вывод, что современный молодежный экстремизм стал более организованным, осозанным и идеологически обоснованным, а не спонтанным, как это было в 1990–2000-х гг. Кроме того, на фоне видимого «успокоения» криминальной ситуации молодежный экстремизм стал более коллективным и одновременно виртуальным явлением [Кубякин, 2013].

Особый интерес вызывают исследования, посвященные связи молодежного экстремизма с более широкой проблемой молодежной экстремальности, которая рассматривается как форма девиантного поведения. В течение нескольких лет коллективы Сектора социологии девиантного поведения (М.Е. Позднякова) и КубГУ (Т.А. Хагуров) осуществляли совместные исследования, направленные на изучение девиантного поведения подростков, включая проявления молодежного экстремизма. Экстремальность понималась как максимализм в мышлении и крайности в поведении, проявляющиеся как на групповом, так и на индивидуальном уровнях, включая рискованное поведение и различные формы аддикции. Исследования показали, что социально-экономические изменения, смена ценностных ориентиров и разрушение традиционной системы воспитания приводят к дезориентации подростков. Происходит нормализация многих видов девиантного поведения – криминализация сознания. Наблюдается рост агрессивности и склонности молодых россиян к преступлениям, ранее характерные только для взрослых. При этом материальные блага и прагматизм становятся приоритетами в их ценностных ориентациях. Исследования позволили описать портрет «экстремального подростка». Анализ показал, что ценностное сознание российской молодежи сегодня отличается неустойчивостью, отсутствием четкой дифференциации и противоречивостью [Экстремальность и экстремизм, 2017].

---

⁵ «Казанский феномен» – собирательное название, данное множеству криминальных банд, появившихся в Казани и других городах Татарской АССР в 1970–1980-е гг. Эти группировки состояли в основном из подростков и молодых людей. Журналист Роберт Гараев упомянул «казанский феномен» в своей книге «Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970–2010-х» (2020), ссылаясь именно на А.Л. Салагаева. В 2023 г. был выпущен киносериял «Слово пацана. Кровь на асфальте», основанный на событиях, связанных с этим феноменом.

В 2014–2015 гг. Институт социологии РАН (М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги, М.Е. Позднякова и др.) по заказу Министерства образования России провел масштабное исследование факторов, затрудняющих социализацию детей. Были проведены опросы различных групп – детей в трудной жизненной ситуации, в социально опасном положении, в благоприятной жизненной ситуации, состоящих на учете в МВД, в комиссии по делам несовершеннолетних, находящихся в специализированных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типов, в учреждениях пенитенциарной системы (1000 человек из 20 субъектов РФ). Сравнение групп подростков, находящихся в благополучных и неблагополучных жизненных условиях, показало, что проблема социализации кроется отнюдь не только в среде неблагополучных семей, как это часто принято считать, но и во внешне благополучных семьях, причем в угрожающих масштабах. Исследование позволило обнаружить целый ряд серьезных дефицитов: дети не получают соответствующей поддержки в семье, достойного примера для подражания, надлежащих навыков преодоления трудностей и укрепления сил в трудных ситуациях [Методическое пособие..., 2015; Разварина и др., 2016].

Одной из центральных тем социологических исследований девиантного поведения являются девиации в сфере сексуальности и межполовых отношений. На территории современной России проведение социологических исследований сексуального поведения находилось под негласным запретом вплоть до начала 1990-х гг. Первым опубликовал материалы эмпирических исследований, ориентированных на изучение сексуального поведения личности в России, классик отечественной социологии сексуальности С.И. Голод. Широкую известность получили также работы И.С. Кона, исследовавшего тему молодежной сексуальной культуры. В своих работах он изучал изменения, происходящие в сексуальном поведении молодежи, акцентируя внимание на эволюции сексуальных норм и ценностей в российском обществе [Кон, 2010]. Социологический и психологический анализ различных форм сексуально опасного и девиантного поведения среди подростков и молодежи представлен в работах В.И. Сакевич, О.И. Колпаковой, К.Д. Хломова, А.А. Бочавер и других исследователей.

Коллектив Сектора социологии девиантного поведения Института социологии, в частности, в течение многих лет осуществляет работу по изучению рискованного и девиантного сексуального поведения подростков и взрослых. При этом исследуются заболеваемость половыми инфекциями, включая ВИЧ, нормативные представления в сфере сексуальности, особенности сексуального поведения подростков, связь употребления алкоголя и наркотиков и рискованного сексуального поведения, сексуальная активность в Интернете, преступления в сексуальной сфере, феномен проституции (включая детскую), сексуальное образование и иные темы [Позднякова, 2018; Брюно, 2018]. Выявлено, что за последние десятилетия в российском обществе произошли значительные изменения в сексуальной культуре, способствовавшие распространению рискованного сексуального поведения: снижению возраста начала половой жизни, увеличению числа сексуальных партнеров, росту добрых и внебрачных связей, а также незащищенных контактов. Развитие информационных технологий вызвало «новую сексуальную революцию», приведшую к появлению новых паттернов поведения и связанных с ними рисков.

В 1990-е гг. на фоне социальной нестабильности и экономических трудностей в России резко увеличилось количество женщин, вовлеченных в секс-индустрию. Проституция стала восприниматься обществом как форма занятости, появились понятия «секс-бизнес», «коммерческий секс». Все это привлекло внимание социологов. Социологи исследовали масштабы распространения проституции, социальные характеристики проституток и их клиентов, вопросы структурного насилия, бедности и маргинализации, связанных с этой проблемой (С.И. Голод, Л.Д. Ерохина, Я.И. Гилинский, И.А. Голосенко, И.С. Кон и др.). Изучалась проблема молодежной [Горшков, Шереги, 2010] и детской проституции (Е.В. Тюрюканова, М.М. Русакова, А.А. Станская). Особо следует отметить исследования, проведенные питерскими социологами М.М. Русаковой, А.А. Яковлевой

и В.В. Романенко, изучающими факторы вовлечения в проституцию, жизненные траектории женщин, вовлеченных в проституцию, социальное пространство проституции и механизмы контроля.

Дискуссии и парадигмы российской социологии девиантного поведения. В России, как и на Западе, между научными школами социологии девиантного поведения существуют различия в подходах к изучению девиантности, основанные на разных теоретических рамках и методах исследования.

Долгое время в российской девиантологической научной мысли доминировали структурно-функциональные и позитивистские подходы, характерные для советского периода. Девиантность рассматривалась как нарушение норм, требующее строгого контроля со стороны государства. Традиционные подходы в криминологии предполагают сдерживание через наказание или реабилитацию. Социологи-«классики» в значительной степени опирались (и продолжают опираться) на количественные методы исследования: анализ статистики, массовые опросы для выявления закономерностей в девиантном поведении и разработки стратегий контроля (в основном медики, криминологи).

За последние 30 постсоветских лет теоретический горизонт отечественной социологии (в том числе социологии девиантного поведения) обогатился всем спектром теоретических направлений западной социальной мысли. Так, с конца 1980-х гг. на фоне процессов глобализации и социально-культурных изменений в российской социологии девиантного поведения начал набирать значимость постмодернистский дискурс (например, социальный конструктивизм, теория стигматизации, феминистический подход и др.), акцентирующий внимание на относительности социальных норм («текущие нормы») и субъективности человеческого опыта. Несмотря на определенную популярность, постмодернистский подход вызывает достаточно ожесточенные дискуссии в среде российских исследователей девиантности. Например, краснодарский научный коллектив (под руководством Т.А. Хагурова) оппонирует некоторым коллегам из Санкт-Петербурга (в частности, Я.Г. Гилинскому – очень известному представителю постмодернистского дискурса), утверждая, что вестернизация отечественного социального знания привела к некритичному принятию, подчас граничащему с догматизацией, западных социальных теорий. Критикуя релятивистский подход, характерный для постмодернистской социологии, Хагуров предлагает ценностно-ориентированный анализ дисфункций социализации и социального контроля.

Подчеркнем, что, невзирая на противоположные взгляды, представители и классической, и постмодернистской школ активно применяют интегративные междисциплинарные подходы, учитывающие как объективные факторы, так и социально-культурные контексты девиантного поведения. Они включают элементы философии, психологии, криминологии для создания более гибкой и многослойной модели анализа девиантности. Важность такого подхода подчеркивается казанскими учеными (например, Ю.Ю. Комлевым с коллегами), тюменскими (И.А. Грошева), коллективом сектора социологии девиантного поведения в Москве, Т.В. Шипуновой (Санкт-Петербург) и многими другими.

Тем не менее в российской социологии девиантного поведения существует несколько ключевых тем, по которым взгляды представителей различных школ существенно расходятся.

Употребление и злоупотребление наркотиками. В первые 10 лет после распада Советского Союза широкое распространение инъекционного употребления опиатов и рост случаев ВИЧ-инфекции обострили противоречия в наркологическом дискурсе. Ситуация усложнилась с появлением новых синтетических психоактивных веществ и более латентных моделей потребления. К концу 2010-х гг. острота дискуссий несколько спала, но проблема наркотизации и связанные с ней вызовы остаются актуальными.

Большинство российских медиков рассматривают наркотики через призму строгой модели зависимости. Они отвергают саму идею возможности «контролируемого употребления», считая, что даже редкое употребление опасно и ведет к серьезным

последствиям⁶. Проблема легализации и декриминализации наркотиков также остается предметом серьезных дискуссий. Криминологи и медики отмечают, что немедицинское потребление наркотиков способствует развитию организованной преступности.

Спорным остается и отношение к заместительной терапии. Большинство медиков и наркологических чиновников в России считают ее несостоятельной, так как она лишь замещает одну форму зависимости другой, не устраняя при этом патологическую тягу к наркотикам. Некоторые социологи отмечают, что заместительная терапия может способствовать сохранению наркопотребительской субкультуры, повышению терпимости всего общества к факту употребления индивидуумом того или иного объективно вредного вещества. Тем самым легитимируется употребление наркотиков под медицинским контролем, что ослабляет социальное осуждение наркомании и подрывает усилия по борьбе с наркопотреблением (Г.Г. Силласте, М.Е. Позднякова, В.В. Брюно, Ю.Ю. Комлев).

Противоположных взглядов придерживаются «прозападные» социологи-«постмодернисты». Так, известный психиатр и нарколог В.Д. Менделевич критикует российскую наркологию за «репрессивную стратегию», настаивая на поэтапном снижении дозы (концепция «снижения вреда») и постепенном выходе в ремиссию. Менделевич и его коллеги, включая некоторых социологов из Санкт-Петербурга, поддерживают внедрение заместительной терапии, обосновывая ее пользу как в медицинском, так и в социальном и экономическом аспектах [Менделевич, 2006]. Социологи-«постмодернисты» часто выступают за легализацию и декриминализацию наркотиков, считая, что это уменьшит стигматизацию пользователей, снизит нагрузку на уголовную систему и позволит перенаправить ресурсы на общественное здравоохранение и профилактику (Я.И. Гилинский). Важно, что многие специалисты из разных школ едины во мнении, что необходимо сместить акцент с наказаний на профилактику, на проведение разумной антинаркотической агитации и внедрение грамотных профилактических программ. В этой связи необходимо отметить многолетнюю работу директора Института наркологического здоровья О.В. Зыкова, разработавшего принципы и подходы к формированию мотивационной наркологии, а также являющегося организатором российских обществ анонимных алкоголиков и наркоманов.

Нетрадиционное сексуальное поведение. Вопросы гендера и сексуальности также являются ключевой областью научной полемики в российской социологии девиантности. Одни исследователи считают трансформации гендерной идентичности позитивными и прогрессивными процессами (А.А. Кондаков), в то время как другие (Т.А. Хагуров, А.И. Кравченко, Е.Н. Новоселова, А.П. Дьяченко и др.) рассматривают их как кризис нормальной гендерной идентичности, угрожающий демографическому воспроизводству.

Классическая школа придерживается взгляда, что гендерные роли и сексуальные нормы фиксированы и естественны, а отклонения от них (особенно касающиеся ЛГБТ+⁷), рассматриваются как угроза традиционным ценностям. Так, Т.А. Хагуров отмечает, что отнесение ЛГБТ+ к девиантам, несмотря на непопулярность этой точки зрения в кругах современного интеллектуального бомонда, – не оценочное суждение, но вполне научное описание, опирающееся на значительный объем медицинских, сексологических, социологических, психологических и философских исследований [Хагуров, 2007]. Другие исследователи (например, Е.Н. Новоселова) предупреждают, что либерализация в этой сфере может привести к размыванию смысла понятий гомо- и гетеросексуальности, что негативно скажется на репродукции людей как биологического вида.

⁶ См., например, популяризацию этой позиции в СМИ: Урманцева А. Самая соль: новые виды наркотиков привлекли все группы населения // Известия. 16.10.2018. URL: <https://iz.ru/792261/anna-urmantceva/samaia-sol-novye-vidy-narkotikov-privlekli-vse-gruppy-naselenia> (дата обращения: 15.08.2024).

⁷ «ЛГБТ+» – популярная аббревиатура для обозначения лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендерных и иных людей с нестандартной гендерной идентичностью и сексуальной ориентацией (квир и интерсекс-люди, асексуалы, пансексуалы и др.).

Исследователи, ориентированные на постмодернистский дискурс (И.С. Кон, Я.И. Гилинский, А.А. Кондаков), утверждают, напротив, что нет правильных или неправильных форм гендерной/сексуальной идентичности и что, например, гомосексуальность должна быть депатологизирована. Наиболее взвешенный и объективный социологический анализ проблем ЛГБТ+ представлен в работах питерских социологов (А.Г. Щелкин, В.А. Ларькина, П.Г. Почебут, О.Б. Божков, Т.З. Протасенко и др.)

Преступность как социальное явление. Различия в подходах проявляются и в вопросах изучения преступности, контроля и наказаний за преступления, отношения к заключенным.

Постмодернисты рассматривают преступления как социальный конструкт, который варьируется в зависимости от контекста, а наказание – как инструмент социального контроля, поддерживающий власть определенных социальных групп. Представители этого подхода критикуют традиционные методы наказания (лишение свободы, смертная казнь), подчеркивая их неэффективность в снижении преступности и рецидивизма. Эти исследователи указывают также на негативные последствия длительного заключения и предлагают альтернативные – более гуманистичные – подходы, включая восстановительную юстицию.

В то же время многие представители классической школы (например, А.И. Долгова, А.П. Дьяченко, Т.А. Хагуров, М.Е. Позднякова и др.) критически оценивают идею «кризиса наказания». Критики модернизма в социологии девиантности утверждают, что традиционные формы наказания в современных российских условиях, включая длительное (вплоть до пожизненного) тюремное заключение, остаются необходимыми для защиты общества и восстановления справедливости, как ее понимают современные россияне.

Несмотря на серьезные, подчас кажущиеся непримиримыми, разногласия между представителями различных школ, в российской социологии девиантного поведения сохраняется высокая культура научных дискуссий и профессионального взаимодействия. На конференциях и семинарах представители разных школ обмениваются результатами исследований, обсуждают новые идеи в атмосфере взаимного уважения. Поддерживать высокий культурный уровень дискуссий помогает институциональная поддержка со стороны академических сообществ и научных учреждений (РОС, Институт социологии в Москве и Санкт-Петербурге, Центр девиантологии под руководством Я.И. Гилинского, Кубанский государственный университет, Казанский юридический институт МВД и др.), которые организуют круглые столы, конференции и семинары, способствующие укреплению профессиональных связей.

Заключение. Подведем итоги обзора отечественных научных поисков в сфере социологии девиантности.

В последние годы в России наблюдаются значительные изменения в сфере девиантного поведения, вызванные как глобальными, так и локальными факторами: рост цифровизации, пандемия COVID-19, события на международном уровне, введение беспрецедентных санкций, изменение социально-экономического положения. Эти изменения усилили существующие проблемы в социуме и привели к появлению новых моделей деструктивного поведения. Так, на фоне общего почти двукратного снижения зарегистрированных преступлений (с 3,55 млн в 2005 г. до 1,95 млн в 2023 г.) во многом благодаря внедрению систем безопасности (включая видеомониторинг) существенно выросло число так называемых «бесконтактных» преступлений, преимущественно связанных с информационными технологиями. Цифровая трансформация усилила переход многих форм девиации в онлайн-пространство. Такие явления, как кибербуллинг, онлайн-мошенничество, хакерство, игромания, распространение наркотиков через интернет, рискованное сексуальное поведение и другие, стали ключевыми проявлениями нового этапа девиантности. Этот сдвиг не только изменил характер девиантного поведения, но и привел к росту латентности, усложняя контроль и профилактику. Наряду с этим серьезной проблемой остаются участие молодежи в деструктивных субкультурах («оффники», «редан»),

экстремистские объединения (например, запрещенная АУЕ) и вооруженные нападения в учебных заведениях (скулшутинг). Все эти изменения позволили социологам говорить о процессе «неокриминализации» в России и потребовали переосмысления традиционных подходов, поскольку современные девиации все чаще переходят из физического пространства в виртуальное, изменяя саму природу отклоняющегося поведения.

Одной из главных проблем современной российской социологии девиантного поведения является отсутствие единого методологического подхода, способного объединить разрозненные исследования из различных научных областей. Эта фрагментация препятствует созданию целостного понимания причин и мотивов девиантного поведения, что ограничивает эффективность профилактических мер. Попытки интеграции подходов (как, например, предложенные Т.В. Шипуновой [2004]), остаются редкими. Это затрудняет прогресс в данной области научных исследований. К сложностям добавляется искаженное восприятие девиантного поведения в обществе, вызванное стереотипизацией многих дискуссионных проблем не только в СМИ, но часто и в научном дискурсе. Это мешает анализу и систематизации данных, необходимых для создания эффективных профилактических программ.

Перспективы российской девиантологии связаны с необходимостью расширения и углубления исследований, учитывающих социальные и культурные изменения. Важно продолжать изучение традиционных форм девиации (преступность, алкоголизм и наркомания) с учетом их современных проявлений. Особое внимание должно быть уделено исследованию социальных детерминант, включая влияние социальных сетей, экономических кризисов и миграционных процессов. В условиях глобальных и локальных изменений девиантология в России сегодня стоит перед задачей теоретического переосмысления и обновления своих подходов, учитывающих цивилизационные особенности страны в контексте мирового развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амбрумова А.Г., Ратинов А.Р. Мультидисциплинарное исследование агрессивного и аутоагрессивного типа личности // Комплексные исследования в суицидологии. Сборник научных трудов. М.: Изд-во НИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1986. С. 26–44.
- Брюно В.В. Рискованное сексуальное поведение современных подростков в России. Часть I // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 4. С. 117–129. DOI: 10.19181/snsr.2018.6.4.6089.
- Брюно В.В., Позднякова М.Е. Распространение самогоноварения в России в период социальных кризисов // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 4. С. 221–247. DOI: 10.19181/snsr.2023.11.4.10.
- Габияни А.А. Криминологические аспекты потребления наркотиков (на материале Грузинской ССР) // Советское государство и право. № 7. 1987. С. 64–69.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежная проституция и изменения отношения к браку // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 4 [98] Июль–август. С. 216–239.
- Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других отклонений. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2021.
- Девиантное поведение: Методология и методика исследования / Под ред. М.Е. Поздняковой. М.: Реглант, 2004.
- Забрянский Г.И. Изучение и предупреждение преступности несовершеннолетних: Уч. пособие. Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1979.
- Заиграев Г.Г. Особенности российской модели потребления некоммерческого алкоголя // Социологические исследования. 2002. № 12. С. 33–41.
- За здоровый образ жизни: (Борьба с социальными болезнями). В 2-х кн. Редкол.: Б.М. Левин (отв. ред.), М.Е. Позднякова. М.: Ин-т социологии АН СССР, 1991.
- Змановская Е.В. Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1(1). С. 12–23. DOI: 10.35750/2713-0622-2021-1-12-23.

- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15. Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 12–48.
- Комлев Ю.Ю. Социология девиантного поведения: истоки и этапы становления в России // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 1. С. 133–137.
- Кон И.С. Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. 3-е изд., испр. и доп. М.: Время, 2010.
- Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни. Краснодар: КрУ МВД России, 2013.
- Менделевич В.Д. Заместительная терапия наркомании – новая проблема биомедицинской этики и медицинского права // Независимый психиатрический журнал. 2006. № 1. URL: <http://test.npar.ru/journal/2006/1/therapy.htm> (дата обращения: 20.11.2024).
- Методическое пособие по практическому использованию модели механизма «субъектной» социализации в целом и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении / Под ред. акад. РАН М.К. Горшкова. М.: Институт социологии РАН, 2015.
- Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности / Сост. и науч. ред. Е.Л. Омельченко. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2020. DOI: 10.17323/978-5-7598-2128-1
- Немцов А.В. Убойная сила российского пьянства // Природа. 2003. № 12(1060). С. 10–16.
- Позднякова М.Е. Рискованное сексуальное поведение как фактор распространения ВИЧ-инфекции в России. Часть 1 // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Том 6. № 3. С. 99–113. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.3.6005
- Позднякова М.Е., Брюно В.В. Новые тенденции наркотизации как риски социетального характера // Вестник Института социологии. 2018. Том 9. № 1. С. 115–139. DOI: 10.19181/vis.2018.24.1.500.
- Потребление алкоголя в России: Социологический анализ. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2011. № 1. М.: Институт социологии РАН, 2011
- Разварина И.Н., Барсуков В.Н., Смолева Е.О., Фахрадова Л.Н. Основные направления работы с детьми и их семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении // Проблемы развития территории. 2016. № 3 (83). С. 81–99. EDN VZKQCF.
- Радаев В.В. Не самогоном единым: структура и факторы потребления домашнего алкоголя в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 4. С. 121–141.
- Таланов С.Л. Программа «Безопасный город» как важное направление государственной политики в сфере борьбы с преступностью // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 52–77. DOI: 10.20323/2658-428X-2020-4-9-52-77.
- Хагуров Т.А. Дисфункции процессов социализации и социального контроля в условиях экспансии массовой потребительской культуры: проблемы девиантологического анализа: дис. ... док. соц. наук: 22.00.04. М.: Ин-т социологии РАН, 2007.
- Шашкин А.В., Салагаев А.Л. Деликвентные группировки в современной России: история возникновения и теоретические подходы к исследованию // Девиантное поведение: методология и методика исследования / Под ред. М.Е. Поздняковой. М.: Реглант, 2004. С. 138–159.
- Шипунова Т.В. Проблема синтеза теорий девиантности // Социологические исследования. 2004. № 12 (248). С. 103–113.
- Экстремальность и экстремизм в социальных практиках российской молодежи / Отв. ред. Т.А. Хагуров, М.Е. Позднякова. М.: ФНИСЦ РАН; Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017.

Статья поступила: 29.08.24. Финальная версия: 20.11.24. Принята к публикации: 18.12.24.

DEVELOPMENT OF APPLIED SOCIOLOGICAL RESEARCH ON DEVIANT BEHAVIOR IN RUSSIA

POZDNIAKOVA M.E.*, BRYUNO V.V.*,

*Institute of Sociology FCTAS RAS, Russia

Margarita E. POZDNIAKOVA, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher (margo417@mail.ru); Victoriya V. BRYUNO, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow (victoria.bruno@mail.ru). Both – Sector of Deviant Behavior Sociology, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. The prerequisites for Russian sociology of deviant behavior have been analyzed in several domestic studies. This article examines the process of the formation and development of Russian sociology of deviant behavior, from the post-war period to the present day. Special attention is paid to the research activities of the Sociology of Deviant Behavior Sector at the Institute of Sociology, FCTAS RAS, as well as the contributions of domestic scholars in developing key directions in deviantological research. The focus of the work is on applied research, which allows for the analysis of deviance in Russia based on specific data and the identification of patterns that are not always visible at the level of abstract analysis. The article describes the main stages of the revival of the sociology of deviance in the USSR during the «Thaw» period, when open research on deviant behavior became possible, followed by the subsequent stage of the 1980s–1990s, characterized by the formation of research teams and the growth of studies under conditions of social instability. The article provides a detailed analysis of the main research directions, including the issues of alcohol and drug abuse, risky sexual behavior, including prostitution, and crime, especially among youth. It is shown that the increasing complexity and expansion of the field of deviantology required the development and transformation of methodological approaches to its study. Some directions for future research are outlined.

Keywords: russian sociology of deviance, deviant behavior, criminology, alcoholization, narcotization, suicide, prostitution, crime.

REFERENCES

- Alcohol Consumption in Russia.* (2011) A Sociological. Information and Analytical Bulletin (INAB). Analysis. Moscow: Izd-vo Institut sotsiologii RAN. (In Russ.)
- Ambrumova A.G., Ratnikov A.R. (1986) Multidisciplinary Study of Aggressive and Autoaggressive Personality Types. In: *Comprehensive Research in Suicidology*. Collection of Scientific Papers. Moscow: Izd-vo NII Psikiatrii MZ RSFSR: 26–44. (In Russ.)
- Bryuno V.V. (2018) Risky Sexual Behavior of Modern Teenagers in Russia. Part I. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 6. No. 4: 117–129. (In Russ.)
- Bryuno V.V., Pozdnyakova M.E. (2023) The Spread of Moonshine Production in Russia during Social Crises. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 11. No. 4: 221–247. (In Russ.)
- Deviant Behavior: Methodology and Research Methods.* (2004) Ed. by M.E. Pozdnyakova. Moscow: Reglant. (In Russ.)
- Gabiani A.A. (1987) Criminological Aspects of Drug Use. (Based on the Georgian SSR). *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law]. No. 7: 64–69. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2010) Youth Prostitution and Changing Attitudes to Marriage. *Monitoring obshchestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4 (98): 216–239. (In Russ.)
- Gilinskiy Ya.I. (2021) *Deviantology: Sociology of Crime, Drug Addiction, Prostitution, Suicide and Other Deviations*. St. Petersburg: Izd-vo Aletyya. (In Russ.)
- Extremeness and Extremism in the Social Practices of Russian Youth.* (2017) Ed. by T.A. Khagurov, M.E. Pozdnyakova. Moscow: Institut sotsiologii FNISTs RAN, Krasnodar: KubGU. (In Russ.)
- For a Healthy Lifestyle: (Combating Social Diseases).* In 2 Volumes. (1991) Ed. by B.M. Levin, M.E. Pozdnyakova. Moscow: Institute of Sociology, USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
- Khagurov T.A. (2007) *Dysfunctions of Socialization Processes and Social Control in the Context of the Expansion of Mass Consumer Culture: Issues of Deviantological Analysis: Doctoral Dissertation in Social Sciences*: 22.00.04. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

- Komlev Yu. Yu. (2007) Sociology of Deviant Behavior: Origins and Stages of Formation in Russia. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology]. No.1: 133–137. (In Russ.)
- Kon I.S. (2010) *Strawberries on the Birch Tree. Sexual Culture in Russia*. 3 ed., revised and expanded. Moscow: Vremya. (In Russ.)
- Kubyakin E.O. (2013) *Youth Extremism in the Context of Globalization of the Information and Communication Environment of Social Life*. Krasnodar: KrU MVD Rossii. (In Russ.)
- Methodological Guide on the Practical Application of the Model for the Mechanism of «Subjective» Socialization in General and for Children in Difficult Life Situations and Socially Dangerous Conditions.* (2015) Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Institut sotsiologii FNIS RAN. (In Russ.)
- Nemtsov A.V. (2003) The Lethal Force of Russian Drunkenness. *Priroda* [Nature]. No.12 (1060): 10–16. (In Russ.)
- Pozdnyakova M.E. (2018) Risky Sexual behavior as a Factor of HIV Infection Spread in Russia. Part 1. *Sotsiologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 6. No. 3: 99–113. (In Russ.)
- Pozdnyakova M.E., Bryuno V.V. (2018) The Societal Risk in the New Tendencies for Increasing Drug Use. *Vestnik Instituta sotsiologii* [The Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 9. No. 1: 115–139. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2016) Not Moonshine Alone: Structure and Factors of Homemade Alcohol Consumption in Modern Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 19. No. 4: 121–141. (In Russ.)
- Razvarina I.N., Barsukov V.N., Smoleva L.O., Fakhradova L.N. (2016) Main Line of Work with Children and Families Living in Hardship and at Social Risk. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development]. No. 3(83): 81–99. (In Russ.)
- Shashkin A.V., Salagaev A.L. (2004) Delinquent Groups in Modern Russia: History of Emergence and Theoretical Approaches to Research. In: *Deviant Behavior: Methodology and Research Methods*. Ed. by M.E. Pozdnyakova. Moscow: Reglant: 138–159. (In Russ.)
- Shipunova T.V. (2004) Synthesizing deviation theories. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12 (248): 103–113. (In Russ.)
- Talanov S.L. (2020) Safe City Program as an Important Area of State Policy in the Fight Against Crime. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya* [Socio-Political Research]. No. 4 (9): 52–77. (In Russ.)
- Youth in the City: Cultures, Scenes, and Solidarities.* (2020) Ed. by E.L. Omel'chenko. Moscow: Izd. dom «Vysshey shkoly ekonomiki». (In Russ.)
- Zabryanskiy G.I. (1979) Study and Prevention of Juvenile Delinquency. Textbook. Krasnodar: Izdatel'stvo Kubanskogo universiteta. (In Russ.)
- Zaigraev G.G. (2002) Features of the Russian model of non-commercial alcohol consumption. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 12: 33–41. (In Russ.)
- Zmanovskaya E.V. (2021) Modern Russian Deviantology: History, Methodology, Social challenges and Current trends. *Rossiyskiy deviantologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Deviant Behavior]. No. 1(1): 12–23. (In Russ.)
- Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2017) Modern sociology of youth: changing reality and theoretical approaches. In: *Reforming Russia: Yearbook*. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Novyy Khronograf: 12–48. (In Russ.)

Received: 29.08.24. Final version: 20.11.24. Accepted: 28.12.24.

О.А. БАШЕВА

ИСТОРИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ И РОССИЙСКОЙ ИНВАЙРОНМЕНТАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

БАШЕВА Ольга Александровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН Москва, Россия (OlgaAUsacheva@yandex.ru).

Аннотация. В статье представлена краткая история развития мировой инвайронментальной социологии и ее становления в России. Описаны ключевые подходы в проблематике: новая экологическая парадигма, экомарксизм, социально-экологический метаболизм, экологическая рефлексивная модернизация, устойчивое и ноосферное развитие и др. Развитие советской и российской экосоциологии отличалось от зарубежной отсутствием междисциплинарных и межстрановых связей между учеными, научной рефлексии, открытой информации о состоянии окружающей среды и т.п. Теоретические наработки отечественных ученых дали возможность развивать те же исследовательские направления внутри дисциплины, что и на Западе: взаимодействие природы и общества, экологическое сознание, экологические движения, политическая экономия, технологические риски. В заключении изложены некоторые перспективы развития отечественной экосоциологии.

Ключевые слова: взаимоотношения «общество – природа» • инвайронметализм • новая экологическая парадигма • ноосферные теории • общество риска • социально-экологический метаболизм • рефлексивная модернизация • устойчивое развитие • экологизм • экологическая модернизация • экологическое движение • экомарксизм

DOI: 10.31857/S0132162525010086

Введение. Длительное время понятие среды рассматривалось учеными как внешнее, природное окружение социальной системы, как условия, которые могут быть сужены/расширены в зависимости от технологий и способов организации в данном обществе [Катерный, 2004]. Но крупные экологические катастрофы, связанные с переэксплуатацией человеком природных ресурсов в XX в., показали силу взаимовлияния общества и природы и изменили представления ученых об их взаимодействиях, а также спровоцировали общественную озабоченность низким уровнем экологической безопасности и публичные обсуждения путей социально-экономического развития, релевантных природных рисков, трансформацию экологической политики. Постепенно концептуализация экологических проблем начала осуществляться на уровне идей, носителями которых стали ученые, и на уровне практики, которую осуществляли активисты и политики.

Идея о том, что природная среда включена в процессы жизнедеятельности общества на всех уровнях, распространилась в научном сообществе, стимулировав экологизацию научного знания. Ее сторонники среди социологов считали, что инвайронментализм меняет природу социологического знания и потому экосоциальное знание должно рассматриваться как магистральное направление развития самой социологии.

Предмет экосоциологии составляют все аспекты социально-экологических взаимодействий; особое внимание уделяется изучению социальных факторов, вызывающих экологические проблемы, социальным последствиям этих проблем и усилиям по их решению. Современный взгляд на ядро экосоциологии состоит в том, что на первый план выдвигается расширенная концепция неравенств и власти, включая не только человека, но экосистемы и животных. Такой взгляд позволяет углубить понимание последствий

неравенства. Например, исследования показывают, что социальное неравенство усиливает экологически опасные практики [Bouse, 2008].

Институционализация экосоциологии началась в 1970-е гг. На VII Международном социологическом конгрессе в Варне было принято решение организовать Исследовательский комитет Международной социологической ассоциации «Социальная экология» (ныне «Окружающая среда и общество»), который с 2015 г. выпускает научный журнал «Environmental Sociology». Исторически сложилась исследовательская повестка, включающая пять тем: взаимодействие природы и общества, экологическое сознание, экологические движения, политическая экономия, технологические риски. В последние десятилетия в сферу анализа включены проблемы, связанные с глобальным изменением окружающей среды, явления антропогенного изменения климата, сокращения биоразнообразия и изменения в землепользовании. В России направления немногочисленных исследований развивались практически в том же русле. В советское время достижения мировой экосоциологии проникали в страну через критику буржуазных работ; исследовательское поле включало те же области [Яницкий, 1998]. В 1998 г. в рамках Российского общества социологов был учрежден исследовательский комитет «Экосоциология». В это время она приобретала официальный статус и на Востоке (Корея, Япония, Китай).

В данной статье мы рассмотрим аналитические подходы, оказавшие влияние на развитие экосоциологии (инвайронментальной социологии) как дисциплины и составляющие ее теоретическое ядро.

Теоретический базис современной инвайронментальной социологии. К сегодняшнему дню выработано несколько направлений теоретических подходов, составляющих ядро дисциплины: новая экологическая парадигма, экомарксистские подходы, экологическая и рефлексивная модернизация, концепция устойчивого развития, а также ноосферного развития. Предложенные инструменты базируются на идее неделимости человеческой и нечеловеческой природы и на оценке роли властных отношений/неравенств в специфике взаимодействий общества и природы. Рассмотрим их подробнее.

Неомальтузианство. Концепция «трагедии общинных ресурсов», предложенная Г. Хардиным в конце 1960-х гг., трансформировала идею об экспоненциальном росте населения, вызывающем голод, в модель индивидуального эгоизма, вызывающего деградацию ресурсов общего пользования, таких как воздух и вода [Hardin, 1968]. Суть ее в том, что в культуре человека нет ограничений, которые препятствовали бы истощению некоего природного ресурса, если этот ресурс находится в коллективном нерегулируемом пользовании. То есть любой член коллектива может использовать его настолько интенсивно, насколько захочет. Трансформации в технологиях природопользования, системе расселения или количестве пользователей резко повышают нагрузку на ресурсы. Возможные пути предотвращения этой проблемы Хардин видел в разделе ресурса между пользователями и нормировании нагрузки на него со строгим соблюдением установленных нормативов ресурсопользования. Противники идеи неминимости «трагедии» накопили множество свидетельств того, что локальные сообщества могут избежать втягивания в нее, разработав специфические методы организации самых разных отраслей природопользования и контроля за масштабами либо экологическими последствиями хозяйственной деятельности. Теперь чаще говорят об «общинных ресурсах» [Dietz, Ostrom, Stern, 2003].

Новая экологическая парадигма. Осознание того, что в основе современных экологических проблем лежит ориентация на доминирование человека над природой, привело в 1970-х гг. Р.Э. Данлэпа и У.Р. Каттона к созданию Новой экологической парадигмы (НЭП) [Catton, Dunlop, 1978]. Различия (старой) антропоцентристской парадигмы человеческой исключительности и НЭП сформулированы следующим образом: 1) в отличие от принципа исключительности человека по отношению к остальным животным, в новой парадигме человек является одним из многих живых существ, включенных в глобальную биофизическую среду; 2) в антропоцентристской парадигме социальные и культурные факторы, включая технологию, являлись главными детерминантами деятельности людей;

НЭП постулирует сложную и не всегда предсказуемую зависимость человека от биофизической среды, поскольку человеческая активность включена в сложные причинно-следственные и обратные связи с природой; 3) ранее предполагалось, что культура кумулятивна, социальный и технологический прогресс может продолжаться бесконечно; теперь люди осознают, что социальный прогресс ограничен экологическими законами, которые не могут быть никем отменены [Лазар, 2008: 187].

НЭП призвала к здоровому балансу между экономической деятельностью человека и потребностями экосистем, ведь традиционно упускается тот факт, что общество не столько эксплуатирует экосистемы, чтобы выжить, сколько старается для своего расцвета перексплуатировать природные ресурсы, что подрывает устойчивость экосистемы и может уничтожить саму природную базу существования человека. Для иллюстрации этого факта Каттон и Данлэп предложили модель трех конкурирующих функций окружающей среды [Dunlap, Catton, 2002]. Во-первых, она действует как склад снабжения; во-вторых, обеспечивает жизненное пространство человеческому обществу; в-третьих, функционирует как поглотитель/хранилище отходов, производимых людьми. С развитием цивилизации эти функции начинают конкурировать между собой. Например, окружающая среда не способна одновременно выполнять функцию среды обитания и хранилища мусора, поскольку использование территории под свалку делает ее непригодной для проживания.

Помимо основы для теоретической рефлексии Р.Э. Данлэп и К.Д. Ван Лир предложили инструментальный анализ экологической озабоченности, которую назвали шкалой НЭП [Dunlap, Van Liere, 1978]. Помимо нее среди множества инструментов исследователи выделяют две широко распространенные: Экологическая шкала (Ecology Scale) и Шкала экологической обеспокоенности (Environmental Concern Scale). Все они оценивают проявления беспокойства: убеждения, установки, намерения и поведение. В России последние два десятилетия мониторингом экологической озабоченности занимаются социологические исследовательские компании (например, ВЦИОМ и ФОМ), а исследованиями экологического поведения чаще занимаются социальные психологи [Сауткина и др., 2022].

Теория «беговой дорожки производства». В 1970-х гг. А. Шнайберг предложил теорию «Беговой дорожки производства». Основная идея ее такова: чем больше создается продуктов или товаров, тем больше ресурсов используется и тем выше воздействие на окружающую среду. Эту концепцию часто относят к неомарксистскому течению. Шнайберг утверждал, что корпорации, государство и труд привержены экономическому росту. Эта «идеология роста» доминировала в XX в. в капиталистических и социалистических обществах [Schnaiberg, 1980]. Поэтому «экономическое развитие» стало рассматриваться как «единственный путь к социальному прогрессу, даже если и неохотно» [Gould et al., 2004: 297].

Данная теория стремится представить объяснение социальных корней расширенного производства посредством анализа социальных институтов, участвующих в создании и распределении общественного излишка. Исследуя движущую силу, которая удерживает систему «беговой дорожки», она фокусируется на том, как те, кто контролирует производственный процесс (корпорации), приводят в движение «беговую дорожку», а также ставит вопросы, как и почему государство и рабочие, являющиеся потребителями и гражданами, подвергающими себя экологическим рискам, продолжают поддерживать движение «беговой дорожки».

Экомарксизм и социальная экология. Ближе к 1980-м гг. для анализа причин экологического кризиса и поиска путей его решения исследователи обращаются к идеям марксизма. Согласно экомарксизму, изменение политической структуры общества позволит создать производство, отвечающее реальным потребностям общества, которое сменит производство ради накопления богатства.

Экомарксизм представляет собой набор теорий, главная идея которых в том, что экологические проблемы вытекают не из одних антропоцентрических установок, но и из систем эксплуатации одних людей другими. В литературе выделяют четыре основные концепции: экологический кризис, отчужденное потребление, устойчивая экономическая

модель, экологический социализм [Li, 2021]. Концепция экологического кризиса акцентирует внимание на постоянной сверхэксплуатации природных ресурсов ради организации более масштабного «перепроизводства» для удовлетворения потребностей «перепотребления». Сторонники второй концепции считают, что в кризисе виновато отчужденное потребление – стремление людей получать товары, чтобы компенсировать свой утомительный, нетворческий и недооплачиваемый труд. В модели экономики устойчивого состояния массовые методы производства предлагается заменить малыми, а концентрацию производства и бюрократию – децентрализацией и демократизацией. Это поможет постепенно преодолеть отчужденное производство и отчужденное потребление. С точки зрения экосоциализма, единственный способ решить экологический кризис состоит в преобразовании капитализма в экологический социализм, а экологического движения – в политическое. Способ производства в экосоциализме будет основан на добровольном труде, развитие и распределение ресурсов – на реальных потребностях людей.

Помимо обозначенных проблем эксплуатации, в 1990-е гг. экомарксисты обратились к метаболическому анализу в учении Маркса. Дж. Фостер, в частности, предложил концепцию метаболического раскола, сделав акцент на разрыве, который капитализм вносит в метаболический процесс между обществом и природой [Foster, 1999]. В России концептуальной реконструкции метаболических идей Маркса посвящен ряд работ П.Н. Кондрашова [Кондрашов, 2023а; 2023б]. Используя методы текстологического анализа, реконструкции и экстраполяции, он показал, что в процессе развертывания трудового метаболизма формируются специфические социально-антропогенные «миры», в каждом из которых люди осуществляют видовые модификации родового праксиса – материальное производство, воспроизводство культуры, социальную и межличностную коммуникацию и др. Каждая из этих форм праксиса представляет собой конкретные разновидности социального метаболизма, в рамках которых осуществляются обмен между человеком и природой (труд, материальное производство), обмен деятельностью между социальными группами в объективных общественных отношениях, обмен эмоциями, знаниями, традициями и т.д. Делается вывод, что социальный метаболизм пронизывает все уровни и структуры социального и индивидуального бытия, связывая их в органическую целостность – социальный универсум. Это радикально отличает экологию Маркса от иных форм экологии, так как представляет собой не учение о взаимодействии общества с природой и не призывы к охране окружающей среды, а составляет общее социально-праксиологическое учение о мире, в котором существуют человек и общество.

Концепция социально-экологического метаболизма. Перезапуск концепции социально-экологического метаболизма в конце 1990-х гг. осуществила М. Фишер-Ковальски, представив ее как эффективную модель анализа устойчивости социума и воздействия экономической деятельности на окружающую среду [Fischer-Kowalski, Hüttler, 1999]. Метаболизм она понимает как переток материалов и энергии между обществом и природой, не отделенных друг от друга. Скорость метаболизма в обществе определяется уровнем использования ресурсов (вещества, энергии) и образования отходов в конкретный период времени. Со временем она резко возросла благодаря техническому прогрессу и росту населения, приведя к деградации окружающей среды и истощению ресурсов. Но, зная потоки материалов и энергии между обществом и природой, можно определить области, в которых возможно сокращение использования ресурсов и сведение к минимуму образование отходов.

Развивая идеи Фишер-Ковальски, О.Н. Яницкий предложил концепцию социобиотехнических систем и их метаболизма [Яницкий, 2013]. Систему «общество – природа» он понимал как форму тотальных взаимодействий, а акцент делал на порождаемые ими риски и опасности. Концепция развивалась в русле теории «мир-системы» с признанием того, что городские системы и их инфраструктуры остаются «узлами» глобальной экономической и социальной динамики и контролируются международными институтами. Но акцент был сделан на характере процессов взаимного воздействия социальных и несоциальных

(биологических, физико-химических и т.п.) факторов современного общества и города, находящихся в разных состояниях: устойчивом, мобилизационном и критическом.

Экологическая модернизация и рефлексивная модернизация. К 1980-м гг. расцвела критика экомарксизма, особенно в странах, пытавшихся объединить защиту окружающей среды с экономическим ростом (Нидерланды, Западная Германия). В качестве альтернативы были предложены концепции модернизации. Подход экомодернизации предлагал оптимистичный взгляд на потенциал общества в поиске решений экологических проблем, наведя фокус на технологические решения и выгоды от экологической эффективности, которые могут быть внедрены при минимальных изменениях в существующих институциональных механизмах.

По мнению экономиста Й. Хубера, индустриальное общество должно совершить переход к новым отношениям между экономикой и экологией, чтобы создать более экологически рациональную организацию производства. В основу такого «экологического переключения» должны лечь три идеи: (1) реструктуризация производства и потребления в соответствии с экологическими целями; (2) придание природе экономической ценности и переход к налогообложению экологически «вредных» факторов, таких как загрязнение и выбросы углекислого газа; (3) интеграция целей экополитики во все другие области политики.

Данная концепция вызвала большой интерес среди отечественных экосоциологов. О.В. Аксенова, проанализировав экомодернизационные процессы на Российском Севере через призму возможности сосуществования традиционного природопользования и современных бизнес-моделей, пришла к выводу об иллюзии сохранения традиционных экономических механизмов при попытке интеграции традиционных сообществ в современную цивилизацию с рыночными механизмами [Аксенова, 2010]. О.Н. Яницкий комплексно рассмотрел перспективы и барьеры российской экомодернизации с акцентом на роль в этом процессе акторов гражданского общества, цель которых – заставить действовать властные структуры и бизнес в соответствии с концепцией экологической модернизации [Яницкий, 2011].

Другое теоретическое направление в этом русле связано с рефлексивной модернизацией. Осознание столкновения человечества с реальной экологической опасностью повлекло за собой необходимость оценки степени этой опасности, а также вероятности техногенных аварий и катастроф в процессе управления технологическими системами. Ч. Перроу предложил интерпретировать уязвимости через призму теории «нормальных аварий», показав, что причинами катастроф могут быть и внешние, и внутренние факторы, обусловленные нормальным взаимодействием человека со сложными системами [Perrow, 2011]. Понятие системной аварии было выведено за рамки технологических систем. Обнаружение оборотных сторон научно-технического прогресса, низкий уровень экологической безопасности и общественного здоровья стали стимулом к изучению общественных рисков. У. Бек определил современное общество как общество непредсказуемого риска, а постоянный пересчет приемлемости риска при оценке действий в обществе назвал рефлексивной модернизацией [Бек, 2000]. Последняя направлена на минимизацию риска через соответствие новейшим экологическим нормам и правилам. Но постоянные усилия по достижению соответствия имеют непредсказуемый результат, только увеличивая риски.

Идея общества риска была адаптирована к российским реалиям О.Н. Яницким. Он предложил концепцию общества всеобщего риска, в качестве предпосылок которого в России после распада СССР выделил: отсутствие риск-рефлексии как постоянного вычисления и анализа социальной и природной цены собственной деятельности; пренебрежение к институционализации риск-рефлексии; стирание границы между социальной нормой и патологией, примирение с риском как неизбежным условием человеческого существования в «переходный» период [Яницкий, 1999: 56]. Спустя 15 лет Яницкий обосновал необходимость преобразования этой концепции в социологию критических состояний общества [Яницкий, 2015].

Эмпирической социологией риска, исследованиями идентификации, оценки риска и адаптации к нему в России занимаются А.В. Мозговая и Е.В. Шлыкова.

Теории устойчивого развития. Широкое практическое применение обрела концепция устойчивости. Именно она в 1970-х гг. сформировала современное понимание социальных, экономических и экологических взаимозависимостей, влияющих на изменение окружающей среды. Ее становление шло в несколько этапов. До 1968 г. происходило осознание глобального характера экологических проблем и негативного влияния антропогенных факторов. С 1972 г., когда был опубликован первый доклад Римскому клубу и прошла Стокгольмская конференция ООН по проблемам окружающей человека среды, итогом которой стало решение о создании Программы ООН по окружающей среде, началось обсуждение глобального характера экологической проблемы. В 1980-е гг. Комиссия ООН по окружающей среде и развитию под руководством Г.Х. Брунтланн приняла теоретические основания концепции. Базовое определение появилось в докладе «Наше общее будущее» (1987): устойчивое развитие является развитием, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. Концепция устойчивого развития предположила сохранность привычной окружающей среды за счет снижения антропогенного воздействия на нее и перехода к зре экономического роста, в основе которого должна лежать политика оптимального использования и расширения базы природных ресурсов. В 1992 г. устойчивое развитие принято в качестве глобальной стратегической повестки. В 2010-х гг. произошел переход от широкой гуманитарной концепции к структурированной стратегии устойчивого развития с четко обозначенными целями, задачами и индикаторами.

В России данная концепция пользуется повышенным вниманием социологов и экономистов. Долгосрочные цели экологически устойчивого развития и его индикаторы, роль экосистемных услуг в стране, особенности перехода к «зеленой» экономике рассматриваются в работах С.Н. Бобылева. Исследователи пользуются инструментарием данной концепции при анализе различных аспектов развития регионов. Так, Ф.Е. Караева и Р.В. Шумахов предложили сравнительную оценку моделей социального развития разных стран и выделили приближенный тип модели для российской социальной сферы [Караева, Шумахов, 2019]. Л.Н. Фоломейкина поставила проблему отсутствия критериев отнесения к экологически чистой продукции технологий по предотвращению загрязнений, связав с ней слабое развитие индустрии экологических товаров и услуг [Фоломейкина, 2014].

Теории ноосферного развития. Стратегии устойчивого развития признаны как переходные, необходимые особенно в развивающихся странах, где многие социальные процессы и экологическая ситуация явно неустойчивы. Россию относят к странам с переходной экономикой, и ее ноосферное развитие видится как следующий этап после этапа устойчивого развития [Кулясов, 2016].

За рубежом ноосферные идеи не получили столь широкого развития, как в России. Они появились в 1920-х гг. на стыке естественных и общественных наук как теоретическая рефлексия нового научного знания о законах природы и общественного развития. Основоположителем теории ноосферогенеза является В.И. Вернадский. Под ноосферой стали понимать сферу разума, разумного взаимодействия общества и природы. Основные предпосылки создания ноосферы Вернадский свел к следующему: человечество стало единым целым; средства связи и обмена преобразовались; открыты новые источники энергии; поднято благосостояние трудящихся; все люди равны; войны исключены из жизни общества. В ноосферном мышлении виделось и решение экологических проблем. Сегодня ученые полагают, что в целях своего сохранения общество должно взять на себя ответственность за развитие биосферы, превращающейся в ноосферу. Это потребует определенной социальной организации и новой, экологической и гуманистической этики [Грачев, 2015; Урсул, 2016].

Тернистый путь развития экосоциологии в России. Возникновение и интенсивный рост экосоциологии на Западе зависели от перемен в западном обществе: роста

значимости глобальных проблем, структурных сдвигов в экономике, энергетического кризиса, развития экологического движения, а также рефлексии западных социологов по поводу теоретических оснований своей дисциплины. Советская и российская инвайронментальная социология не имела подобных предпосылок. Ее формирование характеризовалось отсутствием доступа к информации о состоянии окружающей среды, культивацией представлений о неисчерпаемости ресурсов экономического роста и удовлетворения геополитических амбиций и т.д. [Яницкий, 1996: 496–497].

Тем не менее в начале 1960-х гг. исследования социальных последствий экологических проблем стали формироваться вне институциональных структур советской социологии [Яницкий, 1996; 2005]. Экосоциология формировалась как субдисциплина социологии города и социальной психологии, изучавшей воздействие городской среды на сознание и поведение людей. Обживая стандартизированную среду, люди формировали свое персонализированное пространство, создавали малые группы и территориальные сообщества. Яницкий писал об этом пространстве как о первичной экоструктуре и индивидуальной «социально-экологической нише» [Yanitsky, 1981]. Однако процесс формирования этой ниши шел чрезвычайно медленно. С начала 1980-х гг. горожане стали выдвигать требования своего участия в проектировании и оценке градостроительных решений, разрабатываемых государственными организациями. Фактически это было началом волны гражданских инициатив, которые стали ячейками формирования новых социальных движений. В связи с этим важным направлением социально-экологических исследований стало изучение социальных конфликтов [Халий, 1991] и социально-пространственной дифференциации в городской среде [Трущенко, 1993], а также экологического движения в СССР. Ближе к 1990-м гг. статус направления исследований приобрела социология экологического сознания и экологической озабоченности.

Большое влияние на формирование экосоциологии оказали разработки биологов и экологов, работавших в рамках междисциплинарной и практически ориентированной программы «Экополис». Совместно с местным населением, социологами и администрацией малого города Пущино они работали над концепцией «экологического города» [Agavelov et al., 1985]. Проблемы взаимодействия природы и общества стали обсуждаться и в рамках пограничных с социологией наук: экономики, демографии, географии и др., чему способствовало снятие официального запрета с системного анализа в начале 1980-х гг., вследствие чего в научный оборот была введена идея единства системы «общество – природа» [Моисеев, 1982].

В 2000-е гг. российское общество находилось в стадии трансформации. В этот период экосоциологи увидели множество новых рисков и неопределенностей. И.А. Сосунова предложила концепцию социально-экологической напряженности, определив ее как «наличие в общественном сознании устойчивых и распространенных оценок, связывающих антропогенную экологическую ситуацию с угрозой или фактическим ущемлением важнейших социальных и духовных потребностей конкретной общности» [Сосунова, 2005: 98].

В 1990-е и 2000-е гг. российские исследователи неоднократно пытались развернуть ход дискуссии в социологическом сообществе в сторону экологизации социологии. О.Н. Яницкий настаивал на необходимости развития альтернативной социологии и отказа от «Парадигмы человеческой исключительности». Т.М. Дридзе предложила рассматривать социологию как науку эоантропоцентрическую, считая, что она должна изучать механизмы и социально значимые следствия взаимодействий человека с его природным, культурным и социальным окружением, опосредуемым социальной структурой и инфраструктурой. Предметом анализа должна стать связка «человек – среда – их взаимодействие, основанное на коммуникации» [Дридзе, 1994].

Заключение. За более чем полувековой период существования инвайронментальной социологии в ее рамках сформировался набор аналитических инструментов. Очевидно, на международном уровне она становится магистральным направлением развития социологии как науки, поскольку невозможно не учитывать природные факторы в развитии общества. В конце

1990-х гг. О.Н. Яницкий с сожалением писал, что Россия еще долго не достигнет уровня экологической озабоченности, необходимого для обретения экосоциологией статуса фундаментальной социологической дисциплины. Объединяемая лишь некой проэкологической идеологией, российская экосоциология не имеет развитой теоретико-методологической базы, отражающей специфику сегодняшнего состояния общества, не институционализована и не образует научного сообщества. Накопление эмпирического материала и освоение западной литературы не сопровождалось их адекватной теоретико-методологической рефлексией. Винил в этом он не только российских социологов, но отсутствие коллективной работы над концепцией модернизации переходного общества, без которой инвайронментальная социология не сможет обрести искомого ею статуса [Яницкий, 1998: 513]. В 2010 г. Яницкий указал восемь неотложных мер для ее развития: (1) инвентаризация социально-экологических исследований, подведение итогов проделанного и выявление критических точек отставания в научной, образовательной и пропагандистской сферах по сравнению с мировым уровнем; (2) преодоление комплекса «столичной» науки и поддержка ее развития в регионах; (3) комплексное междисциплинарное изучение средне- и долгосрочных перспектив экомодернизации и их связь с глобальными геополитическими трендами; (4) разработка соответствующего правового и управленческого инструментария для практической реализации результатов обозначенных выше исследований в условиях перехода к информационному обществу; (5) продвижение и пропаганда результатов социально-экологических исследований российских ученых за рубежом; (6) введение социальной экологии в перечень основных научных дисциплин и разработка программ учебных курсов; (7) создание постоянной публичной площадки для обсуждения вопросов экосоциологии и ее развития; (8) создание при Президиуме РАН координационного совета по развитию социально-экологических исследований в стране [Яницкий, 2010].

За прошедшие годы ситуация не изменилась, но некоторые из отмеченных выше мер начали реализовываться. В октябре 2018 г. в РАН был создан Научный совет по глобальным экологическим проблемам, в рамках которого действуют четыре секции, включая секцию «Проблемы экологии человека». Совету поручено проведение научно-технической экспертизы тематических планов и отчетов, выполняемых в рамках Национального проекта «Экология», что в некоторой степени сочетается с проблемой изучения перспектив экомодернизации. При президиуме РАН в 2019 г. создан междисциплинарный Научный совет РАН по проблемам климата Земли. Появились учебники по социальной экологии, хотя в большинстве из них практически нет упоминаний о теоретическом базисе, приведенном в данной статье. В последние годы в российском междисциплинарном исследовательском поле появляется все больше эмпирических работ, посвященных изучению экологического сознания и поведения, экологических поселений, эоактивизма, экологической политики и т.д. Так, адаптируя мировой опыт, маленькими шагами российская экосоциология идет по собственному пути развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенова О.В. Устойчивое развитие российского Севера: пределы экологической модернизации // Вестник Института социологии РАН. 2010. № 1. С. 352–363.
- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Грачев В.А. Учение В.И. Вернадского о ноосфере как основа устойчивого развития // Юг России: экология, развитие. 2015. № 10(3). С. 16–23. DOI: 10.18470/1992-1098-2015-3-16-23.
- Дридзе Т.М. На пороге эоантропоцентрической социологии // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 97–103.
- Катерный И.В. Экологическая перспектива в социологии: за и против // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 2(70). С. 78–86.
- Караева Ф.Е., Шумахов Р.В. Социальный аспект устойчивого развития региона // Экономика и управление в социальных и экономических системах. 2019. № 4. С. 34–41.
- Кондрашов П.Н. Концептуальная реконструкция экологии Карла Маркса: социологический аспект // Социологические исследования. 2023а. № 3. С. 42–52. DOI: 10.31857/S013216250023102-5.
- Кондрашов П.Н. Экология Карла Маркса: тотализация социального метаболизма // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023б. № 1. С. 73–83. DOI: 10.25198/2077-7175-2023-1-73.

- Кулясов И.П. Источники экосоциологии. Серия «Экосоциология». Екатеринбург: «Издательские решения», 2017.
- Лазар М.Г. Экологическая парадигма современной культуры: миф или реальность? // Уч. зап. РГТМУ. 2008. № 8. С. 184–193.
- Моисеев Н.Н. Человек, среда, общество: Проблемы формализованного описания. М.: Наука, 1982.
- Сауткина Е.В., Агисова Ф.Б., Иванова А.А. и др. Проэкологическое поведение в России. Систематический обзор исследований // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 2. С. 172–193. DOI: 10.17759/expsy.2022150213.
- Сосунова И.А. Социально-экологическая напряженность: Методология и методика оценки // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 94–104.
- Трущенко О. Городская сегрегация в пространстве столичного расселения // Российский монитор: архив современной политики. 1993. Вып. 2. С. 114–129.
- Урсул А.Д. Становление устойчивой цивилизации: новые глобальные цели // Философия и общество. 2016. № 1. С. 29–56.
- Фоломейкина Л.Н. Рынок экологических товаров, работ и услуг в регионе // Регионология. 2014. № 1. С. 147–154.
- Халий И.А. Изучение локальных экологических конфликтов: 1989–1991 // Новые движения трудящихся и их организация в СССР в 80–90-х годах / Ред. А.М. Кацва. М., 1991.
- Яницкий О.Н. Экологическая социология // Социология в России / Отв. ред. В.А. Ядов. Москва: На Воробьевых, 1996. С. 541–570.
- Яницкий О.Н. Экологическая социология как риск-рефлексия // Социологические исследования. 1999. № 6. С. 50–60.
- Яницкий О.Н. Экологическая культура России XX века // История и современность. 2005. № 1. С. 136–161.
- Яницкий О.Н. Хромающая экосоциология // Вестник Института социологии. 2010. Т. 1. № 1. С. 230–241.
- Яницкий О.Н. Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. М.: Институт социологии РАН, 2011. 215 с.
- Яницкий О.Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 16–32.
- Яницкий О.Н. Социология критических состояний общества: теоретические и методические проблемы // Социологическая наука и социальная практика, 2015. № 4. С. 5–24.
- Agavelov V., Brudny A., Bozhukova H. et al. Ecolopolis programme. Moscow, 1985.
- Boyce J.K. Is inequality bad for the environment? // Research in Social Problems and Public Policy. 2008. Vol. 15. Pp. 267–288.
- Catton W.R., Dunlap R.E. Environmental Sociology and New Paradigms // The American sociologist. 1978. № 13. Pp. 41–49.
- Dietz T., Ostrom E., Stern P.C. The Struggle to Govern the Commons // Science. 2003. Vol. 302. P. 1907–1912. DOI: 10.1126/science.1091015.
- Dunlap R.E., Catton W.R. Which Function(s) of the Environment Do We Study? A Comparison of Environmental and Natural Resource Sociology // Society & Natural Resources. 2002. Vol. 15(3). Pp. 239–249. DOI: 10.1080/089419202753445070.
- Dunlap R.E., Van Liere K.D. The «New Environmental Paradigm»: A proposed measuring instrument and preliminary results // The Journal of Environmental Education. 1978. Vol. 9(4). P. 10–19.
- Fischer-Kowalski M., Hüttler W. Society's metabolism: the intellectual history of materials flow analysis, part II, 1970–1998 // Journal of Industrial Ecology. 1999. Vol. 2. P. 107–129.
- Foster J.B. Marx's Theory of Metabolic Rift: Classical Foundations for Environmental Sociology // American Journal of Sociology. 1999. Vol. 105 (2). Pp. 366–405. DOI: 10.1086/210315.S2CID53608115.
- Gould K.A., Pellow D.N., Schnaiberg A. Interrogating the Treadmill of Production: Everything You Wanted to Know about the Treadmill but Were Afraid to Ask // Organization & Environment. 2004. Vol. 17(3). P. 296–316. DOI: 10.1177/1086026604268747.
- Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science, New Series. 1968. Vol. 162, No. 3859. Pp. 1243–1248.
- Li Z. Some Thoughts on Ecological Marxism // Open Journal of Social Sciences. 2021. Vol. 9. P. 212–219. DOI: 10.4236/jss.2021.912014.
- Perrow Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011.
- Schnaiberg A. The Environment: From Surplus to Scarcity. New York: Oxford University Press. 1980.
- Yanitsky O. Cities and human ecology // In: Baroyan R. et al., eds. Social Problems of Man's Environment: Where We Live and Work. M.: Progress Publ., 1981. P. 147–164.
- Yanitsky O. Russian environmentalism: Leading figures, facts, opinions. M.: Mezhdunarodnye Otnoshenia, 1993.

A HISTORY AND THEORETICAL ISSUES OF ENVIRONMENTAL SOCIOLOGY IN THE WORLD AND IN RUSSIA

BASHEVA O.A.,

Institute of Sociology FCTAS RAS, Russia

Olga A. BASHEVA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Research Fellow, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (OlgaAUsacheva@yandex.ru).

Abstract. The article offers a brief excursion into the history of the of global environmental sociology and its formation in Russia. The reasons for its emergence as a separate discipline and the key approaches that form its core are described: the New Ecological Paradigm, eco-Marxism, concepts of socio-ecological metabolism, ecological and reflexive modernization, sustainable and noospheric development, etc. It is concluded that conditions for the development of Soviet and then Russian environmental sociology differed significantly from American and European cases by the presence of such barriers as the lacking interdisciplinary and international connections between scholars, scientific reflection, open information on the state of the environment, etc. Nevertheless, theoretical background, developments of domestic scientists, albeit in a truncated form, made it possible to foster the same research areas within the discipline as in the West, namely: interaction of nature and society, environmental consciousness, environmental movements, political economy, technological risks. In conclusion, an analysis of the reasons for the lag of Russian environmental sociology behind global trends and some prospects for its development are offered.

Keywords: ecologism, ecological modernization, ecological movement, eco-Marxism, environmentalism, new ecological paradigm, noospheric theories, risk society, socio-ecological metabolism, society-nature relationships, sustainable development, reflexive modernization

REFERENCES

- Agavelov V., Brudny A., Bozhukova H. et al. (1985) *Ecopolis Programme*. Moscow.
- Aksenova O.V. (2010) Sustainable Development of the Russian North: Limits of Ecological Modernization. *Vestnik instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 1: 352–363. (In Russ.)
- Beck U. (2000) *Risk Society. Towards a Different Modernity*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.)
- Boyce J.K. (2008) Is inequality bad for the environment? *Research in Social Problems and Public Policy*. Vol. 15: 267–288.
- Catton W.R., Dunlop R.E. (1978) Environmental Sociology and New Paradigms. *The American sociologist*. Vol. 13: 41–49.
- Dietz T., Ostrom E., Stern P.C. (2003) The Struggle to Govern the Commons. *Science*. Vol. 302: 1907–1912. DOI: 10.1126/science.1091015.
- Dridze T.M. (1994) On the threshold of eco-anthropocentric sociology. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. Vol. 4: 97–103. (In Russ.)
- Dunlap R.E., Catton W.R. (2002) Which Function(s) of the Environment Do We Study? A Comparison of Environmental and Natural Resource Sociology. *Society & Natural Resources*. Vol. 15(3): 239–249. DOI: 10.1080/089419202753445070.
- Dunlap R.E., Van Liere K.D. (1978) The «New Environmental Paradigm»: A proposed measuring instrument and preliminary results. *The Journal of Environmental Education*. Vol. 9(4): 10–19.
- Fischer-Kowalski M., Hüttler W. (1999) Society's metabolism: the intellectual history of materials flow analysis, part II, 1970–1998. *Journal of Industrial Ecology*. Vol. 2: 107–129.
- Folomeykina L.N. (2014) Market of environmental goods, works and services in the region. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies]. Vol. 1: 147–154. (In Russ.)
- Foster J.B. (1999) Marx's Theory of Metabolic Rift: Classical Foundations for Environmental Sociology. *American Journal of Sociology*. Vol. 105 (2): 366–405. DOI: 10.1086/210315.S2CID53608115.
- Gould K.A., Pellow D.N., Schnaiberg A. (2004) Interrogating the Treadmill of Production: Everything You Wanted to Know about the Treadmill but Were Afraid to Ask. *Organization & Environment*. Vol. 17(3): 296–316. DOI: 10.1177/1086026604268747.
- Grachev V.A. (2015) V.I. Vernadsky's Doctrine on the Noosphere as a Basis for Sustainable Development. *Yug Rossii: ehkologiya, razvitiye* [South of Russia: ecology, development]. Vol. 10(3): 16–23. DOI: 10.18470/1992-1098-2015-3-16-23. (In Russ.)
- Hardin G. (1968) The Tragedy of the Commons. *Science, New Series*. Vol. 162 (3859): 1243–1248.

- Karaeva F.E., Shumakhov R.V. (2019) Social Aspect of Sustainable Development of the Region. *Ekonomika i upravlenie v social'nykh i ehkonomicheskikh sistemakh* [Economics and management in social and economic systems]. Vol. 4: 34–41. (In Russ.)
- Kateryn I.V. (2004) Environmental Perspective in Sociology: Pros and Cons. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. Vol. 2(70): 78–86. (In Russ.)
- Khalil I.A. (1991) Study of Local Environmental Conflicts: 1989–1991. In: *New workers' movements and their organization in the USSR in the 80–90s*. Ed. By A.M. Katsva. Moscow. (In Russ.)
- Kondrashov P.N. (2023a) Conceptual reconstruction of Karl Marx's ecology: sociological aspect. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. Vol. 3: 42–52. DOI: 10.31857/S013216250023102-5. (In Russ.)
- Kondrashov P.N. (2023b) Ecology of Karl Marx: totalization of social metabolism. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intelligence. Innovations. Investments]. 2023b. Vol. 1: 73–83. DOI: 10.25198/2077-7175-2023-1-73. (In Russ.)
- Kulyasov I.P. (2017) *Sources of ecosociology*. Series «Ecosociology». «Publishing Solutions». (In Russ.)
- Lazar M.G. (2008) Ecological paradigm of modern culture: myth or reality? *Uch. zap. RSHU* [Scientific notes of RSHU]. Vol.: 184–193. (In Russ.)
- Li Z. (2021) Some Thoughts on Ecological Marxism. *Open Journal of Social Sciences*. Vol. 9: 212–219. DOI: 10.4236/jss.2021.912014.
- Moiseev N.N. (1982) *Man, environment, society: Problems of formalized description*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Perrow Ch. (2011) *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press.
- Sautkina E.V., Agisova F.B., Ivanova A.A. et al. (2022) Pro-environmental behavior in Russia. A systematic review of research. *Ehksperimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology]. Vol. 15(2): 172–193. DOI: 10.17759/expssy.2022150213. (In Russ.)
- Schnaiberg A. (1980) *The Environment: From Surplus to Scarcity*. New York: Oxford University Press.
- Sosunova I.A. (2005) Social and environmental tension; methodology and assessment techniques. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. Vol. 7: 94–104. (In Russ.)
- Trushchenko O. (1993) Urban segregation in the space of metropolitan settlement. *Rossijskij monitor: arkhiv sovremennoj politiki* [Russian monitor: archive of modern policy]. Vol. 2: 114–129. (In Russ.)
- Ursul A.D. (2016) Formation of a sustainable civilization: new global goals. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society]. Vol. 1: 29–56. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2010) Limping Ecosociology. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 1(1): 230–241. (In Russ.)
- Yanitsky O. (1981) Cities and human ecology. In: Baroyan R. et al., eds. *Social Problems of Man's Environment: Where We Live and Work*. Moscow: Progress Publ.: 147–164.
- Yanitsky O. (1993) *Russian environmentalism: Leading figures, facts, opinions*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya.
- Yanitsky O.N. (1996) *Environmental sociology*. In: *Sociology in Russia*. Ed. by V.A. Yadov. Moscow: Na Vorobyovykh: 541–570. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (1999) Environmental sociology as risk reflection. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. Vol. 6: 50–60. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2005) Ecological Culture of Russia in the 20th Century. *Istoriya i sovremennost'* [History and Modernity]. Vol. 1: 136–161. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2011) *Ecomodernization of Russia: Theory, Practice, Prospect*. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2013) Metabolic Concept of the Modern City. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 3: 16–32. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2015) Sociology of Critical States of Society: Theoretical and Methodological Problems. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 4: 5–24. (In Russ.)

Received: 29.09.24. Final version: 05.11.24. Accepted: 27.12.24.

Социальная политика. Социальная структура

© 2025 г.

Д.В. ТРУБИЦЫН

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

ТРУБИЦЫН Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Забайкальского государственного университета, Чита, Россия (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Аннотация. Анализ работ отечественных социологов по проблеме российской идентичности выявил концептуальные основы и тенденции в динамике построения исследований. Это преобладание холистического подхода к научному анализу и вертикальной (сверху вниз) стратегии ее формирования. Проблемам личности в процессе самоидентификации к макрогруппе (стране, государству) посвящено незначительное и убывающее количество работ. Обнаружены противоречия между утверждениями о положительной динамике общероссийской идентичности и данными о росте тревожности, недоверия, несоответствия поведения заявленным ценностям. Их анализ в аспекте проблемы социальной устойчивости позволил сделать выводы относительно перспектив данного типа идентичности для сохранения целостности страны. Консолидация и укрепление единства таким способом могут быть достигнуты только в краткосрочной перспективе, в отдаленной это репродуцирует неустойчивый тип, предполагающий внешнее и формальное признание государства «своим». Принуждение и подавление субъективного начала делают данную стратегию бесперспективной в современном мире, формируют взрывную «контридентичность», готовую отменить себя. Проблемна и содержательная привязка национальной идентичности к государству, создающая опасность распада в случае политического кризиса.

Ключевые слова: идентичность • самоидентификация • солидарность • консолидация • социальная устойчивость.

DOI: 10.31857/50132162525010093

Постановка проблемы и методологические пояснения. Представление субъектов о самих себе является важным фактором долговременной динамики социальных систем, а тема идентичности актуальна для многонациональной страны, пережившей в последнее столетие не один социальный катаклизм исторического масштаба. Нас интересует ее российский социологический кластер в аспекте соотношения локальной (территориальной, религиозной, этнической) и общенациональной идентичностей и состояние последней в целом. По мнению большинства социологов, общероссийская идентичность в последние два десятилетия показывала положительную динамику. Однако параллельно

шли процессы, вызывающие серьезную озабоченность. Вырисовывался сценарий роста национального самосознания через демаркацию с внешним миром с одновременным нарастанием противоречий внутри общества. Происходящее настойчиво говорило о «повторении истории», что актуализировало проблему циклов российской динамики, ее «возвратных механизмов» (О.Э. Бессонова, С.Г. Кирдина-Чэндлер, В.В. Лапкин, В.И. Пантин, Н.С. Розов и др.). Это слабо затронуло социологические исследования идентичности: анализ исторической динамики здесь свелся к констатации перехода от «дезинтеграции» 1990-х гг. к «консолидации» 2000-х [Гражданская, этническая..., 2013; Дробижева, 2021] без попыток установления повторения причинно-следственных связей. Лишь единицы пытались связать проблематику идентичности с особенностями российской истории, но либо за пределами социологии (А.Л. Янов), либо на основе концептов «контрмодернизации» и «возвратного тоталитаризма» (Л.Д. Гудков), что стремящимися к «деидеологизации» социологами воспринималось неохотно. Цель данной работы состоит в разработке общего взгляда на динамику российской идентичности в постсоветский период. Задачи: 1) выявление тенденций и противоречий в исследованиях проблемы общенациональной идентичности в отечественной социологии в связи с происходящими процессами; 2) их анализ и обобщение ввиду выдвигаемой социологами задачи сохранения целостности страны.

В качестве непосредственного объекта выступили работы российских социологов по данной и связанным с ней проблемам – межнациональных отношений, доверия и уважения, солидарности и патриотизма, образа будущего, отношения к власти.

Выход за пределы дискурса идентичности требует обоснований.

1. Необходима корреляция данных между различными, но сопрягающимися проблемными полями, каковыми являются, например, идентичность и регионоведение, идентичность и ценности. Экспертиза исследований идентичности не может базироваться только на них самих – любая научная школа в таких условиях приобретет черты эзотерической, недоступной критике извне и удаляющейся от истины. Рост специализации социологии приветствуется, но требует компенсации синтезом.

2. Если настаивать на рассмотрении проблемы исключительно узко, бессмысленно говорить об обществе как системе, а исследования идентичности, доверия, уважения и прочего превратятся в изолированные ниши, не связанные с задачами социологии. Даже при понимании сложности общества исследования его проблем в совокупности должны давать более или менее непротиворечивую картину.

3. Помещение проблемы в широкий контекст требует обозначенный предмет. Такое исследование должно быть не только классически социологическим (сбор фактов и их непосредственная интерпретация), но и номотетическим, предполагающим наличие закономерностей. А поскольку в задачи исследования входит оценка теоретико-методологических оснований, не миновать и метатеоретический (философский) уровень их анализа. Однако рассмотрение результатов исследований идентичности в широком контексте чревато негативными последствиями – расширение предмета всегда ведет к потере точности и строгости теоретических построений. В такой работе придется сопоставлять данные, полученные при помощи разных методик, которые узкому специалисту могут казаться несовместимыми, а их обобщения – слишком смелыми. Однако это неизбежная проблема любого синтеза, и можно лишь минимизировать потери опорой на социологические же данные.

Тенденции и концептуальные основы исследований идентичности. Первый вывод из анализа литературы – преобладание установки на сохранение и упрочение целого [Гражданская, этническая..., 2013: 27]. Количество работ, апеллирующих к потребностям субъектов идентичности (личности, этнических, региональных, конфессиональных групп), было небольшим изначально и снижалось. Количество работ, актуализировавших целостность макроструктуры (страна, государство), росло. Социология идентичности, призванная рассматривать данный феномен нейтрально, превращалась в социологию

консолидации. Консолидация и поиск «интегрирующей» идентичности как цель не подвергались сомнению [Арутюнян, Дробижева, 2014: 109; Дробижева, 2017: 27; 2020: 38, 47; Левашов, 2018: 167], ими определялись задачи исследований. Вместе с мобилизацией это наиболее часто используемые концепты, и даже мягкие варианты – *солидарность, согласие* – служили «консолидации» [Дробижева, 2015; Дронов, 2016; Межнациональное согласие, 2016: 7, 46, 188]. Хотя ученые писали о гуманизации межэтнических отношений и сохранении этнокультурного многообразия как о целях национальной политики и своих исследованиях, поиск баланса между социальным целым и интересами субъекта ставил во главу угла целое [Дробижева, 2017: 26, 29; 2020: 38, 47].

Несколько отличались исследования религиозной идентичности. Ученые связывали ее с «экзистенциальной потребностью в определении мира и себя с целью обретения смысла жизни и субъективной целостности». Однако социоцентрический холизм проявился и здесь: «только в обращении к религии общество может найти силу для духовного возрождения страны» [Рыжова, 2016: 119].

В идейном плане у истоков этой тенденции стоят соответствующие концепции, в частности идея «нации-государства» [Тишков, 1996], утверждающая существование российской политической нации, но не отрицающая наличие других народов страны. Как показывают цитирования, с конца 90-х гг. она остается концептуальной основой изучения российской идентичности.

В арсенале исследования идентичности есть разные подходы, среди которых эгоцентрический – один из возможных. Реализация большинством ученых социоцентрического подхода объяснима предметом социологии: даже изучая субъекта, личность, эта наука изучает их как *социальных* акторов. Здесь речь о другом: о цели и ценности самого существования исследуемого объекта. Мы квалифицируем это как *гносеологический холизм*, лишение субъекта собственной экзистенции, когда априорно закладываемая учеными цель его существования определяется не им самим, а общим, целым.

Так же выстраивалась социология регионов. В исследовании этнического аспекта их депопуляции отрицательным виделось «снижение геополитического статуса государства» [Рыбаковский, 2015: 18], не уход с исторической сцены уникальных культур. А депопуляция, например, ДФО опасна тем, что это регионы, ответственные за охрану границ [Симонян, 2023: 137]. В какие бы гуманистические формулировки ни облекалась актуальность «приграничного регионоведения», рассматривается регион как то, что служит целому: согласно «функциональному подходу», регионы должны «защищать безопасность государства и обеспечивать взаимодействие с соседними государствами» [Симонян, 2019: 64, 69]. В поле нашего внимания попал и Крайний Север, который репрезентируется как «арктический нефтегазовый регион» [Белоножко и др., 2018: 117], – функция поставщика ресурса вплетена в его внешнюю идентификацию уже при актуализации исследования. Объекту исследования на теоретико-методологическом уровне предписано «служение», лишаящее его онтологической субъектности.

Целое, однако, может структурироваться по-разному. И проблема не только в холизме, но и в способе его организации. Анализ выявил второе обстоятельство – *вертикальное структурирование* целостности и вертикальную концепцию ее изучения. К «укреплению целостности» прилагается наиболее ожидаемый подход – синтез конструктивизма и инструментализма, подтверждаемый и прямыми заявлениями [Гражданская, этническая..., 2013: 27], и количеством ссылок на труды Б. Андерсона, Ф. Барта, Р. Брубейкера. Субъектом конструирования почти безоговорочно объявлено государство – в большинстве работ типология российской идентичности как «государственно-гражданской» является и констатацией факта, и положительной его оценкой. Об этом же говорят документы, и главный из них – Стратегия государственной национальной политики. То обстоятельство, что первой среди целей в ней обозначено «упрочение общероссийского

гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа»¹, было главным для ученых, с ним связывалась научная актуальность проблемы, подтверждаемая объемом грантовой поддержки [Дробижина, 2017: 26]. И хотя социологи писали, что рост общероссийской идентичности – заслуга не только власти, что это – идущий «снизу» процесс [Андреев, 2014: 150; Дробижина, 2020: 48], активность государства в этом направлении они приветствовали [Дробижина, 2020: 48; 2021: 55].

Вопрос, формировалась ли российская идентичность преимущественно государством, или в большей степени это был восходящий процесс, проблематичен. Социология пока не располагает средствами выявления реального соотношения этих факторов, поэтому остается довольствоваться оценочными суждениями. Мы лишь констатируем активные усилия государства, о чем, помимо Стратегии, говорит масса программ и мероприятий². В постановлении правительства от 29 декабря 2016 г. значилась «угрожающая государственной целостности гиперболизация региональных интересов»³, что стало логическим итогом данной тенденции.

Сказанное касается и содержания формируемой государством идентичности. Сколько бы специалисты ни заверяли, что общероссийская идентичность «не ориентирована на замену этнической, региональной идентичности», что она «не над ними, не после них, а вместе с ними» [Гражданская, этническая..., 2013: 74], ее структурой оставалась иерархия. Эти заверения играли ту же роль, что и вторая часть фразы В.В. Путина: «Правильная формула такова: сначала россиянин, а потом уже представитель этноса, без всякого *при*нижения значения культурной самобытности» (цит. по: [Арутюнян, Дробижина, 2014: 110]). По словам В.А. Тишкова, самое важное – чтобы большинство граждан на вопрос «Кто мы?» отвечало: «Прежде всего я россиянин» (цит. по: [Дробижина, 2015: 89]), а в задачах нациестроительства речь шла о «снижении градуса» значимости этничности [Дробижина, 2015: 89]. Ключевые слова здесь – *сначала и потом, прежде всего, снижение градуса*, указывающие на субординацию. «Если базовая основа идентификации сформирована, то новые идентификации ее дополняют; если ее нет, они формируются как система аморфных определений» [Андреев, 2014: 146]. Очевидна предубежденность: возможна только иерархически структурированная целостность, альтернатива ей – хаос. При этом говорится об «актуальной проблеме гармонизации и совмещения различных идентичностей с общегражданской», но упомянутая «базовая основа» и ее «дополнение» автоматически превращают гармонию в субординацию.

Третье обстоятельство – *оптимизм*. Вне зависимости от методик общая черта отечественных исследований российской идентичности в обозначенный период – констатация роста [Дробижина, 2017: 27; Тишков, 2013; 2021]. К 2018 г. доля россиян с российской идентичностью достигла 84% (с 65% в 2005 г.), а в ноябре 2019 г. составила 91% [Дробижина, 2020: 43–44]. Озвучивая «государственно-гражданскую идентичность» как свершившуюся реальность, ученые трактовали ее как совмещение «лояльности государству и чувства общности с гражданами, ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих». Писали «о *восстановлении* российской идентичности», доказывая, что она

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 25.09.2024).

² Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России». URL: <https://docs.cntd.ru/document/499040473>; «Моя Россия – единство народов». URL: <https://песчурскийцентр-анр.рф/russian-federation/project/moya-rossiya-edinstvo-narodov-organizaciya-deyatelnosti-seti-resursnyh>; «Мы – граждане России». URL: <https://ogoa.ru/projects/project/1960/>; «Нити идентичности». URL: <https://ogoa.ru/projects/project/1961/>; «Народов много – Родина одна». URL: <https://ogoa.ru/projects/project/54/> (дата обращения: 20.09.24).

³ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420388022#6520IM> (дата обращения: 20.09.24).

стала преобладающей, *потеснив остальные*, а по силе связи со страной россияне близки с гражданами западных стран [Гражданская, этническая..., 2013: 41].

Разумеется, упоминали проблемы: «не только позитивные, но и негативные основания», идеологическое давление и др. [там же: 44; Дробижина, 2020: 44]. Выглядело это как отдельные недостатки, в целом оценка пройденному пути давалась положительная. «Начало XXI в. стало временем активного нациестроительства, проявившегося в ряде властных инициатив и повлекшего за собой реальные изменения в массовом сознании россиян» [Арутюнян, Дробижина, 2014: 109]. Ученые демонстрировали и приветствовали сдвиг «в сторону государственничества, патриотизма и почвенничества, укрепление традиционных ценностей» [Левашов, 2018: 169]. На этом основании делались исторические обобщения. «На фоне США и Европы Россия представляет собой сравнительно успешный пример построения мультикультурной цивилизации», а двукратное в XX в. крушение государства по национальным границам трактовалось как положительный опыт: «Сегодня власти располагают богатым опытом трансформаций прошедшего столетия, перед ними открывается счастливая возможность придать России направление, основывающееся на ее цивилизационных архетипах» [Дронов, 2016: 159–160].

Таким образом, холизм, иерархия и этатистский конструктивизм обнаруживаются и в средствах формирования российской идентичности, и в ее структуре. Характерно это и для социальной действительности, и для ее научной рефлексии. При этом следование курсу осуществлялось, невзирая на критику указанной Стратегии, которая, по сравнению с Концепцией 1996 г., обозначила поворот «от понимания нации как этнокультурного феномена к нации как исключительно нации-государству» [Попков, 2015]. Целью политики стали не этносы и нация как таковые, а государство. И хотя акцент в документе делался на сохранении и развитии многообразия при консолидации народов в составе российской нации, реальный механизм выполнения этой задачи не прописывался. Однако критика эта не породила заметной теоретической рефлексии, что на фоне позитивных оценок «нациестроительства» вызывает вопросы.

Феноменология противоречий. Обратимся к фактам, указывающим на проблемы избранного пути формирования и изучения российской идентичности. Источниками здесь стали отчасти те же работы, отчасти – смежные проблемные области. Это важно: избранная стратегия формирования национальной идентичности и сопровождающая ее концепция содержат логические нестыковки и слабо вписываются в отрефлексированную социологами российскую действительность.

Прежде всего, это работы, указывающие на уровень напряжения и раскол в обществе, наиболее явно обозначившиеся в области экономического неравенства [Козырев, 2017: 70, 76; Левашов, 2018: 167]. Цифры показывали огромный разрыв с западными странами, которым официальная идеология – важнейший механизм «государственно-гражданской идентичности» – противопоставляла Россию как «социальное государство». Итог: 23% граждан считают устройство российского общества справедливым, несправедливым – 61% [Козырев, 2017: 71; 2018: 54]. Особенно важен факт *регионального* неравенства и его демографических последствий. Показательна ситуация в ДФО: Забайкальский край в рейтинге российских регионов по доходам населения в 2021 г. занимал 62-е место, Амурская область – 28-е, Приморский край – 25-е⁴. И если в 90-е гг. это было понятно, то нарастание разрыва с 4-кратного в 1990-х гг. до 15–20-кратного к 2017 г. [Козырев, 2017: 73] объяснить труднее. Итог: за 11 экономически благополучных для страны лет – с 2001 по 2011 г. – миграционная убыль населения в Забайкальском крае колебалась от 2,6 до 9,2 тыс. чел и в среднем составила 5,7 тыс. ежегодно⁵. Сходной была динамика

⁴ РИА Рейтинг. Россия сегодня. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210706/630203876.html> (дата обращения: 25.10.24).

⁵ Забайкалкрайстат: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю. Население. URL: <https://75.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 26.10.24).

в Хабаровском крае и Приморье⁶. Не вписываются в оценки идентичности установки на эмиграцию (среди молодежи 53,6% – в Чите, 60,4% – в Благовещенске, 62,6% – в Хабаровске, 63,8% – во Владивостоке [Симонян, 2023: 140]) и общие масштабы эмиграции⁷.

Важны показатели *социальное самочувствие* и *образ будущего*. Здесь фиксировались неуверенность в возможности улучшения жизни, рост разочарования, сокращение горизонта планирования [Волков, 2022: 20; Козырева, Смирнов, 2022: 38]. Заметим, насколько это идет вразрез с выводами оптимистов, которые сами по себе весьма противоречивы. С одной стороны, отмечалась высокая и растущая тревожность: в 2021 г. ситуацию в России оценивали как кризисную/катастрофическую 62%, в 2022 – 86%. С другой – с удовлетворением подчеркивался рост доли одобряющих путь, по которому идет страна (55% – в 2021 г., 71% – в 2022 г.) [Андреев и др., 2022]. Даже при учете различий в методиках получения данных конечные выводы настораживают.

Еще один показатель – уровень доверия. При удовлетворительном состоянии макроидентичности разрыв между доверием ближнему и дальнему кругу должен быть невелик. Социологи, хотя и отмечали с начала 2000-х гг. его сокращение в России, все же констатировали низкий уровень второго [Кученкова, 2016]. Межстрановое сравнение в 2013 г. показало в России «средний уровень» (55,4%), но существенное отставание его от стран «высокого уровня» – Японии (79,9%), США (78,8), Германии (75,8%), Тайваня (70,0%) [Сасаки, 2013: 65]. Международные исследования фиксировали снижение и без того низкого (последняя позиция среди 27 стран) индекса доверия в России: 2019 – 29%, 2020 – 30%, 2021 – 31%⁸. Особенно большая проблема – институциональное доверие; вразрез с оптимистическими выводами идет уровень уважения [Зарубина, 2014: 16].

Неоднозначны результаты исследований российской идентичности религиозных групп. С одной стороны, ее уровень среди православных и мусульман в целом одинаков – 91 и 92% соответственно. С другой стороны, по сравнению с православными, мусульмане более открыты к межэтническим взаимодействиям [Рыжова, 2020: 51, 54–55]. Показательны 73% православных, выступивших за поддержку государством в первую очередь культуры и религии большинства населения. Противоречиво отношение к этому социологов. Одни утверждали, что «интеграционной стратегии» требуется «отказ от доминирования», и беспокоились по поводу снижения числа считающих, что «все народы в стране должны быть равны», с 65% в 1995 г. до 45% в 2017 г. [Гражданская, этническая..., 2013: 26, 32], другие приветствовали признание «исторической роли русского народа в становлении России как ведущей мировой державы» [Левашов, 2018: 169].

Узел острых противоречий обнаружился в отношении к власти, что непосредственно касается российской идентичности – «общности по государству» [Дробизева, 2017: 27; Тишков, 2013: 66, 105]. С одной стороны, большинство склонно поддерживать нынешнюю власть и не хотело бы менять ее на другую [Андреев, Андреев, 2021: 82]. С другой – 75% россиян считают, что власти нет никакого дела до простых людей, а одним из препятствий общенациональной самоидентификации называли отрицательное отношение большинства респондентов к власти [Левашов, 2018: 167; Головашина, 2015: 64]. И ассоциативный и классические методы выявляли негативные характеристики власти [Головашина, 2015: 67; Козырев, 2017: 71; 2018: 54], в число самых неуважаемых профессий вошли политики (36%), чиновники (28%), полицейские, судьи, работники прокуратуры (29/17/16%) [Зарубина, 2014: 17].

⁶ Приморскстат: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. Население. URL: <https://25.rosstat.gov.ru/folder/27118>; Хабаровскстат: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. Население. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028> (дата обращения: 26.10.24).

⁷ В 2019 г. из России выбыло 416 131, в 2020 – 487 672 чел [Россия в цифрах, 2021: 45–46].

⁸ Edelman Trust Barometer 2021. Global Report. URL: <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-01/2021-edelman-trust-barometer.pdf> (дата обращения: 01.10.24).

Важна тема патриотизма: его уровень указывает на степень эмоциональной привязанности субъекта к объекту идентичности. На первый взгляд, в его наличии сомневаться не приходится: патриотические чувства разделяют 80% россиян [Козырев, 2018: 56]. Но реальное отношение установить сложно, как и отличить номинальную идентичность от актуальной. Прежде всего – источник патриотического чувства. Социология фиксировала зависимость тренда от активности пропаганды, не от политических событий, четко говорила о манипуляции [Козырев, 2018: 57]. Обнаруживалась тенденция к слабому различению патриотизма и национализма, преобладанию бессодержательно-милитаристского «слепого» патриотизма [Головашина, 2015; Козырев, 2018; Межнациональное согласие, 2016; Санина, 2016; Сикевич, Федорова, 2021]. Большая часть респондентов чувствуют себя гражданами России только по формальному поводу [Сикевич, Федорова, 2021: 143]. Содержание патриотизма говорит об отсутствии гармонии локальной и общенациональной идентичностей: «россияне не идентифицируют себя с местным сообществом, не интересуются местными событиями» [Санина, 2016: 45–48].

Маркером и содержанием идентичности являются ценности. Главное, что указывает на ее реальность, – разделяет ли индивид ценности группы, являются ли они его *личными* ценностями. «Согласие» верно трактуется как солидаризация вокруг общих ценностей [Дробижева, 2017: 28]. Но и здесь есть противоречия эмпирического, методологического, теоретического уровней.

Например, большая часть опросов показывает, что «среди преобладающих ценностей находится семья» [Левашов, 2018: 168; Халий, 2017: 69], хотя в 2020–2021 гг. страна занимала третье место в мире по количеству разводов на тысячу человек⁹. По количеству неполных семей Россия также находится не в группе стран «традиционных ценностей»¹⁰, как должно быть при совпадении реальности с данными соцопросов. На фоне почти двукратного увеличения доли неполных семей (с 21% в 2002 г. до 38,5% в 2021 г.) [Селиванова, Коробкова, 2024: 149] социологи заявляют: «семья и дети в России остаются бесспорной и приоритетной целью в жизни» [Левашов, 2018: 168; Столицы и регионы, 2018].

Полагаем, что ценности как предельные обоснования человеческих поступков и регулятивы социального поведения не сводятся к представлениям людей «о хорошей, счастливой жизни» [Дробижева, 2017: 30] и их не обнаружить соцопросами – выявлением субъективной стороны феномена. Отсутствие анализа самой реальности порождает противоречивые оценки: «уровень поддержки цивилизационной самобытности России говорит о высоком консолидационном потенциале этого ценностного ориентира» [Кузнецов, 2021: 101]; «современное российское сообщество никак нельзя назвать базирующимся на традиционных ценностях» [Межнациональное согласие..., 2016: 173]; «отсутствует и стратегия развития, и ценностные ориентации, объясняющие эту стратегию» [Козырев, 2018: 54].

Это касается и религиозной идентичности. Социолог спрашивает, совпадает ли она с религиозностью [Рыжова, 2016: 119], что означает вопрос, насколько реальна идентичность и возможно ли ее достоверное изучение. Остается ли идентичность актом сознания, не имеющим никакого материального проявления, кроме маркера? Расхождение между заявленным респондентами и реальностью (уверены, что бог существует, 42% считающих себя православными, 8% из них читали Евангелие [там же: 120, 124]) – важнейшая проблема, в центре которой вопрос: что *именно* отвечает за принадлежность индивида к группе? Мы полагаем, что социолога в первую очередь должна интересовать не маркировка идентичности, а соответствие поведения нормам избранной группы. Однако ответ

⁹ Divorce Rates by Country 2024 / World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/divorce-rates-by-country> (дата обращения: 20.04.24).

¹⁰ К странам с минимальным количеством детей, живущих с одним родителем (менее 3%), относятся Афганистан, Китай, Турция, Ирак. Страны с показателем от 3 до 6,8% – Индия, Пакистан, Иран, Казахстан, Египет. Максимальный показатель – более 15% – в США, Великобритании, Франции, Швеции, России (18%).

иной: «религиозной самоидентификации достаточно, чтобы считать человека обладающим той или иной формой религиозного сознания» [там же: 119].

Это заводит в тупик. Идентичность здесь ни на что не влияет, а религия не выполняет никаких социальных функций, помимо дифференцирующей. Значит, изучение идентичности становится бессмысленным – ведь социологи актуализируют свои работы установкой на то, что *дела* людей соответствуют их *словам*: «общероссийская идентичность содержит не только когнитивные, но и регулятивные компоненты» [Межнациональное согласие..., 2016: 8], а «ценности религиозной идентичности оказывают воздействие на поведение человека» [Рыжова, 2016: 120]. Где же связь между ценностями и поведением? Помог ли рост религиозной идентичности в борьбе с коррупцией так же, как ценности семьи и детей (при их наличии) должны были снизить количество разводов и увеличить рождаемость? Как и любой социальный феномен, идентичность имеет объективную и субъективную стороны. И метод должен иметь дело не только с первым (опросы), но и со вторым (статистика). Если нет связи между идентичностью и поведением, социология идентичности сужается до науки об общественном сознании так же, как она сужена до науки о консолидации.

Итак, в основе социологических исследований общероссийской идентичности лежит наделение ее функцией обеспечения единства страны. Однако именно это не соответствует действительности. Не сомневаясь в корректности данных о росте российской идентичности с 2000-х гг., оспорим их теоретическую интерпретацию. Если бы в первой половине 1980-х гг. и даже в начале перестройки в СССР было проведено подобное исследование, оно показало бы такие же и даже лучшие с точки зрения «сплоченности» результаты. Даже в 1989 г. – в разгар общественной критики советского государства – на вопрос, считаете ли вы себя в первую очередь гражданином СССР или гражданином республики, 56% опрошенных из всех республик и 63% русских в России выбрали СССР [Советский простой..., 1993: 22]. Но через несколько лет Советский Союз распался по границам национальных республик. На наш взгляд, данный тип идентичности не выполняет возложенную на него интегративную функцию в силу: 1) ее формирования «сверху вниз»; 2) этатистского характера.

Проблема субординированной идентичности. Приоритет выживания целого объясним для многонациональной страны в стадии трансформации, но результатом стало вытеснение сложности простотой иерархии, растворяющей субъекта в различных должностованиях (личности и этносы должны консолидироваться, приграничные регионы должны защищать, нефтедобывающие – добывать). Полагаем, что спущенные сверху иерархии – не решение либо решение в рамках социологии, суженной до науки о консолидации общественного сознания и потому дающей противоречивые оценки реальности. Устойчивость сегодня зависит не от того, насколько люди «сплотились» вокруг чего бы то ни было, а от степени удовлетворенности личностей и групп в сложноорганизованном социуме. Не только эволюционная теория указывает на корреляцию выживаемости и сложности организации систем, а вся историческая динамика, демонстрирующая рост дифференцированности сообществ и одновременно их устойчивости по отношению к вызовам. Иерархия же означает упрощение и порождает одно из главных противоречий – между сложностью современного общества и способом формирования и структурой идентичности. Искомая «гармония» национальных отношений состоит в диалектическом взаимодействии: общее должно утверждаться *через частное*, не вытеснять его. Согласие с ближним кругом осуществляется при согласии с внешним кругом, оба обуславливают друг друга. Это *органичная* идентичность, идентичность «снизу»: «мы счастливы и успешны здесь, значит, счастлива и успешна вся страна».

Выстроить так национальное самосознание в иерархически организованном социуме невозможно, поскольку практика столкнется с противоречиями, которые разрешит только современная судебно-правовая система, когда каждое столкновение этнических/религиозных установок и правовых норм рассматривается *конкретно*. Примеры таких коллизий на Западе многочисленны – от «обезьяньего процесса» в Дейтоне до судебных

тяжб по поводу ЭКО, суррогатного материнства, абортов, эвтаназии и т.п. Эти и другие современные практики, противоречащие традиционным маркерам идентичности, рассматриваются в бесконечной череде процессов в условиях независимой судебной системы и свободных СМИ. Поскольку единого ответа на все вопросы не существует, этот путь и есть единственное решение проблемы в современном обществе.

Возникает более глубокая проблема, которую может решить только сложная, не вертикально структурированная система отношений. В многонациональной стране иерархическая модель идентичности, при которой государственное подчиняет себе этно- или религиозное, представляется очевидной: «на политический статус может претендовать лишь гражданская идентичность, этническая нуждается в отнесении к культурному, языковому» [Нысанбаев, 2014: 152]. Но сама по себе эта формула проблему не решает. Соотношение понятий «культура» и «общество» неслучайно сложнейшая теоретическая проблема гуманитарного знания, поскольку при наиболее широкой трактовке понятия «культура» они совпадают и становится ясно, что вытеснить этническое в «сферу культуры» невозможно – любое общество дано в форме той или иной культуры. При узкой трактовке (культура как духовная жизнь общества – религия, мораль, искусство) это сделать тоже затруднительно, так как ценности оформляются и транслируются в культуре. И стратегия государственно-гражданской идентичности при декларируемом «уважении» и намерении «сохранить» разнообразие в итоге будет вытеснять этническое не просто в культуру, и даже не в духовную, а в мемориальную. Что и происходило в СССР и происходит сейчас. Этническую культуру можно увидеть/услышать только в выступлении национального ансамбля и при осуществлении церемоний, форма которых должна подчеркнуть наличие этой культуры, уважение к ней, не более того. В актуальной культуре, в реальных практиках общество остается надэтническим; и то, что в доктрине «государственного нациестроительства» является важным лозунгом (сохранение разнообразия), через какое-то время превратится в ритуал («хлеб-соль» по приезду начальника, «выкуп невесты» на свадьбе). И к культурному разнообразию отношение будет таким же, как к этим ритуалам.

Но как только этнос или конфессия попытаются проявить себя вне мемориальной культуры, возникнут проблемы. Сохранение традиционного хозяйства оказывается чрезмерно дорогим (жители ЯМАО для России, североамериканские индейцы для США), распространение религиозных принципов на законы (шариат) приведет к конфликту. Можно сузить рассуждения до идентичности, не беря во внимание все культурные формы, но для традиционных народов эти формы остаются маркерами идентичности (в культурологии маркером идентичности является все – от одежды до рода занятий). И даже для вполне осовремененной, но сохранившей идентичность общности практические проблемы не исчезают. Поскольку культура остается исключительным хранилищем и транслятором ценностей, рано или поздно они столкнутся в противоречиях. Государству придется либо обеспечить диалог, либо применить насилие.

Структура важна и как фактор динамики. Хотя ученые не раз отмечали, что идентичность не бывает «достигнутой», что ее нельзя ни «утратить» ни «возродить» (Л. Малкки, С. Холл, В.А. Ядов, Е.Н. Данилова, А.Г. Санина), одержавшая верх доктрина поставила задачу ее «восстановления». Однако макроидентичность нестабильна, и это – норма современного общества. Заметно повышается она либо в условиях острых внешнеполитических кризисов, когда большинство видит угрозу своему существованию, либо в результате нагнетания патриотической истерии. Во втором случае объяснимы вышеуказанные противоречия. При этом подвижность – не препятствие, а условие устойчивости макросистемы. Современное общество, пусть в форме «вестфальского государства», мобильно. Подобно велосипедисту, оно стабильно благодаря динамике – работающим социальным лифтам и смене элит, развитию личности, изменению ее взгляда на мир, что имеет особое теоретическое значение. Социологи давно и уверенно говорят о двух исторических типах идентичности: устойчивой «традиционной» и гибкой «современной», что вписывается в классическую теорию модернизации и актуализирует понятия «общность»

и «общество» Ф. Тенниса, «органическая» и «механическая солидарность» Э. Дюркгейма. Отдавая дань уважения классикам, можно назвать реанимацию данного феномена в современном обществе «механической» идентичностью.

Проблемы этатистской идентичности. Вопрос качества формирующих идентичность институтов, и прежде всего государства, затрагивали многие ученые, чаще всего упоминая проблему гражданского общества (А.З. Адиев, Х.В. Дзугев, Л.М. Дробижева, Е.Г. Маклашова, Г.В. Осипов, О.В. Осипова). Но необходимость этого и других атрибутов современного общества – федерализма, демократии, свободы слова – в теорию идентичности интегрирована не была. А ведь если социология утверждает, что «государственное управление культурным многообразием возможно», а государство и единая политическая нация – «необходимая форма общественной коалиции» [Дробижева, 2021: 55], она не может не исследовать влияние на идентичность конкретного государства.

Заметим, в западной социологии проблема решается в иных политических условиях. Т. Парсонс вписывал этнический плюрализм в свой главный теоретический конструкт – дифференциацию и считал демократию необходимым условием этого плюрализма. Сходной позиции придерживается Ю. Хабермас. Российская идентичность строится вертикально, без этих оговорок, лишь при замечаниях социологов о важности демократии и гражданского общества. Однако поскольку политическая динамика обозначила иную траекторию, это требовало систематических исследований влияния реальных, а не желаемых государственных форм. За редким исключением этого не происходило, а главное – не было теоретического синтеза критических работ.

Например, критики отмечали, что государственной политике свойственно формирование классифицирующего и иерархического мышления, когда разные общности получают статусы (*малочисленные, титульные, государствообразующие*) и ими, а не реальностью, определяется их место в социальном и физическом пространстве [Осипова, Маклашова, 2015: 140]. Обобщение подобных фактов позволяет предположить, что институционализированные стереотипы если не блокируют полностью идущий от личности процесс самоидентификации, то как минимум его искажают. Главенство в нем властных структур затрудняет формирование богатой и дифференцированной территориальной идентичности, способной вывести из «малой родины» настоящие ценности, органично связать любовь к родной земле с достоинством личности. И наоборот: все пороки государства как института интегрируются в структуру идентичности, что имеет свои последствия.

Поэтому изучение «государственно-гражданской» идентичности требует анализа государства – ее ключевой структуры. Какими бы глубокими смыслами оно ни наполнялось в российской науке и культуре, это – институт, и как таковой он претерпевает все связанные с его закрытостью процессы: закупорку лифтов, отрицательный отбор, перепроизводство и деградацию элиты, снижение интеллектуального и морального уровня принятия решений и особенно разрушительно действующую на национальную идентичность персонификацию власти.

Именно с таким государством идентифицируют себя россияне как нация. Да, можно возразить: отношение к государству не является прямым отражением идентичности, люди могут отождествлять себя со своей отчизной независимо от оценки власти. Однако это не спасло от крушения Российскую империю, не вывело на улицы миллионы советских граждан в день подписания Беловежского соглашения. Почему?

Безусловно, надо учитывать двойное понимание термина «государство»: 1) как общность, противопоставленную иным общностям; 2) как институт власти. Первое порождает в россиянах весьма высокую степень патриотизма, они готовы идти на жертвы ради своей страны на международной арене, но это имеет значение лишь в присутствии реального или вымышленного Врага. Второе проблематично: государство как власть в сознании россиян чаще вредит им, чем помогает, здесь мало что изменилось с поздних советских времен: «надежда на государственную заботу в паре с лукавым недоверием по отношению к нему» [Советский простой..., 1993: 24]. Эти «два государства» в сознании россиян

дифференцированы, но скорее эмоционально, чем рационально. Даже при негативном отношении к государству как власти в минуту внешней опасности они склонны не бросать на произвол судьбы государство как Родину. Именно потому так хорошо работает образ Врага для мобилизации населения, и неоднократно терявшее легитимность «второе государство» этим пользовалось. Но не бесконечно. Когда на смену патриотическому порыву приходит разочарование, обычно после поражения в войне, происходит обрушение.

Поэтому об устойчивости в долговременной перспективе говорить сложно. «Государственно-гражданская идентичность» не обеспечила ее раньше, не обеспечит и теперь, в современном мире, где устойчивость дает лишь гибкая структура отношений. И страдает она именно в силу интеграции в государство – институт, который неоднократно компрометировал себя и распадался, вызывая тяжелый социокультурный кризис. Политический процесс, идущий иногда мирным, иногда силовым путем, не обязательно должен нести с собой катаклизмы масштабов 1917 и 1991 гг. Но в России так происходило в силу жесткой привязки идентичности к конкретным режимам, к деградировавшим институтам, к отставшим от времени идеологиям.

Поэтому озвученному в ведущей концепции «поразительному прорыву к общероссийскому самосознанию» [Тишков, 2021: 10] противоречат факты – скрытая напряженность, принудительные практики, идеологический прессинг, масштабы эмиграции. Закономерно, что в этой концепции два главных вопроса – качества российского государства как института и характер его исторической динамики – ставятся так, что в них не оказывается проблем. С одной стороны, оспаривается тезис, что демократия и нация – «неразрывная субстанция» [там же: 32], с другой – утверждается, что, несмотря на неоднократные катаклизмы, «историческое Российское государство никуда не исчезало» [Тишков, 2013].

К первому вопросу: независимо от политических убеждений положительный эффект контролируемости власти игнорировать не стоит. Это единственный механизм нейтрализации закона деградации элиты, без которого общество обречено на циклически повторяющееся крушение режимов. С идентичностью это связано напрямую: неоднократно выявляемое социологами негативное отношение россиян к государству порождается снижением его качества как института.

Второму также необходимо возразить. Игнорируя момент катастрофичности истории, пусть даже исторического российского государства (Российская империя – СССР – Российская Федерация), есть риск пройти мимо существенных аспектов его устройства. Два крушения менее чем за столетие не могут не навести на мысль, что здесь находится важный узел противоречий. Успокоительная идея «исторического государства» опасна тем, что снижает остроту критического анализа социальной действительности и становится фактором несаморефлексируемости системы. Да, ученый не скрывает катастрофичности этих событий, но его концепция «с сожалением» проходит мимо этого факта, нивелируя его формулой «Россия была, есть и будет». Но и здесь все непросто в контексте динамики макросистем. В мировой истории обнаруживается больше исчезнувших обществ, чем ныне существующих, их крушение – рутина исторического процесса, на фоне которой указанное утверждение выглядит слишком самоуверенно.

Наконец, отсутствует корреляция активности государства и степени выраженности национальной идентичности. Сами российские ученые, используя западные страны в качестве положительных образцов ее оценки [Гражданская, этническая..., 2013: 41], де-факто признают более высокую сплоченность либеральных обществ. Направления миграции и потребление культурных образцов также показывают, что национальная идентичность не сильнее там, где государство занимается ею активно.

Идентичность как объект социологии и политики. Постановка на первое место единства и выстраивание этого единства «сверху вниз» означали расхождение с западной традицией исследования идентичности, в центре которой всегда находилась личность.

Прежде всего, эгоцентричен психологический дискурс идентичности. Но даже когда социологи, культурологи, политологи стали переносить это понятие в свои области, упор

оставался на индивидуальном. Эгоцентрическое общество порождало соответствующую направленность рефлексии: прежде всего в усложняющемся мире западная наука решала проблемы личности. Несмотря на дискуссию о степени зависимости индивида от группы в процессе самоидентификации (А. Тэджфел, Дж. Тёрнер, Я. Стетс, П. Бёрк), главным предметом социологии идентичности был субъективный опыт, становление социального «Я», происходящее во взаимодействии с другими людьми (Т. Парсонс, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман).

Отечественная социология не обязана была следовать этому и не следовала. Ее этатистский конструктивизм отразил текущие социальные процессы и исполнил понятный после крушения СССР запрос на «коллективизм» и «восстановление вертикалей». Динамика исследований повторила динамику социума – от попытки построения индивидуалистического общества к «восстановлению целого» в том единственном виде, в каком общество его знало. И хотя совсем мимо личности российские социологи идентичности не прошли (труды Г.М. Андреевой, И.С. Кона, Т.Г. Стефаненко, В.А. Ядова), главным это направление не стало.

В то же время западный опыт дал понимание того, что личность своей идентичностью должна быть удовлетворена. Идентичность предполагает самостоятельный, исходящий от субъекта волевой акт: считать или не считать себя частью группы – прерогатива личности. Если ее автономия в процессе самоидентификации снижается, а между желаемым и действительным возникает разрыв, растут депривация, фрустрация, диффузная агрессия. Поэтому в современном мире данный тип идентичности не просто неустойчив, он несет разрушительный заряд – непредсказуемый характер, «взрывной», но не в смысле готовности к силовому демонтажу системы (этого в российском обществе пока нет), а ее массового неподдержания в случае кризиса. Вспомним реакцию на «мятеж Пригожина» и сразу ответим на возможные обвинения в политизации проблемы: она уже политизирована привязкой национальной идентичности к государству и конкретному режиму. Это объясняет и стремительный характер обрушения СССР: «легкость смены подобных автохарактеристик говорит о том, что они затрагивали поверхностные слои самоидентификации. Поэтому распад произошел быстро и почти незаметно: еще до официального оформления большинство опрошенных зафиксировало конец Союза» [Гудков, 2004: 142].

На том основании, что идентичность существует «идеально», ее относят к неочевидным и трудно верифицируемым объектам. Однако факт ее пребывания в сознании мало что меняет, поскольку она проявляется в действиях и именно потому интересует социологию: без социального действия социального факта не существует. Это же доказывает необходимость корреляции с другими проблемными областями: идентичность не оторвана сознанием от общества, она формируется в реальных отношениях и сама является таковым. Как объект социологии это – социальное отношение, но отрефлексированное сознанием и обозначенное маркером. Две стороны – субъективная и объективная – делают его обычным социальным феноменом, отличающимся лишь большей выраженностью пребывания в идеальном.

Это требует учета двух сторон методологически. Для первой необходим отказ от априорного растворения субъектов в должностованиях и одномерной шкалы, на которой чем они ближе к макрогруппе (стране, Родине), тем лучше. Лишать их субъектности означает отказаться от самой социологии, изучающей реальность, образованную *актерами*. Для второй требуется анализ социальной реальности: психика, сознание и поведение людей структурированы интериоризованными социальными структурами [Коллинз, 2002], только изменение базовых социальных структур способно существенно изменить установки [Розов, 2011: 365]. Идентификация – это не только мыслительный акт, это отрефлексированное взаимодействие, идеальная сторона отношения между индивидом и группой. Оно может варьироваться по степени выраженности в сознании индивида от полного неприятия группы до максимальной интеграции в нее, но по мере приближения к современности это отношение усложняется. Устойчивая идентичность здесь может формироваться

только ненасильственно, попытка же подменить волевой акт обязанностью, манипулировать им идеологически приводит, хотя и не сразу, к негативным последствиям. Российская идентичность, связанная с функционированием ключевых институтов – образования, армии и других структур, носит если не принудительный, то вынужденный характер. Но чем больше институционального давления она включает, тем выше конфликт и сильнее взрыв при обрушении системного института. Распад Российской империи и СССР неслучайно сопровождался массовым отказом от ключевых структур их идентичностей. Православие обернулось взрывным неприятием религии (воинствующий атеизм не встретил достаточного сопротивления общества). То же можно сказать о коммунистической идеологии.

Без свободного выбора общенациональная идентичность не несет характера внутреннего убеждения. Она колеблется в районе вынужденной/предъявляемой, формируется как рационализация латентного конфликта между «Я» и страной. Рождается она решающей ролью вертикалей, блокирующей договор между личностью и макрогруппой, и являясь «навязанной идентичностью», за которую субъект осознанной ответственности не несет. Она не может сделать то, чего ждет от нее социологический мейнстрим, – обеспечить целостность страны. Напротив, она становится фактором повторения сценария двух социальных катастроф XX века.

Заключение. Выявленные концептуальные основы, тенденции и противоречия указывают на проблематичность избранного курса формирования и исследования общероссийской идентичности. Глубина и масштабы этих противоречий показывают, что они являются методологическими лишь отчасти (в части упора на соцпросы), а в целом носят фундаментальный характер и связаны с противоречивой динамикой и структурой самого социума. Они ставят под сомнение главный тезис об устойчивости данного типа идентичности, а значит, социальной устойчивости страны. Наличие российской «государственно-гражданской» идентичности не вызывает сомнений, но она не выполняет функцию, приписываемую ей социологами, – не консолидирует общество либо делает это преимущественно номинально.

В парадигме изучения и формирования идентичности не произошло поворота от вертикалей к горизонталям. Институт диктует субъекту, страшая распада страны, этот страх понятен, но это не значит, что избранная стратегия верна. Не рассматривая личность в качестве активного начала процедуры идентичности, российское общественное сознание, включая науку, восстанавливает систему, не раз показавшую нежизнеспособность в мире, где сложность идентичности соответствует сложности общественных отношений. Вертикально-властная стратегия порождает механический тип идентичности, который может обеспечить целостность системы лишь в ближнесрочной перспективе.

Другой проблемой является ее содержательная привязка к государству, которому в условиях закрытости свойственны процессы деградации. Интеграция властного в этническое/культурное/личное уже не раз приводила не просто к политическому кризису, а к катастрофе цивилизационного масштаба. «Мина замедленного действия», о которой пишут ученые, имея в виду многонациональный состав страны, на деле создается вертикалями государственной идентичности, хотя и носит исторически отложенный характер.

Воспроизводство анализируемого типа идентичности связано с неспособностью или принципиальным отказом от создания системы договорных отношений как доминирующих. В этих условиях национальная идентификация блокирует сложный органичный тип, примиряющий ценности «родина», «страна» с личностью без подавления одного другим. Но это не означает, что по этому пути не надо идти, и первым шагом со стороны науки будет рассмотрение феномена не только под углом зрения потребностей вертикалей. Сегодня российская социология не в состоянии повлиять на происходящее, но исследовать проблему глубже и дальше, чем это определено ситуацией, она может.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л., Андреев И.А. Россия-2021: Переживание настоящего и взгляд в будущее // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 82–92. DOI: 10.31857/S013216250015258-6.
- Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61. DOI: 10.31857/S013216250020368-7.
- Андреев А.Л. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М., 2013. Рец. Андреев А.Л. // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 146–150.
- Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 102–112.
- Белоножко М.Л., Силин А.Н., Барбаков О.М., Гюрджинян А.С. Социальные проблемы в самооценках населения Арктической зоны России // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 112–117. DOI: 10.7868/S0132162518040128.
- Волков Ю.Г. Социокультурные травмы современного российского общества // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 13–23. DOI: 10.31857/S013216250017543-0.
- Головашина О.В. Ассоциативный эксперимент для измерения гражданской идентичности // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 64–71.
- Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. / Ред. Л.М. Дробижева. М.: РОССПЭН, 2013.
- Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: НЛО, ВЦИОМ-А, 2004.
- Дробижева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 26–36.
- Дробижева Л.М. Опыт 1990-х гг. и управление культурным многообразием // Социологические исследования. № 8. 2021. С. 49–61. DOI: 10.31857/S013216250015254-2.
- Дробижева Л.М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 80–90.
- Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50.
- Дронов В.Т. Согласие как цивилизационный архетип российского общества // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 157–160.
- Зарубина Н.Н. Взаимное уважение в повседневной жизни россиян // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 10–18.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция социального самочувствия россиян в постсоветский период: от коллапсирования к контрастной стабильности // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 29–41. DOI: 10.31857/S013216250021523-8.
- Козырев Г.И. Образ внешнего врага как фактор легитимации политического режима в современной России // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 52–58. DOI 10.7868/S0132162518010063.
- Козырев Г.И. Конфликтный потенциал современного российского общества // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 68–78.
- Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- Кузнецов И.М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 93–102. DOI: 10.31857/S013216250014161-0.
- Кученкова А.В. Межличностное доверие в российском обществе // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 26–36.
- Левашов В.К. От Москвы до самых до окраин: резервы консолидации // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 166–170. DOI 10.31857/S013216250002799-1.
- Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ИС РАН, 2016.
- Нысанбаев А.Н., Шайкемелев М.С. Казахская идентичность. Алматы, 2013. Рец. А.Н. Нысанбаев // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 151–153.
- Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Идентичности молодежи Арктики // Социологические исследования. № 2015. № 5. С. 139–144.
- Попков Ю.В. Национальная политика в России: целевые установки и региональные модели // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 39–44.
- Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011.
- Россия в цифрах: Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2021.

- Рыбаковский Л.Л. Депопуляция и ее этнические аспекты в России // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 18–28.
- Рыжова С.В. Российская идентичность на православно-исламском пограничье // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 51–61. DOI: 10.31857/S013216250010566-5.
- Рыжова С.В. Особенности изучения религиозной идентичности россиян // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 118–127.
- Санина А.Г. Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 44–53.
- Сааки М., Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф., Воронов В.В. Сравнительный анализ доверия в различных странах // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 60–73.
- Селиванова О.В., Коробкова Н.Ю. Неполные семьи в регионах России: масштабы и социально-экономические характеристики // Социально-трудовые исследования. 2024. № 1. С. 147–156. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156.
- Сикевич З.В., Федорова А.А. Границы русского патриотизма (опыт нереактивного и классического исследования) // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 134–146. DOI: 10.31857/S013216250014126-1.
- Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / Отв. ред. Ю.А. Левада. М., 1993.
- Симонян Р.Х. О региональном сознании студентов российско-китайского приграничья // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 136–143. DOI: 10.31857/S013216250026398-0.
- Симонян Р.Х. Приграничное регионоведение в контексте теории мезосистем // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 64–73. DOI: 10.31857/S013216250005482-3.
- Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Весь Мир, 2018.
- Тишков В.А. Национальная идея России. М.: АСТ, 2021.
- Тишков В.А. О нации и национализме // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 30–42.
- Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Халий И.А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 67–74.

Статья поступила: 31.07.24. Финальная версия: 23.11.24. Принята к публикации: 26.12.24.

RUSSIAN IDENTITY AS A PROBLEM OF HISTORICAL DYNAMICS

TRUBITSYN D.V.,

Transbaikalian State University, Russia

Dmitry V. TRUBITSYN, Dr. Sci. (Social Philosophy), Professor, Transbaikalian State University, Chita, Russia (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Abstract. The paper is based on the analysis of works focusing on Russian identity and reveals conceptual framework and tendencies in the dynamics of research: the predomination of holistic approach to the scientific analysis, as well as its vertical (top-down) development strategy. Only a small number of works is devoted to personality problems connected with self-identification. Some contradictions have been found between statements about positive dynamics of all-Russian identity and the data on the growth of anxiety and mistrust, or misalignment of mass behaviour with claimed values). The research, conducted in terms of social stability of a macrosystem, enabled to draw some conclusions about prospects of this type of identity for preserving the integrity of the country. "Consolidation" can only be achieved in the short term in such a way. In the long term, this strategy may reproduce an unstable type of identity that only assumes formal recognition of the state as "one's own". Suppression of the subjective principle in identity choice makes this strategy prospectless: it may form an explosive "counter-identity" that threatens to cancel itself. A particular problem is that national identity is substantively connected with the state so there appears the danger of disintegration in case of a deep crisis. Theoretically, identity is interpreted as a social relation, and its study demands not only the use of social surveys, but also the analysis of the social structures dynamics.

Keywords: identity, self-identification, solidarity, consolidation, social sustainability.

REFERENCES

- Andreev A.L. (2014) Civic, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 16: 146–150. (In Russ.)
- Andreev A.L., Andreev I.A. (2021) Russia-2021: Experiencing the Present and Looking into the Future. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 82–92. DOI: 10.31857/S013216250015258-6. (In Russ.)
- Andreev A.L., Andreev I.A., Slobodenyk E.D. (2022) Russians' Ideas about the Future of Russia. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 49–61. DOI: 10.31857/S013216250020368-7. (In Russ.)
- Arutiunian Yu.V., Drobizheva L.M. (2014) Traversed Path and Issues of Contemporary Russian Ethnology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 7: 102–112. (In Russ.)
- Belonozhko M.L., Silin A.N., Barbakov O.M., Gyurdzhinyan A.S. (2018) Social Issues in Russia's Arctic Zone: Population Self-Assessment. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 112–117. DOI: 10.7868/S0132162518040128. (In Russ.)
- Collins R. (2002) The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2015) The potential of Interethnic Consent. Comprehension of the Concept and Social Practice in Moscow. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 80–90. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2017) All-Russian Identity and Interethnic Accord as a Reflection of the Consolidation Processes in Russian Society. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 26–36. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2020) Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 37–50. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2021) 1990s' Experience and Cultural Diversity Management. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 49–61. DOI: 10.31857/S013216250015254-2. (In Russ.)
- Drobizheva L.M., ed. (2013) *Civic, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Drobizheva L.M., ed. (2016) *Interethnic Harmony as a Resource for the Consolidation of Russian Society*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Dronov V.T. (2016) Agreement as Civilizational Archetype of Russian Society (The Paper is Published Posthumously). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 9: 157–160. (In Russ.)
- Golovashina O. (2015) Civil Identity of a Russian: Associative Experiment Using Visual Intermediaries. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 64–71. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (ed.) *The Capitals and Regions of Modern Russia: Myths and Facts Fifteen Years Later*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Gudkov L.B. (2004) Negative Identity: Articles 1997–2002. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Khaliy I.A. (2017) Patriotism in Russia: Typology. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 67–74. (In Russ.)
- Kozyrev G.I. (2017) The Conflict Potential of Contemporary Russian Society. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 68–78. (In Russ.)
- Kozyrev G.I. (2018) Image of Enemy as Factor of Political Regime Legitimation. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 52–58. DOI: 10.7868/S0132162518010063. (In Russ.)
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2022) Social Wellbeing during the Post-Soviet Era: from Collapse to Contrasting Stability (1994–2021). *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 29–41. DOI: 10.31857/S013216250021523-8. (In Russ.)
- Kuchenkova A.V. (2016) Interpersonal Trust in Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 26–36. (In Russ.)
- Kuznetsov I.M. (2021) Foundations of Russians' Value Consolidation: Traditionalism And Renewal. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 93–102. DOI: 10.31857/S013216250014161-0. (In Russ.)
- Levada Y.A. (ed.) (1993) *Ordinary Soviet Man: An Experience of Social Profiling at the Turn of 1990s*. Moscow: Mirovoj Okean. (In Russ.)
- Levashov V.K. (2018) From Moscow to the Periphery: Reserves of Consolidation. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 166–170. DOI: 10.31857/S013216250002799-1. (In Russ.)
- Nysanbayev A.N. (2014) Shaikemelev M.S. Kazakh Identity. Almaty, 2013. Reviewed by A.N. Nysynbayev. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 151–153. (In Russ.)
- Osipova O.V., Maklashova E.G. (2015) Identities of the Youth of the Arctic. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 139–144. (In Russ.)
- Popkov Yu. (2015) National Politics in Russia: Targets and Regional Models. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 39–44. (In Russ.)

- Rozov N.S. (2011) *Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the XXIth Century*. Moscow: ROSSPAN. (In Russ.)
- Russia in Figures. Brief Statistical Digest* (2021). Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- Rybakovskiy L.L. (2015) Depopulation and its Ethical Aspects in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 18–28. (In Russ.)
- Ryzhova S.V. (2016) Features of Studyig Religious Identity of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 118–127. (In Russ.)
- Ryzhova S.V. (2020) All-Russian National Identity on the Orthodox-Islamic Frontier. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 51–61. DOI: 10.31857/S013216250010566-5. (In Russ.)
- Sanina A.G. (2016) Patriotism of Russians and Patriotic Education in Modern Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 44–53. (In Russ.)
- Sasaki M. Et al. (2013) A Comparative Analysis of Trust in Different Countries. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 60–73. (In Russ.)
- Selivanova O.V., Korobkova N.V. (2024) Single-parent Families in Russian Regions: Scale and Socio-economic Characteristics. *Social'no-trudovy'e issledovaniya* [Social & Labor Research]. No. 1: 147–156. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156. (In Russ.)
- Sikevich Z.V., Fedorova A.A. (2021) Boundaries of Russian Patriotism (Case of Non-Reactive Classic Research). *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 134–146. DOI: 10.31857/S013216250014126-1. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2019) Cross-Border Regional Studies in the Context of Meso-Systems Theory. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 64–73. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2023) On the Regional Consciousness of the Russian-Chinese Border Region Students. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 136–143. DOI: 10.31857/S013216250026398-0. (In Russ.)
- Tishkov V. (2013) *Russian People: History and Meaning of National Identity*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Tishkov V. (2021) National Idea of Russia. Moscow: AST. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1996) On Nation and Nationalism. *Svobodnaya Mysl'* [Free Thought]. No 3: 30–42. (In Russ.)
- Volkov Yu.G. (2022) Social and Cultural Traumas of the Contemporary Russian Society. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 13–23. DOI: 10.31857/S013216250017543-0. (In Russ.)
- Zarubina N.N. (2014) Mutual Respect in Everyday Life of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 10–18. (In Russ.)

Received: 31.07.24. Final version: 23.11.24. Accepted: 26.12.24.

Д.Б. ТЕВ

КАНАЛЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ МЭРОВ СТОЛИЦ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТЕВ Денис Борисович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (denis_tev@mail.ru).

Аннотация. Анализируются изменения за 2010–2020-х гг. каналов рекрутирования глав администраций столиц субъектов РФ на основе двух биографических баз данных мэров, занимавших соответствующие посты в 2009 г. и 2024 г. Исследование выявило, что в мэрском корпусе растет доля выходцев из региональных администраций и усиливается укорененность градоначальников в администрациях тех городов, которые они ныне возглавляют. При этом доля выходцев из бизнеса (особенно прямых) снижается, но при сохранении преобладания среди них бывших руководителей фирм, ориентированных на местный рынок, принадлежащих местным собственникам и ресурсно-зависимых от городской власти. Одновременно падает доля мэров, ранее заседавших в легислатурах, особенно региональных законодательных собраниях. В целом социально-профессиональный тип мэра-чиновника постепенно вытесняет типы мэра-бизнесмена и мэра – публичного политика. Эти тенденции во многом обусловлены централизацией власти на региональном уровне, ослаблением местной автономии, усилением зависимости муниципальных администраций от губернаторов и, в особенности (что стало одной из важнейших форм проявления и закрепления этих процессов), сменой преобладающего способа рекрутирования мэров, переходом от их выборов к назначению. Связи в региональной администрации (характерные прежде всего для чиновников) становятся все более важным фактором рекрутирования мэров, а контроль над финансовыми ресурсами (типичный для бизнесменов) и опыт успешных избирательных кампаний (характерный для депутатов) становятся для продвижения на пост мэра менее значимыми.

Ключевые слова: региональные столицы • главы администраций • рекрутирование элиты • губернаторы

DOI: 10.31857/S0132162525010106

Рекрутирование глав администраций столиц регионов России как объект изучения.

Региональные столицы занимают особое место в иерархии городов России. Они являются не только центрами сосредоточения политико-административной власти соответствующих регионов. Обычно (при ряде исключений) в них высока концентрация населения, экономических ресурсов и источников доходов субъектов федерации [Лексин, 2009]¹. В связи с этим лица, возглавляющие столичные администрации, могут быть способны (несмотря на ослабление местной автономии и концентрацию власти в руках губернаторов в 2000–2010-е гг.) принимать решения, влияющие на жизнь не только города, но и всего региона. Поэтому главы администраций (далее – мэры²) региональных столиц заслуживают высокого внимания исследователей.

---

¹ См. также: Рейтинг столичных городов России от Фонда «Институт экономики города». URL: https://www.urbanecomonomics.ru/research/analytics/rating_city_IUE (дата обращения: 18.04.2024).

² Это обозначение условно и используется для краткости. Нужно отметить, что в части региональных столиц главы МСУ («мэры») возглавляют не администрации, а думы.

Значимость изучения каналов рекрутирования и карьеры мэров обусловлена тем, что, во-первых, эти характеристики являются важным показателем структуры власти местного сообщества и региона в целом. Карьерные траектории градоначальников могут служить формой проявления и способом закрепления взаимоотношений городской администрации с вышестоящей властью (в частности, показателем степени муниципальной автономии), бизнесом и другими группами. Во-вторых, социально-профессиональное происхождение мэров может в существенной мере определять их политические установки, склонность к проведению той или иной политики, к отстаиванию или, напротив, игнорированию различных интересов. Так, Д. Жакони показывает, что мэры российских городов, пришедшие из бизнеса, расставляют политические приоритеты, выгодные деловому сообществу. В частности, они повышают расходы на экономическую инфраструктуру, не затрагивая при этом траты на социальную инфраструктуру. В то же время они не привержены более сбалансированному бюджету (в сравнении с другими мэрами), не снижают бюджетный дефицит и скорее используют менее конкурентные методы выбора подрядчиков, особенно в строительстве [Szakonyi, 2020: 223–240].

Особого внимания заслуживает динамика социально-профессионального происхождения мэров. Актуальность ее изучению придает то, что политический контекст их рекрутирования в 2000–2010-е гг. существенно изменился: происходили централизация власти на региональном уровне, ослабление местной автономии, усиление зависимости (финансовой и политической) муниципальных администраций от губернаторов [Гельман и др., 2008; Туровский, 2015b]. Одним из важнейших проявлений этих процессов стало изменение в последние десятилетия способа (порядка) рекрутирования мэров. Как показывают исследования, наблюдается тенденция (затронувшая как региональные столицы, так и другие муниципальные образования) замены прямых выборов глав администраций их назначением [Buckley et al., 2014: 93–102]. В 2000-е гг. в большинстве региональных столиц работали главы администраций, избранные населением на муниципальных выборах. В настоящее время такие мэры являются исключением; преобладают назначенные на эту должность по контракту, заключенному по результатам конкурса (т.н. «сити-менеджеры»). Причем порядок формирования конкурсной комиссии, отбирающей главу администрации, менялся: если до 2015 г. губернатор назначал треть ее членов, то затем – уже половину (другая половина назначается представительным органом соответствующего муниципального образования)³. При этом, как будет показано ниже, ряд исследований обнаруживает, что способ рекрутирования мэров является фактором, дифференцирующим характеристики их социально-профессионального происхождения. Можно сказать, что смена преобладающего способа рекрутирования мэров (переход от выборов к назначению) и, в более широком плане, централизация власти на региональном уровне и ослабление местной автономии означали изменение «структуры возможностей» [Borchert, 2011] мэрской карьеры, вероятно, повлияв на доступность и привлекательность этой должности для выходцев из различных социально-профессиональных групп. Поэтому закономерен вопрос, как в этих условиях изменились каналы рекрутирования и карьерные траектории мэрского корпуса.

Обзор литературы. Источникам рекрутирования и карьерным траекториям глав администраций муниципальных образований РФ, включая региональные столицы, посвящен ряд исследований. Так, анализ социально-профессионального происхождения 114 мэров региональных столиц, вошедших в должность в период с 2000 по июль 2009 гг., показал, что важнейшими источниками их рекрутирования служили местная и региональная администрации,

³ См.: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 23.03.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ст. 37, п. 5. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/7e55c34c21e91884bfe720387403824b812a9883/; Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» от 03.02.2015 № 8-ФЗ (последняя редакция), ст. 2. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174852/b0044fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/ (дата обращения: 15.04.2024).

а также бизнес. В сравнении с избранными градоначальниками назначенные мэры чаще приходили из региональной исполнительной власти и реже из бизнеса ([Тев, 2010]; см. также [Туровский, 2015а: 96]).

Сравнению карьер избранных и назначенных мэров было специально посвящено исследование Н. Бакли и ее соавторов [Buckley et al., 2014]. Его объектом стали главы администраций всех региональных столиц и городов России с населением свыше 75 тыс. человек в 2000–2012 гг. Было показано, что назначенные мэры чаще приходят из региональной администрации, а также местных legislatures, но реже из бизнеса и региональных legislatures. Обе категории сходны по распространенности опыта работы в федеральной и местной администрациях, а также силовых структурах. Применительно к политико-административному опыту эти различия между избранными и назначенными мэрами в основном подтвердились и более поздним исследованием глав муниципалитетов Пермского края [Субботина, 2022].

Что касается динамики каналов рекрутирования глав администраций, то ей посвящено исследование мэров региональных столиц России и городов с населением свыше 200 тыс. чел., не являющихся административными центрами, по состоянию на 2008, 2014 и 2019 гг. Оно показало, что существенно возросла доля мэров, имеющих опыт работы в региональной и местной администрациях, а выходцев из бизнеса и особенно представительных органов стало меньше ([Гринева и др., 2019], см. также [Шкель, 2017]). Эти тенденции авторы связывают в основном с изменением способа рекрутирования мэров, переходом от прямых выборов к назначению.

Несмотря на значимость проведенных исследований, ни одно из них, кроме выполненного автором в 2009 г. [Тев, 2010], не было специально посвящено динамике каналов рекрутирования глав администраций именно региональных столиц. Между тем столичные мэры заслуживают отдельного рассмотрения в силу, как уже отмечалось, особого положения возглавляемых ими городов. Кроме того, не были систематически описаны факторы, обуславливающие динамику рекрутирования мэров.

Проведенные исследования тем не менее показывают, какие моменты следует учесть в первую очередь при изучении предшествующей карьеры мэров. Во-первых, основное внимание стоит обратить на динамику занятости в политико-административной и экономической сферах, которые обычно служат важнейшими поставщиками мэров. Во-вторых, при анализе факторов динамики социально-профессионального происхождения мэров важно установить, какое влияние на нее оказывает смена преобладающего способа их рекрутирования – переход от выборов к назначению.

Методология исследования. Эмпирическую основу исследования составили две биографические базы данных, включающие сведения о главах администраций административных центров субъектов РФ по состоянию на июль 2009 г. и март–апрель 2024 г. Такие центры существовали не во всех регионах. Исключение составили города федерального значения – Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. В 2009 г. официального административного центра не было также в Ленинградской и Московской областях (если не считать соответствующих городов федерального значения, не входящих в состав этих регионов). К 2024 г. в Ленинградской области появилась собственная столица – Гатчина. Наконец, административный центр Херсонской области находится на территории, подконтрольной Украине, поэтому глава его администрации не рассматривался. В базу также не были включены временно исполняющие обязанности глав администраций: на момент сбора данных они возглавляли Нальчик (в 2009 г.), а также Курган и Луганск (в 2024 г.). Количественные характеристики исследуемой совокупности приведены в табл. 1.

На каждого мэра была заполнена биографическая анкета, содержащая сведения о дате рождения, образовании и карьерном пути. В качестве источников информации использовались официальные сайты городских администраций и других органов власти, сайты коммерческих и иных организаций, отчеты компаний, биографические интернет-порталы (viperson.ru, lobbying.ru), материалы СМИ, а также сервис проверки и анализа российских юридических лиц и предпринимателей Rusprofile. Собранные данные статистически обрабатывались.

Таблица 1

Количественные характеристики исследуемой совокупности глав администраций, чел.

Год	Количество глав администраций	Способ первоначального вхождения в должность главы администрации	
		выборы	назначение
2009	78	45	33
2024	82	6	76

Основными (хотя и не единственными) характеристиками работы градоначальников в той или иной сфере служили показатели наличия опыта в ней в ходе предшествующей занятию поста мэра карьеры и позиция в данной сфере, занимаемая непосредственно перед вхождением в должность мэра. Сочетание этих показателей дает возможность более или менее полно раскрыть роль того или иного профессионального опыта в карьере и значение различных каналов рекрутирования.

Важно отметить, что способы рекрутирования (первоначального вхождения в должность) мэров были различны: прямые выборы, назначение местной думой по конкурсу и, в редких случаях, прямое назначение губернатором, а также в 1991–1992 гг., – президентом РФ. Как видно из табл. 1, в 2009 г. большинство (59%) градоначальников впервые вошли в свою должность посредством прямых выборов, в то время как 2024 г. подавляющее большинство (93%) мэров было назначено (за одним исключением – депутатами местных советов по конкурсу).

Выходцы из федеральной администрации среди мэров. Как показывает табл. 2, относительно немногие мэры работали в федеральных административных органах в постсоветский период, причем только в единичных случаях они занимали там позицию, предшествующую вхождению в должность. Однако с 2009 г. их доля заметно возросла.

Большинство таких мэров работали в территориальных органах федеральных органов исполнительной власти в данном регионе. Особое место среди таких органов занимают силовые структуры (прежде всего, территориальные органы МВД). Вообще, доля мэров с силовым опытом, как постсоветским, так и советским, выросла с 2009 по 2024 гг. почти втрое – с 8 до 22%.

Представляется, что происходящие в 2000–2010-е гг. в тесной взаимосвязи процессы централизации власти на общенациональном уровне и внутри регионов могли способствовать росту доли выходцев из федеральных структур. Централизация власти в масштабах РФ

Таблица 2

Сведения о постсоветском опыте работы глав администраций в административных органах РФ до вхождения в должность, в 2009 и 2024 гг., по уровням администрации, в %

Уровень администрации	2009 (N = 78)		2024 (N = 82)	
	имеют опыт работы	работали непосредственно перед вхождением в должность	имеют опыт работы	работали непосредственно перед вхождением в должность
Федеральная	9	0	23	1
Региональная	44	28	60	34
Местная*	54 (47)	38 (29)	84 (80)	68 (52)

Примечание. * В скобках – без учета случаев, когда будущий градоначальник назначался заместителем главы администрации и сразу исполняющим обязанности главы.

и создание конгруэнтной партийной системы⁴ во главе с доминирующей партией способствовали движению кадров с федерального уровня на региональный (и обратно) [Semenova, 2023], а также росту доли выходцев из федеральных административных органов в составе региональных администраций (и не только в губернаторском корпусе). Последние, в свою очередь, (в условиях централизации власти внутри регионов, включая переход от выборов мэров к их назначению по конкурсу) становились все более важным источником рекрутирования градоначальников (что будет показано ниже). В этом смысле показательны карьерные траектории выходцев из федеральных органов, которые во многих случаях сначала оказывались в региональных администрациях, а затем занимали пост мэра. Так, в 2022 г. мэром Мурманска стал Ю.В. Сердечкин, ранее работавший в Администрации Президента РФ и аппарате Правительства РФ, а непосредственно перед назначением занимавший пост заместителя губернатора Мурманской области. Также примечательно, что в 2009 г. среди назначенных мэров доля выходцев из федеральной администрации была заметно выше, чем среди избранных, – 12% против 7%, а в 2024 г. среди избранных мэров вообще не было тех, кто имел федеральный административный опыт.

Выходцы из региональной администрации в мэрском корпусе. Как показывает табл. 2, опыт работы в региональной администрации (далее – РА) довольно часто встречается у мэров, его распространенность растет. Это касается как вообще работы в региональных органах, так и занятости в них на момент вхождения в должность мэра. Эту тенденцию обнаруживают и предыдущие исследования [Гринева и др., 2019: 25; Шкель, 2017: 150]. Причем в администрациях субъектов РФ (как правило, тех же, столицы которых они позднее возглавили) будущие мэры занимали обычно высокие должности – заместителя губернатора (председателя правительства) или руководителя органа исполнительной власти (министра и т.п.). Так, в 2008–2015 гг. мэром Архангельска был В.Н. Павленко, который большую часть предшествующей постсоветской карьеры проработал в региональной администрации, в т.ч. первым заместителем губернатора. В 2022 г. мэром Астрахани стал О.А. Полумордвинов, ранее занимавший посты заместителя председателя правительства и министра строительства и ЖКХ Астраханской области. Властные возможности, престижность и вознаграждаемость должности мэра региональной столицы, по-видимому, достаточно высоки, чтобы мотивировать ключевых региональных чиновников к такому переходу (который, впрочем, в некоторых случаях может быть вынужденным).

Рост распространенности среди мэров опыта работы в РА можно рассматривать как следствие и показатель централизации власти на региональном уровне, ослабления местной автономии, усиления зависимости муниципалитетов от губернаторов. Как уже отмечалось, одной из форм проявления этих тенденций, имеющей особое значение, стало изменение преобладающего порядка рекрутирования мэров – переход от прямых выборов к назначению. Предыдущие исследования показали, что среди назначенных глав администраций больше выходцев из РА, особенно прямых [Субботина, 2022: 266–268, Buckley et al., 2014: 105–109]. Если говорить об исследуемой совокупности, то в 2009 г. среди избранных мэров доля прямых выходцев из РА составляла 22%, а среди назначенных – 36%. В 2024 г. доля прямых выходцев из РА среди избранных мэров (их было всего 6) – вдвое меньше, чем во всей совокупности.

Эту тенденцию можно объяснить тем, что при назначении по результатам конкурса возможности (даже чисто формальные) влияния губернатора на рекрутирование мэров выше (а местных сообществ – ниже), чем при всеобщих выборах. С 2015 г. они еще более возросли, поскольку губернаторы получили право назначать не треть, а половину членов конкурсной комиссии. Со своей стороны губернаторы заинтересованы в продвижении на пост мэра столицы лояльного себе человека, представителя своего ближайшего окружения, своей клиентелы. Такие люди могут выходить из разных сфер, включая бизнес (особенно предприятия,

⁴ Территориально конгруэнтная партийная система – такая система, при которой те же самые партии выдвигают кандидатов на властные должности регионального и общенационального уровня [Semenova, 2023].

контролируемые региональными властями). Однако наиболее логичным их поставщиком является сама РА. Назначение мэром выходца из РА (например, заместителя губернатора), с которым глава региона непосредственно вместе работал, которого хорошо знает лично и которому особенно доверяет, по сути, является формой проявления и способом упрочения контроля губернатора над администрацией региональной столицы. Как пишет Р.Ф. Туровский, такая «вертикальная мобильность» чиновников «позволяет губернаторам включать муниципальные администрации в систему патронажно-клиентельных отношений, превращая их в зависимые структуры и создавая с сити-менеджерами своеобразные “личные унии”» [Туровский, 2015а: 96]. Нередкое отсутствие у таких мэров, в отличие от выходцев из местной элиты, собственных источников власти и влияния на вверенной им территории, делает их еще более зависимыми от главы региона, заставляя особенно сильно опираться на его поддержку.

Кроме того (и в тесной связи с этим), с точки зрения главы региона, важным преимуществом выходца из РА как кандидата на должность главы администрации может быть (хотя и не всегда) то, что, стоя как бы над различными местными интересами, он способен выступать арбитром в конфликтах местных элит (нередко являющихся весьма острыми) [Субботина, 2022: 262]. Наконец, в условиях сильной и растущей зависимости, финансовой и политической, муниципальных властей от губернаторов сами местные элиты (сообщества) могут быть также все более заинтересованы в назначении мэром выходца из РА, имеющего тесные связи с главой региона и его окружением, т.е. обладающего лоббистским потенциалом на региональном уровне.

Местная администрация как канал рекрутирования мэров. Местная администрация (далее – МА) – еще один из важнейших каналов рекрутирования мэров, причем, как показывает табл. 2, распространенность опыта работы в ней (вообще и непосредственно перед вхождением в должность) растет. Эта тенденция была и раньше [Гринева и др., 2019: 25, Субботина, 2022: 260–261; Туровский, 2015а: 96]. Следует отметить, что среди мэров с опытом работы в МА преобладают выходцы из администраций самих региональных столиц, но некоторая (и притом растущая) доля мэров имеет опыт работы в МА других поселений (доля прямых выходцев оттуда увеличилась с 1% в 2009 г. до 7% в 2024 г.). Впрочем, значимость в карьере мэров опыта работы в администрациях столичных городов не стоит преувеличивать. Так, среди мэров 2024 г. только у каждого десятого в постсоветской карьере доминирует муниципальный административный опыт в соответствующем городе, и лишь 27% мэров до вхождения в должность проработали в МА своего города не менее пяти лет.

Может ли быть связан рост распространенности среди мэров опыта работы в МА с переходом от их выборов к назначению по конкурсу? Предыдущие исследования показали отсутствие существенных различий между избранными и назначенными мэрами с точки зрения предшествующего опыта в МА того же города [Buckley et al., 2014: 105–109, Субботина, 2022: 260–261, 264–265]. Наше исследование привело к неоднозначным выводам. В 2009 г. среди назначенных мэров общий постсоветский опыт работы в МА встречался несколько чаще, чем у избранных (57 против 49%), а на момент вхождения в должность в ней работала 40% первой и 1/3 второй категории мэров. При этом исследование корпуса мэров 2024 г. показало, что среди тех шестерых из них, которые впервые вошли в должность путем всеобщих выборов, опыт работы в МА данного города встречается не реже, а чаще – в 100% случаев. В то же время среди избранных мэров ни один не работал ранее в администрации другого муниципалитета. Большая распространенность среди назначенных мэров опыта работы в исполнительной власти других муниципальных образований подтверждается и другим исследованием [Buckley et al., 2014: 105–109].

В условиях назначения выходцы из МА могут обладать рядом преимуществ как кандидаты на пост мэра. Во-первых, обычно такие чиновники (прежде всего, заместители мэров) при осуществлении полномочий тесно взаимодействуют как с региональными чиновниками, так и с местными депутатами. Благодаря этому у них могут складываться знакомства, связи (включая патрон-клиентские) и отношения доверия, благоприятствующие продвижению на пост мэра [Субботина, 2022: 260–261]. Во-вторых, местные чиновники могут рассматриваться

конкурсной комиссией в качестве предпочтительных кандидатов в силу своих компетенций: они хорошо знают механизм и имеют навыки управления именно данным городом. Впрочем, наличие таких качеств может рассматриваться как преимущество также и избирателями. В-третьих, как показывают исследования [Гилев и др., 2017], мэры – выходцы из МА более успешны (в сравнении с выходцами из бизнеса и легислатур) в плане электоральной мобилизации, что может быть важным преимуществом с точки зрения РА. Впрочем, способность к успешной мобилизации избирателей, очевидно, также повышает шансы муниципальных чиновников стать избранными мэрами. Наконец, если говорить о рекрутировании столичных мэров из администраций других муниципалитетов, то эта практика напоминает номенклатурную переброску кадров с одной территории на другую, но в масштабах отдельных регионов. Такие чиновники, не успевшие «обрасти» в региональной столице ценными связями и сформировать там собственную властную базу, но всецело обязанные региональной власти своим возвышением, губернаторами могут считаться предпочтительными кандидатами на пост мэра, назначаемого по конкурсу, поскольку особенно зависимы от них. С другой стороны, в силу слабой известности избирателям и, вероятно, элитам данного города их шансы стать мэрами путем всеобщих выборов невелики.

Наконец, стоит отметить, что в некоторых случаях рекрутирование мэров из муниципального чиновничества может рассматриваться как форма проявления и закрепления автономии МА. Ведь как писал С. Хантингтон, в политической системе с высоким уровнем автономии «важнейшие позиции в руководстве системой обычно достижимы лишь для тех, кто прошел период ученичества на менее важных позициях» [Хантингтон, 2004: 42]. Однако это далеко не всегда так, тем более что, как было показано, лишь у меньшинства мэров предшествующий опыт работы в столичной администрации был длительным. Вообще, в регионах, где подконтрольность местной власти РА издавна сложилась, не оспаривается и рассматривается как нечто само собой разумеющееся, для губернаторов может отсутствовать необходимость назначать на пост мэра выходца из своего окружения (тем самым упрочивая эту зависимость путем личной унии различных уровней власти). Функции мэра могут быть доверены и выходцам из муниципального чиновничества. Вероятно, такая ситуация характерна, например, для Республики Татарстан, где руководителем исполкома Казани в 2020 г. был назначен Р.Г. Гафаров, который ранее более 14 лет отработал в администрации столицы (в частности, на должностях главы одного из районов, а затем первого заместителя руководителя исполкома).

Опыт членства глав администраций в органах представительной власти. Как показывает табл. 3, наблюдается сокращение доли мэров, имеющих предшествующий опыт членства в органах представительной власти, в том числе и на момент вхождения в должность (это обнаружили и другие исследования [Гринева и др., 2019: 24–25]). Эта тенденция касается членства в легислатурах всех уровней – в Федеральном собрании (СФ и ГД), региональных законодательных собраниях и, хотя и в наименьшей степени, местных думах.

Данная динамика может отражать общее ослабление органов представительной власти в 2000–2010-е гг., роль которых как поставщиков административных элит снижалась не только на местном, но и на федеральном уровне. Кроме того, выявленная тенденция может быть связана с изменением преобладающего порядка рекрутирования мэров, переходом от выборов к назначению. На первый взгляд, применительно к опыту членства в местных (столичных) советах это выглядит неожиданным. Ведь при конкурсной процедуре у них больше формальных возможностей влиять на рекрутирование мэров: они назначают половину членов конкурсной комиссии и утверждают мэра по результатам конкурса. Можно предположить, что местные депутаты будут склонны избирать мэра из своих рядов, предпочитая тех кандидатов, которых они хорошо знают по совместной работе в прошлом. Действительно, Н. Бакли и соавторы обнаружили, что среди назначенных мэров выше доля выходцев из местных советов [Buckley et al., 2014: 109]. Тем не менее в реальности влияние местных советов на назначение мэра чаще всего невелико: фактически они обычно просто утверждают кандидатуру, определенную губернатором, склонным отбирать мэра из своего окружения.

Таблица 3

Сведения о членстве глав администраций в органах представительной власти РФ до вхождения в должность, в 2009 и 2024 гг., по уровням легислатуры, в %

Уровень представительных органов	2009 (N = 78)		2024 (N = 82)	
	имеют опыт членства	состояли непосредственно перед вхождением в должность	имеют опыт работы	состояли непосредственно перед вхождением в должность
Федеральное собрание (СФ/ГД)	6 (4/3)	4 (1/3)	2 (0/2)	0
Региональные законодательные собрания	26	19	10	4
Местные думы	24	15	18	5
Представительные органы в целом	47*	38	26*	9

Примечание. * Цифры в последней строке меньше суммы цифр в предыдущих строках, поскольку одна и та же persona могла в разное время состоять в различных представительных органах.

Кроме того, противоположное влияние на распространенность опыта членства в представительных органах может оказывать другой фактор. В условиях всеобщих выборов наличие опыта ведения избирательных кампаний (особенно успешных) может быть важным преимуществом кандидатов на пост мэра [Buckley et al., 2014: 106]. Такие персоны обычно хорошо известны избирателям, обладают навыками эффективной работы с ними и взаимодействия со СМИ [Субботина, 2022: 263, 267–268]. Напротив, для назначаемых мэров такие качества могут быть гораздо менее важны в сравнении со связями в РА. Соответственно лица с таким публично-политическим опытом оказываются менее востребованными среди назначенных мэров [Buckley et al., 2014: 105–109]. Наше исследование показывает, что в 2009 г. среди назначенных мэров доля лиц, заседавших в представительных органах вообще (с 1990 г.), причем на всех уровнях, была меньше, чем среди избранных мэров (27 против 62%). Впрочем, в 2024 г. у избранных мэров 2024 г. депутатский опыт вообще не встречается.

Бизнес как канал рекрутирования глав администраций. Бизнес стабильно является вторым по значимости после административно-политической сферы источником рекрутирования мэров. Но, как показывает таблица 4, его роль снижается, особенно как прямого поставщика мэров. Какие же факторы могут лежать в основе этой тенденции?

Прежде всего, сокращение автономии муниципалитетов (финансовой и политической), растущая концентрация полномочий и власти в региональных администрациях могли ослабить интерес бизнесменов к занятию постов градоначальников [Гринева и др., 2019: 25]. Также некоторую роль могло сыграть и изменение преобладающей процедуры рекрутирования мэров, переход от выборов к назначению. Исследования показывают, что среди избранных мэров больше тех, кто имеет опыт работы в бизнесе (прежде всего, частном) [Buckley et al., 2014: 105–109; Туровский, 2015а: 96]. Впрочем, как показало наше исследование, в 2009 г. среди избранных мэров доля тех, кто на момент вхождения в должность занимал ключевую позицию в бизнесе, была немногим выше, чем среди назначенных (соответственно 24 и 21%), тогда как в 2024 г. среди избранных мэров не было ни одного, который бы занимал такую позицию.

Следует отметить, что в условиях прямых выборов мэров важным преимуществом кандидатов-бизнесменов является наличие у них значительных финансовых ресурсов [Buckley et al., 2014: 106]. С другой стороны, при назначении по конкурсу принадлежность к частному бизнесу может рассматриваться в качестве недостатка кандидата. Во-первых, губернаторы, оказывающие решающее влияние на исход конкурса, могут опасаться излишней самостоятельности и недостаточной лояльности таких мэров, которые привыкли работать в условиях высокой автономии, независимо управлять своими компаниями и, в отличие от чиновников,

Таблица 4

Сведения о постсоветском опыте работы глав администраций на ключевых позициях в бизнесе до вхождения в должность, в 2009 и 2024 гг., в %

Год	Имели опыт работы	Работали непосредственно перед вхождением в должность
2009 (N = 78)	67	22
2024 (N = 82)	56	9

Примечание. К ключевым были отнесены позиции генерального директора, председателя правления, президента компании и их заместителей, члена совета директоров, директора по направлению, а также индивидуального предпринимателя.

нередко не имеют опыта занятости на подчиненных позициях в бюрократических иерархиях. Во-вторых, мэры из бизнеса менее успешны, чем выходцы из чиновничества, в плане электоральной мобилизации в поддержку «партии власти», обеспечение которой крайне важно для РА [Гилев и др., 2017]. Кроме того, фактором, сдерживающим продвижение бизнесменов на пост мэра (но уже не только при назначении, но и при выборах), могут быть опасения захвата муниципальной власти коммерческими интересами в ущерб интересам других акторов, включая РА и местные сообщества [Buckley et al., 2014]. Эти обстоятельства отчасти могут объяснить, почему вообще рост влияния РА на рекрутирование мэров (на исход не только конкурсов, но и всеобщих выборов) может вести к снижению доли выходцев из бизнеса среди мэров – как назначенных, так и избранных.

Какой бизнес является поставщиком мэров? Наибольшего интереса к политической активности на местном уровне, включая и занятие должности мэра, можно ожидать от выходцев из компаний, особенно сильно зависимых от городских властей, от местной политики. Эта зависимость может быть связана как с потребностью в доступе к ресурсам, контролируемым этими властями (земельным участкам, бюджету и пр.), так и с обусловленной ориентацией на городской рынок заинтересованностью в местном росте и стимулирующей его политике. Зависимость может усиливаться низкой мобильностью капитала, связанной с крупными инвестициями в недвижимость и инфраструктуру, местным характером собственности, отсутствием филиалов в других городах, трудностью воспроизвести в иных местностях специфические социальные отношения (с потребителями, властью и пр.), выгодные фирме. Наконец, в сравнении с «внешними» собственниками местные владельцы могут проявлять больший интерес к городским делам в силу «локального патриотизма», а также потребности в поддержании благоприятных условий на территории, где они со своими семьями проживают. В целом наибольшей политической активности на городском уровне можно ожидать от руководителей, ориентированных на местный рынок, низкомобильных, контролируемых местными собственниками и ресурсно-зависимых от городской власти фирм. Менее активны будут, вероятно, руководители экспортно-ориентированных, высокомобильных и контролируемых внешними собственниками компаний (см. [Тев, 2010: 136]).

Действительно, анализ биографий мэров с опытом работы на ключевых постах в коммерции показывает, что и в 2009 г. [там же: 137], и в 2024 г. в подавляющем большинстве случаев они являлись выходцами из бизнеса, контролируемого местными собственниками (в основном не публичными, а частными, включая руководителей своего или семейного бизнеса)⁵. В отраслевом плане особенно широко представлены ориентированные на местный рынок компании, которые занимаются строительством, недвижимостью и производством

⁵ Так, например, по неполным данным, мэры 2024 г. не менее чем в 80% случаев были выходцами из компаний, контролируемых местными собственниками, ранее работали в частных фирмах примерно вдвое чаще, чем в государственных/муниципальных, причем порядка 2/3 выходцев из частного сектора руководили собственным или семейным бизнесом.

стройматериалов (этот бизнес сильно зависит от городских властей в ресурсном отношении), а также оптовой и розничной торговлей: в 2024 г. с каждым из двух этих секторов были связаны более 10 мэров. Так, в 2022 г. мэром Оренбурга стал выходец из строительного и торгового бизнеса С.А. Салмин, который до вхождения в должность несколько лет работал также в региональной и местной администрациях. Что касается мэров, занимавших пост в 2009 г., то, например, главой администрации Пскова тогда был Я.В. Лузин, который в 1994–2007 гг. возглавлял (будучи основателем и владельцем) ЗАО «Псковская инвестиционная компания», занимающееся строительством и продажей жилой и нежилой недвижимости (а непосредственно перед назначением руководил городской думой). Напротив, выходцы из крупных экспортно-ориентированных предприятий машиностроения, металлургии и пр. встречаются среди мэров лишь в единичных случаях.

Выводы. Итак, исследование динамики каналов рекрутирования глав администраций столиц субъектов РФ выявило ряд основных тенденций.

Во-первых, в мэромском корпусе растет доля выходцев (включая прямых) из администраций соответствующих регионов. Во-вторых, усиливается карьерная укорененность столичных градоначальников в местных администрациях тех городов, которые они ныне возглавляют. В-третьих, доля выходцев из бизнеса (особенно непосредственных) снижается, но при этом сохраняется преобладание среди них бывших руководителей, ориентированных на местный рынок, контролируемых местными собственниками, ресурсно-зависимых от городской власти фирм. В-четвертых, падает доля мэров, имеющих постсоветский опыт членства в органах представительной власти, особенно в законодательных собраниях субъектов РФ.

В целом, можно утверждать, что социально-профессиональный тип мэра-чиновника (местного и регионального уровня) постепенно вытесняет типы мэра-бизнесмена и мэра – публичного политика.

Эти тенденции во многом обусловлены централизацией власти на региональном уровне, ослаблением местной автономии, усилением зависимости муниципальных администраций от губернаторов и, в особенности, что стало одной из важнейших форм проявления и закрепления этих процессов, сменой преобладающего способа рекрутирования мэров, переходом от их прямых выборов к назначению. Централизация означала изменение структуры возможностей мэромской карьеры и, соответственно, доступности и привлекательности этой должности для выходцев из различных социально-профессиональных групп. Связи в региональной и федеральной администрации (что характерно, прежде всего, для чиновников) становятся все более важным вытягивающим фактором рекрутирования мэров, тогда как значение контроля над финансовыми ресурсами (что характерно для бизнесменов) и наличия опыта успешных избирательных компаний (что характерно для депутатов) падает. Кроме того, сужение местной автономии может ослаблять интерес бизнесменов к занятию поста мэра. На их шансы победить в конкурсе негативно влияет то, что губернаторы могут опасаться захвата местной власти коммерческими интересами и вообще излишней самостоятельности и недостаточной лояльности таких мэров, а также их меньшей успешности в сравнении с чиновниками в мобилизации избирателей в поддержку «партии власти».

Основное ограничение проведенного исследования заключается в том, что использование простейших статистических методов дает возможность выявить и описать важнейшие тенденции рекрутирования, но не позволяет строго доказать их обусловленность теми или иными факторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб.: Норма, 2008.
- Гилев А.В., Семенов А.В., Шевцова И.К. «Политические машины» и их «водители»: электоральное администрирование на местном уровне // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 3 (86). С. 62–80.

- Гринева Д.Д., Коротева П.П., Максимов А.Н., Соснин Д.П., Трудолюбов А.С. Особенности ротации корпуса мэров в современной России: Доклад. М.: Комитет гражданских инициатив, 2019.
- Лексин В.Н. Города власти: административные центры России // Мир России. 2009. Т. 18. № 1. С. 3–33.
- Субботина А.А. Политический бэкграунд местных глав после введения конкурсной модели избрания (случай Пермского края) // Апрельские тезисы. Социогуманитарные проблемы прошлого и настоящего: Материалы всеросс. науч. конф. (г. Пермь, ПГНИУ, 8–9 апреля 2022 г.) / Под ред. А.В. Заморяхина. Пермь: ПГНИУ, 2022. С. 258–271.
- Тев Д.Б. Как рекрутировались мэры региональных столиц в 2000-е годы // Общество и экономика. 2010. № 1. С. 125–141.
- Туровский Р.Ф. (а) Местное самоуправление в России и эволюция политического режима // Pronunc: современные политические процессы. 2015. № 1 (14). С. 82–98.
- Туровский Р.Ф. (б) Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 35–51.
- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Шкель С.Н. Рекрутирование локальных элит в условиях субнационального авторитаризма: опыт Республики Башкортостан // Политическая наука. 2017. № 4. С. 137–160.
- Borchert J. Individual ambition and institutional opportunity: a conceptual approach to political careers in multi-level systems // Regional & Federal Studies. 2011. Vol. 21. No. 2. P. 117–140. DOI: 10.1080/13597566.2011.529757.
- Buckley N., Garifullina G., Reuter O.J., Shubenkova A. Elections, appointments, and human capital: the case of Russian mayors // Demokratizatsiya. 2014. Vol. 22. No. 1. P. 87–116.
- Semenova E. The patterns of political career movements in the Russian Federation: the case of regional governors, 1991–2021 // Regional & Federal Studies. 2023. P. 1–20. DOI: 10.1080/13597566.2022.2155811.
- Szakonyi D.S. Politics for Profit Business, Elections and Policymaking in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

Статья поступила: 11.11.24. Финальная версия: 08.01.25. Принята к публикации: 17.01.25.

HEADS OF ADMINISTRATIONS OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION CAPITALS: RECRUITMENT CHANNELS

TEV D.B.,

Sociological Institute FCTAS RAS, Saint Petersburg, Russia

Denis B. TEV, Cand. Sci. (Sociol.), Senior researcher of the Department of sociology of power and civil society, Sociological Institute FCTAS RAS, Saint Petersburg, Russia (denis_tev@mail.ru).

Abstract. The dynamics of recruitment channels for heads of administrations in Russian regional capitals is considered. The empirical basis of the study is two biographical databases of mayors who held office in 2009 and 2024. The study revealed a number of trends. The share of former regional officials among mayors is growing. Also the embeddedness of mayors in the administrations of the cities they currently lead are increasing. The share of mayors from business is decreasing, while the predominance remains among them of former managers of firms oriented to the local market, controlled by local owners and resource-dependent on the city government. Also the share of mayors who previously sat in legislatures is falling. In general, the social-professional type of mayor-official is gradually replacing the types of mayor-businessman and mayor-public politician. This trends are largely due to the centralization of power at the regional level, the weakening of local autonomy, the increasing dependence of municipal administrations on governors and, in particular (which is one of the most important forms of manifestation and consolidation of these processes) a change in the prevailing method of recruitment of mayors, the transition from elections to appointment. All this means a change in the opportunity structure for a mayoral career, the accessibility and attractiveness of mayoral positions for people from various socio-professional groups. Connections in the regional administration are becoming an increasingly important recruitment factor, while the importance falls of control over financial resources and experience of successful election campaigns for promotion to the mayoral post.

Keywords: regional capitals, heads of administrations, recruitment, career, governors, local administration, business, deputies.

REFERENCES

- Borchert J. (2011) Individual Ambition and Institutional Opportunity: a Conceptual Approach to Political Careers in Multi-level Systems. *Regional & Federal Studies*. Vol. 21. No. 2: 117–140. DOI: 10.1080/13597566.2011.529757.
- Buckley N., Garifullina G., Reuter O.J., Shubenkova A. (2014) Elections, Appointments and Human Capital: the Case of Russian Mayors. *Demokratizatsiya*. Vol. 22. No. 1: 87–116.
- Gel'man V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. (2008) *Reform of the local power in Russian cities, 1991–2006*. St. Petersburg: Norma. (In Russ.)
- Gilev A.V., Semenov A.V., Shevtsova I.K. (2017) “Political Machines” and their “Drivers”: Electoral Administration at the Local Level. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz* [The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia]. No. 3 (86): 62–80. (In Russ.)
- Grineva D.D., Koroteeva P.P., Maksimov A.N., Sosnin D.P., Trudolyubov A.S. (2004) *Features of the Rotation of the Corps of Mayors in Modern Russia: Report*. Moscow: Komitet grazhdanskih iniciativ. (In Russ.)
- Huntington S. (2004) *Political Order in Changing Societies*. Moscow: Progress-Tpadiacija. (In Russ.)
- Leksin V.N. (2009) Cities of Power: Administrative Centers of Russia. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 18. No. 1: 3–33. (In Russ.)
- Semenova E. (2023) The Patterns of Political Career Movements in the Russian Federation: the Case of Regional Governors, 1991–2021. *Regional & Federal Studies*: 1–20. DOI: 10.1080/13597566.2022.2155811.
- Shkel S.N. (2017) Recruiting Local Elites in Conditions of Subnational Authoritarianism: The Experience of the Republic of Bashkortostan. *Politicheskaja nauka* [Political science (RU)]. No. 4: 137–160. (In Russ.)
- Subbotina A.A. (2022) Political Background of Local Heads after the Implementation of Competitive Election Model (a Case of Perm Krai). In: *April theses. Socio-humanitarian problems of the past and present: materials of the All-Russian. scientific conf. (Perm, Perm State National Research University, April 8–9, 2022)*. Ed. by A.V. Zamoryakhin. Perm: PSNRU: 258–271. (In Russ.)
- Szakonyi D.S. (2020) *Politics for Profit Business, Elections, and Policymaking in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tev D.B. (2010) How Mayors of Regional Capitals Were Recruited in the 2000s. *Obshhestvo i jekonomika* [Society and Economy]. No. 1: 125–141. (In Russ.)
- Turovsky R.F. (2015a) Local Government in Russia and the Evolution of Political Regime. *Pronunc: sovremennye politicheskie processy* [Pronunc: modern political processes]. No. 1 (14): 82–98. (In Russ.)
- Turovsky R.F. (2015b) Russia's Local Self-Government: The Agent of the Government in the Trap of Insufficient Funding and Civil Passivity. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies]. No. 2: 35–52. (In Russ.)

Received: 11.11.24. Final version: 08.01.25. Accepted: 17.01.25.

© 2025 г.

Ю. ВАН

КОНСТРУИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА «КРАСНОГО ТУРИЗМА» В КИТАЕ

ВАН Юйчжи – кандидат филологических наук, постдокторант, старший преподаватель, Сычуаньский университет, Чэнду, Китай (yuzhiwang@yandex.ru).

Аннотация. В статье исследуется эффективность мультимодального дискурса социальных медиа в конструировании коллективной памяти на материале рекламы «красного туризма» в китайских социальных сетях (2018–2023). Мультимодальный анализ эмпирического корпуса рекламных материалов ($N = 237$) демонстрирует, как органичная интеграция различных модальностей в социальных медиа создает эффективную среду для трансляции и интериоризации исторического опыта, трансформируя традиционные механизмы мнемонической коммуникации. Выявлено, что мультимодальный дискурс социальных платформ формирует новую экологию памяти, где конвергенция семиотических ресурсов обеспечивает более глубокое освоение коллективного опыта. Анализ пользовательской рецепции верифицирует значимость социальных медиа в конструировании коллективной памяти: мультимодальная организация контента, сочетая рациональное осмысление с эмоциональным проживанием истории, существенно интенсифицирует процессы мнемонической идентификации. Исследование раскрывает потенциал мультимодального дискурса социальных медиа как действенного механизма конструирования коллективной памяти в цифровую эпоху.

Ключевые слова: национальная память • мультимодальный анализ • коллективная память • красный туризм • цифровая медиация памяти • культурное управление

DOI: 10.31857/S0132162525010113

Введение. Цифровизация существенно трансформирует механизмы социальной коммуникации и культурной трансмиссии, где социальные медиа становятся ключевыми медиаторами в процессах конструирования коллективной памяти. В этом контексте особый интерес представляет опыт Китая, демонстрирующего эффективную модель интеграции традиционных мнемонических практик в цифровую среду через систематическое

Статья выполнена при финансовой поддержке Фонда фундаментальных исследований для центральных университетов Сычуаньского университета в рамках специального проекта по гуманитарным и социальным наукам (проект № 2024自研-外语05) и фондов постдокторских исследований Сычуаньского университета (проект № skbsh2024–57).

использование «красных ресурсов» – комплекса материального и духовного наследия революционной эпохи КПК [Feng et al., 2021].

Цифровая адаптация этих символических ресурсов в рамках государственной политики памяти отражает системную трансформацию механизмов исторической трансмиссии [Ху, 2021]. Социальные медиа создают новое пространство мнемонических практик, где «красный туризм» функционирует как эффективный инструмент социализации и трансляции исторического опыта в цифровую эпоху [Du et al., 2022].

Теоретическое осмысление данного феномена базируется на синтезе фундаментальных подходов к изучению коллективной памяти, медиатизации и мультимодальной коммуникации. Классическая теория коллективной памяти [Halbwachs, 1992], в сочетании с концепцией медиатизации социальной памяти [van Dijck, 2007] и теорией мультимодального анализа [Kress, van Leeuwen, 2020], создает основу для понимания современных механизмов конструирования исторической памяти. Особую значимость приобретает концепция «коннективной памяти» [Hoskins, 2011], раскрывающая специфику цифровой трансформации коллективных воспоминаний в сетевом обществе.

Современный академический дискурс, обогащенный исследованиями трансформации мнемонических практик [Landsberg, 2004; Ertl, 2011; Hoskins, 2017; Rigney, 2018] и теоретическим осмыслением медиапамяти [Merrill et al., 2020; Тихонова, Артамонов, 2021; Артамонов, 2022], формирует новый взгляд на роль цифровых платформ в конструировании исторических нарративов. В китайском контексте этот процесс приобретает особое значение через системное взаимодействие цифровых технологий и традиционных форм коллективной памяти [Du et al., 2022; Ge, Meng, 2022].

Эта исследовательская перспектива определяет цель работы – выявление механизмов конструирования национальной коллективной памяти посредством мультимодального анализа рекламного дискурса «красного туризма» в ведущих китайских социальных медиа (2018–2023). Реализация этой цели предполагает решение трех взаимосвязанных задач: 1) исследование специфики использования и взаимодействия текстуальных, визуальных и аудиальных компонентов в рекламе «красного туризма»; 2) выявление особенностей мультимодальных форм трансформации исторического нарратива в социальных медиа; 3) определение особенностей восприятия мультимодального исторического контента аудиторией.

Актуальность исследования определяется необходимостью углубленного понимания механизмов цифровой трансформации коллективной памяти в современном обществе. Китайский опыт цифровой медиации исторического наследия представляет особую ценность для осмысления общих закономерностей адаптации традиционных форм исторической трансмиссии к условиям цифровой коммуникации. Анализ этого опыта позволяет выявить эффективные механизмы поддержания культурной преемственности и социальной консолидации в цифровую эпоху.

Методология исследования. Эмпирическую базу исследования составляют 237 рекламных материалов «красного туризма», размещенных на ведущих китайских социальных платформах (WeChat, Weibo, Douyin, Bilibili) в период 2018–2023 гг.

Методологическая стратегия исследования реализуется на трех взаимосвязанных уровнях анализа. На первом уровне осуществляется мультимодальный анализ семиотических ресурсов, включающий: дискурс-анализ вербального компонента (дискурсивные стратегии, ключевая лексика, риторические приемы), визуально-семиотический анализ (композиционная структура, символические элементы, технологические решения), анализ аудиального компонента (музыкальное оформление, звуковые эффекты).

Второй уровень сосредоточен на исследовании цифровой трансляции исторического контента через анализ инновационных форм репрезентации и оценку их эффективности. Количественный анализ, базирующийся на автоматизированном сборе данных о пользовательском взаимодействии, включает систематизацию показателей вовлеченности (просмотры, лайки, репосты) и их динамики за исследуемый период.

Третий уровень фокусируется на исследовании пользовательской рецепции через качественный анализ 865 комментариев с высоким рейтингом, отражающих характер восприятия исторического контента. Анализ направлен на выявление типичных паттернов интерпретации исторического материала, эмоционального отклика на различные формы мультимодальной репрезентации и оценку их эффективности в конструировании исторической памяти.

Интеграция количественных и качественных методов позволяет выявить как особенности мультимодальной репрезентации исторического контента в цифровой среде, так и специфику его восприятия аудиторией, что обеспечивает комплексное понимание механизмов конструирования коллективной памяти в современном медиапространстве.

Мультимодальное конструирование исторической памяти в цифровой среде.

В туристической рекламе «красные ресурсы» обретают новую семиотическую многомерность: взаимопроникновение текстуальных, визуальных и аудиальных модальностей формирует качественно иную среду исторической репрезентации, где линейное повествование уступает место интерактивному конструированию коллективного опыта:

(1) Текстуальное измерение социальных медиа, создавая новую инфраструктуру памяти [Couldry, Nepp, 2016], трансформирует способы передачи исторического наследия Коммунистической партии Китая (КПК) через актуализацию и интенсификацию личного эмоционального переживания революционной истории. Этот процесс материализуется в значимой трансформации дискурсивных паттернов: частотность традиционных революционных формулировок (таких как «упорная борьба», «самоотверженное служение») снижается с 35,7 до 15,2% (2018–2023), уступая место экспрессивным конструкциям личного переживания («прикоснуться к истории», «почувствовать исходную миссию»), доля которых возрастает с 22,3 до 52,8% (табл. 1).

Такое изменение создает новый формат исторического повествования, где прошлое воспринимается через непосредственный опыт современных пользователей. Особое значение приобретает эмоциональный компонент исторической репрезентации: аффективные элементы становятся ключевым механизмом передачи и усвоения исторической памяти. Анализ лексического состава рекламы обнаруживает преобладание позитивно окрашенной лексики (67,3%, например, «славный», «великий», «величественный», «вдохновляющий») над нейтральной (28,5%, например, «исторический», «развитие», «строительство») и негативной (4,2%, например, «тяжелый», «жертва») (табл. 2).

Таблица 1

Динамика дискурсивных стратегий в туристической рекламе «красных ресурсов» (2018–2023 гг., в %)

Тип дискурса	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Традиционный революционный дискурс	35,7	32,4	28,9	24,3	18,5	15,2
Персонализированный интерактивный дискурс	22,3	25,8	31,2	38,6	46,9	52,8
Гибридный дискурс	42	41,8	39,9	37,1	34,6	32

Таблица 2

Частотность эмоционально маркированной лексики в рекламных текстах (2018–2023 гг., в %)

Категория эмоциональных маркеров	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Позитивные маркеры	45,2	51,4	58,7	62,3	65,8	67,3
Нейтральные маркеры	48,6	42,3	36,5	33,2	30,1	28,5
Негативные маркеры	6,2	6,3	4,8	4,5	4,1	4,2

Таблица 3

**Структура визуальных элементов в рекламе «красного туризма»
(2018–2023 гг., в %)**

Категория и субкатегория	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Архитектурные доминанты	42,3	41,8	41,2	40,7	40,1	39,4
Мемориальные комплексы	24,5	24,2	23,8	23,5	23,1	22,8
Исторические здания	17,8	17,6	17,4	17,2	17	16,6
Персонифицированные референции	28,7	28,4	28,1	27,8	27,5	27,2
Индивидуальные портреты	16,4	16,2	16	15,8	15,6	15,4
Групповые композиции	12,3	12,2	12,1	12	11,9	11,8
Революционная атрибутика	21,5	23,1	21,3	21,1	20,7	20,5
Символические объекты	13,2	13,1	13	12,9	12,8	12,7
Военные артефакты	8,3	8,2	8,1	8	7,9	7,8
Коммеморативные объекты	7,5	8,5	9,6	10,6	11,7	12,9
Памятники	4,2	4,8	5,4	6	6,6	7,2
Мемориальные доски	3,3	3,7	4,2	4,6	5,1	5,7

Эта трансформация особенно отчетливо прослеживается в рекламе мемориального комплекса Яньань¹, где замещение идеологических констатаций («революционная победа») эмоционально-иммерсивными формулировками («момент вдохновения», «диалог с историей») знаменует переход к новой модели исторической репрезентации. В этой модели посетитель становится не пассивным реципиентом исторического нарратива, а активным участником конструирования мнемонического опыта, где индивидуальное переживание прошлого трансформируется в механизм коллективной идентификации.

(2) Визуальная модальность в рекламе «красного туризма» отражает взаимодействие между традиционными формами символической репрезентации и новыми способами цифровой реконструкции памяти. Цифровые технологии существенно трансформируют не только инструментальный уровень визуальной коммуникации [Kress, van Leeuwen, 2020], но и сами механизмы формирования исторической памяти, создавая новые формы диалога между прошлым и настоящим.

Квантитативный анализ визуального корпуса эксплицирует архитектуру символического пространства, где каждый уровень участвует в многомерном процессе конструирования коллективной памяти (табл. 3).

Архитектурные доминанты (42,3%) конструируют систему исторического нарратива через пространственную организацию революционной памяти. В ключевых локациях (пагода Яньань, мемориальный комплекс Цзинганшань и т.д.) мемориальные комплексы и исторические здания создают особую драматургию исторического повествования, где физическое перемещение в пространстве синхронизируется с движением по слоям исторической памяти, формируя у посетителей целостное понимание революционной истории КПК.

Персонифицированные референции (28,7%) трансформируют индивидуальный революционный опыт в универсальные модели социального поведения. Визуализация исторических личностей (Мао Цзэдун у пещеры в Яньане, Чжу Дэ с бойцами и т.д.) создает сложную систему идентификации, где конкретные исторические фигуры становятся

¹ Реклама города Яньань. URL: <https://www.bilibili.com/video/BV1df4y1q7is?t=0.5> (дата обращения: 09.09.2024).

воплощением революционных ценностей, а их образы формируют эмоциональные и идеологические паттерны для современного восприятия революционного наследия КПК.

Революционная атрибутика (21,5%) представляет концентрированное выражение революционного опыта в материальных символах. Каждый артефакт (знамя Красной армии, эмблема восстания и т.д.) через форму, цвет и композицию создает многоуровневое смысловое пространство, где исторические реликвии становятся активными инструментами конструирования современного исторического сознания, сохраняя при этом аутентичность и идеологическую значимость.

Коммеморативные объекты (7,5%) создают фиксированные точки ритуализации исторической памяти в физическом пространстве. Мемориальные комплексы, памятники мученикам и стелы похода формируют устойчивую систему пространственных координат, где коллективные ритуалы памяти обретают материальное воплощение. Эти объекты становятся центрами регулярной реактуализации исторического опыта, обеспечивая преемственность революционных традиций через ритуализированные практики коммеморации.

Примером рекламы является VR-экспозиция Музея истории реформ и открытости в Шэньчжэне², где цифровые технологии создают многомерное пространство исторической репрезентации. Интеграция архивных материалов, исторических фотографий и виртуальных реконструкций позволяет не просто наблюдать, но активно взаимодействовать с ключевыми моментами истории. Виртуальное пространство музея трансформирует линейное повествование о реформах в интерактивный опыт исторического познания, где каждый посетитель становится активным участником процесса реконструкции коллективной памяти. Этот синтез пространственных практик, цифровых технологий и исторических нарративов конституирует новый тип мнемонического опыта, демонстрируя, как современные технологии могут обогащать и углублять процесс трансляции исторического наследия.

Аудиальная модальность обладает уникальным потенциалом в конструировании исторической памяти благодаря способности звука создавать непосредственное эмоциональное переживание исторического опыта. Количественный анализ выявляет системное использование различных звуковых элементов: революционные песни и элементы фольклора интегрированы в 61% контента, формируя многоуровневое пространство исторического восприятия.

Революционные песни становятся ключевым механизмом трансляции исторических ценностей. Примером служит аудиальное оформление туристической зоны Сибайпо, где песня «Страна» через сочетание традиционной мелодики и современной аранжировки создает эмоциональный мост между историческим содержанием и современным восприятием. Текст песни: «Обрести державу, мудро править ею, всем сердцем разделяя радости и печали народа» – раскрывает фундаментальный принцип народоцентричности КПК, а музыкальное сопровождение усиливает его эмоциональное воздействие.

Интеграция локального фольклора создает дополнительный уровень культурной идентификации. Народные мелодии, обработанные современными цифровыми технологиями, сохраняют свою историческую подлинность и одновременно обретают новую форму выразительности. Этот синтез традиционного и современного позволяет молодому поколению воспринимать исторические ценности через близкие им культурные формы.

Мультимодальная синергия в цифровой среде формирует новую экологию мнемонических практик. Взаимопроникновение различных семиотических систем создает уникальное пространство смыслообразования, где каждый элемент обретает новые измерения в процессе конструирования исторического опыта. Эта трансформация знаменует изменение механизмов социальной идентификации: множественность модальностей не только интенсифицирует трансляцию исторического опыта, но и создает новые формы

---

² Реклама музея истории реформ и открытости Шэньчжэня. URL: <https://www.gdggkf.com/zg/vrm/index.html> (дата обращения: 09.10.2024).

коллективного самосознания, превращая технологическую медиацию в определяющее условие формирования социальной памяти.

Механизм этой трансформации раскрывается через синергию семиотических систем, каждая из которых выполняет свою уникальную функцию в конструировании исторического опыта. Текстуальная модальность становится основой когнитивного структурирования исторической информации, визуальная модальность создает систему эмоционально-образных якорей коллективной идентификации, а аудиальная модальность формирует особые темпоральные режимы исторического переживания. В их взаимном усилении рождается новое качество восприятия истории, где исторические смыслы конструируются через сложную систему модальных резонансов, преодолевающую ограничения традиционных форм исторической репрезентации.

Результатом этого процесса становится преобразование механизмов исторической трансмиссии. Традиционная вертикальная модель передачи исторического нарратива уступает место сетевой структуре коммуникативных практик, где каждый участник активно включается в процесс конструирования исторической памяти. Цифровые платформы в этом контексте трансформируются из простых каналов коммуникации в пространство формирования принципиально новых мнемонических паттернов, определяющих характер коллективного исторического сознания в цифровую эпоху.

Реклама туристической зоны Имэншань³ демонстрирует синергетический эффект креативной интеграции различных модальностей в конструировании исторической памяти. Текстуальное измерение кампании через призыв «Споем “Минора гор Имэншань”!» трансформирует традиционный фольклор из исторического контекста революционной мобилизации в пространство современной цифровой коммуникации, создавая новый формат взаимодействия с историческим наследием. Интеграция локального фольклора в революционный нарратив материализует принцип «Линия масс» КПК, демонстрируя органическое единство революционной традиции и народной культуры. Этот дискурсивный поворот не только преодолевает темпоральную дистанцию, но и создает новые механизмы освоения революционного наследия через формы, резонирующие с современным культурным опытом.

Визуальное решение — композиция с Мао Цзэдуном в окружении детей в красных галстуках и военной форме разных исторических периодов — формирует многоуровневое символическое пространство, где элементы разных эпох создают целостный образ исторической преемственности. Красные галстуки выступают символом революционного духа в новом поколении, военная форма различных периодов визуализирует историческую непрерывность революционных традиций, а взаимодействие лидера с детьми материализует механизм межпоколенческой трансмиссии революционных идеалов. Такое визуальное повествование синтезирует историческую значимость с эмоциональной доступностью, где детские образы становятся медиатором между историческим содержанием и современным восприятием.

Аудиальный компонент, представленный песней «Минора гор Имэншань», отражает органичное сочетание исторической аутентичности и современной интерпретации. Эта песня, рожденная в революционной борьбе, через цифровую обработку обретает новое культурное измерение: сохранение оригинальной народной мелодики отражает преемственность культурной традиции; интеграция современных музыкальных элементов усиливает резонанс с молодежной аудиторией; современная интерпретация темы служения народу обеспечивает актуализацию революционного содержания в новом социокультурном контексте.

Таким образом, мультимодальная конвергенция в цифровой среде трансформирует не только формы исторической трансмиссии, но и сами механизмы социального конструирования реальности. Технологическая медиация выступает здесь не просто инструментом

³ Реклама туристической зоны гор Имэншань. URL: <https://www.bilibili.com/video/BV12t411L7GM> (дата обращения: 05.09.2024).

модернизации коммуникативных практик, но и катализатором новых форм коллективного самосознания, где историческая память конструируется через сложную систему модальных взаимодействий.

Динамика мультимодальной репрезентации «красных ресурсов». Эмпирический анализ материалов рекламы «красного туризма» в китайских социальных медиа ($N = 237$, 2018–2023 гг.) эксплицирует реконфигурацию механизмов конструирования коллективной памяти в цифровую эпоху. Комплексная трансформация семиотического пространства проявляется не только в количественном обогащении модальной архитектуры (от 5,9 модальностей в 2018 г. до 13,9 в 2023 г.) (табл. 4), но и в качественном преобразовании самой логики мнемонических практик.

Системный анализ семиотической динамики раскрывает комплексную стратификацию этой трансформации (табл. 5). В визуальном измерении происходит переход от классической иконографии (фотографии и изображения – 100%) к многомерной визуальной экологии, где традиционные формы обогащаются динамическими нарративами (видео-контент: от 35,4 до 88,5%) и информационной визуализацией (графические элементы: от 42,3 до 84,2%). Особую значимость приобретает интеграция иммерсивных технологий – от информационного картирования (инфографика: от 22,3 до 72,8%) и динамической репрезентации (анимация: от 15,6 до 63,4%) к пространственному моделированию (3D: до 45,6%) и виртуальной реконструкции (VR/AR: до 28,5%). Эта эволюция визуальной семиотики знаменует сдвиг в механизмах исторического познания: многослойная визуализация не просто иллюстрирует исторические события, но и создает особую оптику восприятия прошлого, где каждый визуальный элемент функционирует как точка кристаллизации коллективной памяти. Синтез документальной образности с современными технологиями визуализации формирует эффект пространственно-временного континуума, позволяющего пользователю физически ощутить свое присутствие в историческом хронотопе, что существенно усиливает процессы мнемонической фиксации и эмоциональной идентификации с историческим наследием.

Аудиальное измерение демонстрирует развитие от базовой эмоциональной модуляции, где доминирует музыкальное сопровождение (от 45,6 до 88,4%), к сложной звуковой архитектонике, интегрирующей нарративный компонент (закадровый текст: от 28,4 до 78,5%), акустическое моделирование (звуковые эффекты: от 18,5 до 68,4%),

Таблица 4

**Интеграция модальностей и показатели
вовлеченности аудитории (2018–2023)**

Год	Среднее количество интегрированных модальностей	Среднегодовой коэффициент вовлеченности*, %
2018	5,9	4,2
2019	7,4	5,7
2020	9,3	6,9
2021	11,3	7,9
2022	12,7	8,8
2023	13,9	9,5

Примечание. * Среднегодовой коэффициент вовлеченности (СКВ) рассчитывается по формуле: $СКВ = \sum(W_i \times E_i) / (N \times 100)$, где W_i – весовой коэффициент для каждого типа взаимодействия (просмотры: 0,5, лайки: 1,0, комментарии: 2,0, сохранения: 1,5, репосты: 1,8), E_i – среднее количество соответствующих взаимодействий на публикацию в год, N – общее количество публикаций за год. Весовые коэффициенты отражают степень активного вовлечения пользователя во взаимодействие с контентом.

Таблица 5

**Динамика использования модальностей в рекламных видеороликах «красного туризма»
(2018–2023 гг., в %)**

Тип модальности	2018	2019	2020	2021	2022	2023
<i>Визуальные модальности</i>						
Фотографии и изображения	100	100	100	100	100	100
Видеоконтент	35,4	48,6	62,8	75,3	84,2	88,5
Инфографика	22,3	35,7	48,4	58,6	65,4	72,8
Анимация	15,6	28,4	42,3	52,8	58,6	63,4
Графические элементы и иконки	42,3	55,6	64,8	72,5	78,4	84,2
3D-моделирование	–	12,4	22,6	32,5	38,4	45,6
VR/AR-технологии	–	–	8,4	15,6	22,4	28,5
<i>Аудиальные модальности</i>						
Музыкальное сопровождение	45,6	58,4	68,5	75,4	82,6	88,4
Закадровый текст	28,4	42,5	55,6	65,8	72,4	78,5
Звуковые эффекты	18,5	32,6	45,8	55,4	62,5	68,4
Архивные аудиоматериалы	12,4	25,6	38,4	45,6	52,4	58,6
Интервью и комментарии	8,5	18,4	28,6	38,5	45,6	52,4
<i>Текстовые модальности</i>						
Основной текст	100	100	100	100	100	100
Заголовки и подзаголовки	85,4	88,6	92,4	94,5	96,8	98,2
Ключевые слова и теги	65,4	72,8	78,5	84,6	88,5	92,4
Субтитры	32,5	45,6	58,4	68,5	75,4	82,6
Цитаты и выдержки	28,4	42,5	55,6	65,4	72,6	78,5
Описания и аннотации	45,6	58,4	68,5	75,4	82,3	86,4

Примечание. Данные основаны на анализе контента основных китайских социальных платформ (WeChat, Weibo, Douyin, Xiaohongshu, Bilibili). Прочерк (–) означает статистически незначимое присутствие модальности.

документальную аутентичность (архивные материалы: от 12,4 до 58,6%) и персональные свидетельства (интервью: от 8,5 до 52,4%). Эта трансформация аудиального пространства имеет принципиальное значение для конструирования коллективной памяти: звуковые элементы не просто создают эмоциональный фон, но выступают активными триггерами мнемонических процессов, где темпоральная структура звука (ритм, темп, тембр) формирует особую сенсорную матрицу исторического опыта. Синтез документальной звуковой фактуры с современными акустическими технологиями создает эффект «темпорального моста», позволяющего преодолеть хронологическую дистанцию через непосредственное чувственное восприятие исторической реальности.

В текстовой модальности прослеживается закономерное сочетание информационной структурированности и нарративной гибкости: базовый текст (100%) обогащается системой семиотических элементов – от организационных (заголовки: от 85,4 до 98,2%) и навигационных (ключевые слова: от 65,4 до 92,4%) до документальных (цитаты: от 28,4 до 78,5%) и контекстуальных (описания: от 45,6 до 86,4%). Такого рода эволюция текстуальной модальности представляет собой не просто расширение информационного

поля, но качественную трансформацию механизмов смыслообразования в цифровой среде. Многоуровневая текстуальная архитектура создает систему «смысловых якорей», где каждый элемент выполняет специфическую когнитивную функцию: заголовки структурируют ментальное пространство, ключевые слова формируют понятийный аппарат исторического мышления, цитаты обеспечивают документальную верификацию, а описания создают необходимый контекстуальный фон. Такая организация текстуального пространства способствует формированию более глубокого и структурированного исторического сознания, где индивидуальное восприятие органично встраивается в коллективную мнемоническую матрицу.

Пользовательская рецепция мультимодального контента. Корреляционный анализ (см. табл. 4) верифицирует не только количественную взаимосвязь между усложнением семиотической структуры и интенсификацией пользовательского вовлечения (от 4,2 до 9,5%), но и качественную трансформацию в восприятии исторического контента: обогащенная семиотическая репрезентация существенно повышает интерес пользователей к историческому материалу и степень его понимания, усиливая мотивацию к активному освоению исторического нарратива, что обеспечивает более эффективную трансляцию исторической памяти.

Качественный анализ высокорейтинговых комментариев ($N = 865$) к рекламным материалам «красного туризма» эксплицирует трансформацию механизмов конструирования коллективной памяти в цифровую эпоху. В пользовательской рефлексии артикулируется не просто технологическая модернизация исторического нарратива, но принципиальное переосмысление самой природы мнемонических практик. Распределение внимания между модальностями (визуальные – 73,1%, аудиальные – 62,5%, текстовые – 59,8%)⁴ свидетельствует о формировании новой экологии исторического сознания, где цифровые платформы, выполняя функцию канала трансляции, оказываются активными агентами конструирования коллективной памяти.

Визуальное восприятие исторического контента демонстрирует качественное преобразование механизмов конструирования коллективной памяти. Анализ тематической структуры пользовательских откликов выявляет три основных паттерна рефлексии: положительная оценка достоверности цифровых реконструкций (42,1% – визуально-ориентированных комментариев), где высокая точность визуализации существенно повышает доверие к историческому нарративу; эмоциональное погружение в историческую реальность (35,2%), характеризующееся глубоким сопереживанием историческим событиям; и критический анализ визуальных репрезентаций (22,7%), отражающий эффективность формирования нового типа визуальной грамотности в восприятии исторического материала.

В оценке исторической достоверности проявляется принципиальное изменение механизмов исторического познания. Пользователи фиксируют возникновение нового типа документальной точности: *«VR-моделирование позволяет детально проследить каждый этап исторического события, подтверждая его документальными свидетельствами»*. Технологическая точность трансформирует саму природу исторического восприятия: каждый элемент визуальной реконструкции становится верифицируемым источником познания прошлого. Эмоциональное погружение в исторические события обретает особую глубину через цифровые реконструкции ключевых моментов истории: *«Ощущение полного присутствия в гуще событий создает неизгладимое впечатление, помогая прочувствовать драматизм исторического момента»*. Этот феномен знаменует становление нового типа исторической эмпатии, где технологическое опосредование создает эффект непосредственного соприкосновения с прошлым, преобразуя абстрактное знание в живой исторический опыт.

⁴ Суммарный показатель превышает 100%, так как в рамках качественного анализа один пользовательский комментарий может содержать рефлексию по поводу нескольких модальностей одновременно.

Анализ восприятия аудиального контента выявляет уникальные механизмы звуковой активации исторической памяти. В структуре пользовательских откликов выделяются три основные направления рефлексии: высокая оценка органичного синтеза исторической подлинности и современной аранжировки (47,8% – аудио-ориентированных комментариев), где звуковая модернизация усиливает эмоциональное воздействие исторического материала; глубокое эмоциональное погружение через звуковую атмосферу (32,5%), создающее эффект непосредственного соприкосновения с историческими событиями; активизация исторического сознания через звуковые триггеры (19,7%), способствующая формированию устойчивых мнемонических паттернов.

Особую значимость в конструировании исторической памяти приобретают звуковые реконструкции военных событий. Пользователи отмечают их исключительную способность создавать эффект исторического присутствия: *«Когда слышишь аутентичные звуки боя, крики бойцов, грохот орудий – ощущаешь себя непосредственным свидетелем событий»*. Этот феномен демонстрирует уникальную роль звука в преодолении временной дистанции: в отличие от визуальных образов, звуковые паттерны активируют более глубокие слои коллективной памяти, создавая почти физическое ощущение сопричастности историческому моменту. Современные интерпретации революционных песен формируют особый механизм межпоколенческой трансляции исторической памяти. Показательна реакция на новую аранжировку классических произведений: *«В современной обработке революционная песня сохраняет свою историческую мощь, но становится ближе и понятнее нашему поколению»*. Этот синтез исторической аутентичности и современной эстетики создает уникальное пространство культурной преемственности, где революционное наследие актуализируется через живой музыкальный опыт, формируя эмоциональную связь между историческим содержанием и современным восприятием.

В текстовой рецепции прослеживается качественное изменение характера исторического познания. Анализ пользовательских откликов эксплицирует три ключевых изменения этой трансформации: качественное углубление исторического понимания (44,8% комментариев о текстовом компоненте), где цифровой формат создает условия для многомерного освоения источников; становление исследовательской культуры (35,2%), проявляющееся в развитии навыков самостоятельного анализа; формирование критического мышления (20%), отражающее переход от пассивной рецепции к активному смыслообразованию.

Углубление исторического понимания особенно ярко проявляется в новом качестве работы с документами. В комментариях пользователи подчеркивают принципиальное изменение познавательных практик: *«Цифровой формат позволяет не просто читать, а исследовать исторические материалы, сопоставляя источники и версии, что создает объемное понимание исторического процесса»*. Технологическая медиация создает условия для более глубокого проникновения в смысловые пласты истории, где каждый документ становится отправной точкой самостоятельного исследования.

Не менее значимым оказывается формирование критического мышления, что отражается в способности к многомерному анализу исторических событий. Как отмечают пользователи: *«Возможность самостоятельного изучения и сопоставления различных источников позволяет увидеть историческое событие во всей его сложности, преодолевая упрощенные интерпретации»*. Этот феномен свидетельствует о преобразовании исторического сознания, где цифровая среда становится пространством формирования нового типа исторического мышления, основанного на критическом осмыслении прошлого.

Заключение. Исследование раскрывает трансформацию механизмов конструирования коллективной памяти в цифровую эпоху. Мультимодальный дискурс социальных медиа создает качественно новую среду исторической репрезентации, где множественность семиотических ресурсов не просто расширяет каналы трансляции опыта, но формирует глубокое пространство освоения коллективного наследия. Анализ пользовательской рецепции верифицирует значимость цифровых платформ в конструировании национальной

памяти: мультимодальная организация контента, сочетающая рациональное осмысление с эмоциональным проживанием истории, существенно интенсифицирует процессы мнемонической идентификации.

Ключевая особенность этой трансформации проявляется в преодолении традиционно-го разрыва между трансляцией исторического знания и его интериоризацией. Социальные медиа, интегрируя различные модальности репрезентации, формируют эффект непосредственного соприкосновения с историческим опытом. При этом технологическая опосредованность способствует такому соприкосновению, что подтверждается высокими показателями пользовательской вовлеченности и глубиной рефлексии в комментариях. Мультимодальный дискурс позволяет моделировать исторический контекст во всей его полноте: от воссоздания визуальной среды до репрезентации эмоциональной атмосферы эпохи.

Принципиальное значение имеет трансформация роли субъекта в освоении исторического наследия. Мультимодальность коммуникации и интерактивность социальных платформ преобразуют позицию пользователя от пассивной рецепции к активному соучастию в конструировании национальной памяти. Этот переход от монологической трансляции к диалогическому взаимодействию создает условия для более глубокой интериоризации коллективного опыта: историческое знание органично встраивается в структуру личностного опыта, формируя устойчивые паттерны социальной идентификации.

Мультимодальный дискурс формирует многоуровневый контекст восприятия исторического материала, где синергия документальной достоверности с эмоциональным вовлечением, интеллектуального осмысления с непосредственным переживанием создает новое качество исторического сознания. Каждая модальность вносит свой уникальный вклад в этот процесс: визуальная создает эффект присутствия и эмоционального погружения, аудиальная формирует темпоральные режимы исторического переживания, текстуальная обеспечивает когнитивное структурирование опыта. В их взаимном усилении возникает особое пространство исторической памяти, где рациональное понимание прошлого неразрывно связано с его эмоциональным освоением.

Исследование демонстрирует, что эффективность мультимодального дискурса в конструировании коллективной памяти определяется способностью создавать целостное пространство исторического опыта. В этом пространстве различные семиотические ресурсы становятся активными агентами формирования исторического сознания, преобразуя абстрактное историческое знание в живой опыт коллективного самосознания. Такая трансформация механизмов мнемонической трансмиссии имеет фундаментальное значение для понимания процессов социальной консолидации в современном обществе, где социальные медиа оказываются определяющей средой конструирования и воспроизводства национальной памяти.

Опыт конструирования национальной памяти через мультимодальный дискурс социальных медиа демонстрирует возможность органичного сочетания традиционных форм исторической трансмиссии с инновационными механизмами цифровой коммуникации. Эта модель имеет универсальное значение для понимания того, как современные общества могут эффективно поддерживать культурную преемственность и социальную солидарность в условиях глобальной медиатизации коллективного опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Артамонов Д. С. Медиапамять: теоретический аспект // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. № 2. С. 65–83. [Artamonov D. S. (2022) Media Memory: Theoretical Aspect. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. No. 2: 65–83. (In Russ.)]
- Тихонова С., Артамонов Д. Историческая память в социальных медиа. СПб.: Алетея, 2021. [Tikhonova S., Artamonov D. (2021) *Historical Memory in Social Media*. Saint Petersburg: Aleteiya. (In Russ.)]
- Bijsterveld K., van Dijk J. (2009) *Sound Souvenirs: Audio Technologies, Memory and Cultural Practices*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Couldry N., Hepp A. (2016) *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press.

- Du Tao, Bai Kai, Huang Qingyan, Wang Xin (2022) Social Construction and Core Values of Red Tourism Resources. *Tourism Tribune*. No. 37(07): 16–26. DOI: 10.19765/j.cnki.1002–5006.2022.07.007 (In Chin.)
- Erll A. (2011) *Memory in Culture*. London: Palgrave Macmillan.
- Feng Ya, Wu Han, Li Gang (2022) On Xi Jinping's Red Resource-Based View. *Library Tribune*. No. 1: 1–12. (In Chin.)
- Garde-Hansen J. (2011) *Media and Memory*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Ge Binchao, Meng Fuqin (2022) The Dissolution of Youth's Red Memory by Technological Supremacy and its Response. *Ideological Education Research*. No. 3: 90–96. (In Chin.)
- Halbwachs M. (1992) *On Collective Memory*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hoskins A. (2017) *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition*. London: Routledge.
- Hoskins A. (2011) Media, Memory, Metaphor: Remembering and the Connective Turn. *Parallax*. Vol. 17(4): 19–31.
- Kress G., van Leeuwen T. (2020) *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London: Routledge.
- Landsberg A. (2004) *Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture*. New York: Columbia University Press.
- Merrill S., Keightley E., Daphi P. (2020) *Social Movements, Cultural Memory and Digital Media: Mobilising Mediated Remembrance*. Cham: Palgrave Macmillan.
- van Dijk J. (2007) *Mediated Memories in The Digital Age*. Stanford: Stanford University Press.
- Xu Lingying, Tong Bing (2022) Creative Media Communication of Red Resources. *Contemporary Communication*. No. 2: 17–20. (In Chin.)
- Xu Xuqi (2021) Analysis of epochal significance and inheritance paths of Red Resources. *Zhejiang Archives*. No. 12: 3–16. DOI: 10.16033/j.cnki.33-1055/g2.2021.12.005 (In Chin.)

Статья поступила: 20.11.24. Финальная версия: 26.12.24. Принята к публикации: 09.01.25.

CONSTRUCTING COLLECTIVE MEMORY IN SOCIAL MEDIA: A MULTIMODAL ANALYSIS OF RED TOURISM ADVERTISING DISCOURSE IN CHINA

WANG Y.,

Sichuan University, China

Yuzhi WANG, PhD (Philol.), Postdoctoral Researcher, Senior Lecturer at Sichuan University Chengdu, China (yuzhiwang@yandex.ru).

Acknowledgements. This research was supported by the Fundamental Research Funds for the Central Universities of Sichuan University under the Special Project in Humanities and Social Sciences (Project No. 2024自研-外语05) and the Postdoctoral Research Fund of Sichuan University (Project No. skbsh2024-57).

Abstract. This study investigates the construction of collective memory through social media platforms by examining red tourism advertising in Chinese social media (2018–2023). Through multimodal analysis of 237 advertising materials, the author explores how digital platforms transform traditional mechanisms of historical memory transmission. The study employs an integrated methodological framework combining multimodal discourse analysis with user reception studies to examine how different semiotic resources interact in digital memory construction. The findings demonstrate that integrating of textual, visual, and audial modalities in social media creates an effective environment to transmit and internalize historical experiences. Analysis reveals how multimodal discourse in social platforms fosters new memory ecology, where the converging semiotic resources enable deeper assimilation of collective experiences. User reception analysis confirms that multimodal content organization, combining rational comprehension with emotional engagement, significantly enhances mnemonic identification processes. This paper contributes to understanding how digital platforms are transforming collective memory construction, offering insights into the potential of multimodal discourse in social media for preserving and transmitting historical heritage in the digital age. The findings advance theoretical perspectives on digital memory studies while demonstrating how traditional historical narratives may be effectively adapted to modern communication formats.

Keywords: national memory, multimodal analysis, collective memory, red tourism, digital memory mediation, cultural governance.

Received: 20.11.24. Final version: 26.12.24. Accepted: 09.01.25.

© 2025 г.

С.А. КУДРИНА

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ЭТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Кудрина София Альбертовна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия (sofia-kudrina@mail.ru).

Аннотация. Социологи-позитивисты, вдохновленные идеями Просвещения и эмпиризма, стремились к удалению метафизики из социологии во имя прогресса, что и привело к утрате их теориями этического измерения. В качестве антитезиса идеям расового превосходства и выживания наиболее приспособленных в статье рассматривается идея прогресса, основанного не на отборе, а на солидарности и взаимопомощи. Социология, аргументирует автор статьи, служит гуманитарным целям, если, стремясь к научной объективности, не только не множит количество отверженных, но и способствует их адаптации и оздоровлению социальной атмосферы. Важно соблюдение баланса между объективностью социологии и ее этическими основаниями и последствиями.

Ключевые слова: этический аспект социологической теории • философские основы социологии • научная объективность • социал-дарвинизм • нравственные оценки в социологии • солидарность • взаимопомощь • гуманитарные цели социологии • социология и этика

DOI: 10.31857/S0132162525010123

Внимание к этическому аспекту социологии в первую очередь связывают с научным этосом в эмпирической сфере, что весьма важно с точки зрения осмысления исследовательской деятельности. Не менее существенно рассмотрение нравственных основ самих социологических теорий как отправных точек, в значительной степени определяющих мотивы и цели деятельности ученых.

Вне зависимости от того, декларируется это явно или нет, построение социологических теорий невозможно вне мировоззренческой основы, а именно – представлений о природе человека и общества. Социологи, выбирающие те или иные философские основания социологии, либо ориентированы в явной или скрытой форме на различение добра и зла как критериев конструктивности/деструктивности деятельности (в том числе научной), либо намеренно игнорируют этическое измерение, что, в конечном счете, также есть определенная моральная позиция и результат морального выбора. Как заметил П.А. Сорокин, если посмотреть на историю мысли, можно обнаружить, что великий моралист, как правило, оказывался и великим социальным мыслителем, а великий социальный мыслитель – великим моралистом, так что «очень мало таких социологических произведений, если они вообще есть, которые были бы свободны от нравственных оценок,

таких, как «это желательно или нежелательно», «полезно или вредно», «прогрессивно или регрессивно», «справедливо или несправедливо», «нравственно или безнравственно», «социально или антисоциально»» [Сорокин, 2017: 160].

Позитивистские социологи, вдохновляемые идеями французского Просвещения и английского эмпиризма, подчеркнуто декларировали нейтралитет, свободу от оценок и дистанцировались от метафизики в пользу искомой научной объективности. Их отказ от метафизики также был предполагаемым условием достижения успеха в поисках здорового общества, развивающегося эволюционно. У некоторых из них это было сопряжено с пренебрежением человеком, который по тем или иным естественным причинам мешал проекту грядущего здорового общества: «Эти несовершенные существа – ошибки природы... Если они окажутся достаточно совершенны для жизни, то останутся жить... Если же они недостаточно совершенны, то умрут, и это лучшее, что такие существа могут сделать... Общество все-таки очищается действием этого закона от негодных в каком-либо отношении элементов» [Спенсер, 1872: 379]. Слова Г. Спенсера отражают его понимание принципа «равной свободы». В основе его социологической теории лежит эволюционистская идея, которая, в свою очередь, зиждется на своеобразном представлении о природе зла. Зло, как утверждает он в работе «Социальная статика», состоит исключительно «в недостатке приспособления к условиям существования» [Спенсер, 1872: 68]. Эволюционистская идея предполагает, что в человеке преобладает животная сущность и что общество должно непременно прогрессировать благодаря борьбе за существование, а это означает, что вредно вмешиваться в естественный процесс и «поощрять размножение наименее приспособленных», поскольку это помешает «размножению наиболее приспособленных» [Спенсер, 1872: 380]. Таким образом, прогресс, который так «необходим для благополучия англосаксонца» [Спенсер, 1872: 8], у социал-дарвинистов не просто рассматривается вне нравственного поля; он вообще мыслится как явный противовес милосердию.

Идея превосходства одних над другими по каким бы то ни было естественным признакам была весьма распространена в XIX в. Помимо социал-дарвинизма, сюда можно отнести также расово-антропологическую теорию. Эти идеи стали явным вызовом христианским нравственным ценностям, а именно идее любви к ближнему, предполагающей равенство всех по достоинству, поскольку каждый, вне зависимости от расовой принадлежности, социального положения и показателей здоровья, есть, по христианскому учению, образ и подобие Бога и, следовательно, достоин жизни, любви, уважения и милосердного к себе отношения. С точки зрения христианства социал-дарвинистская и расово-антропологическая идеи выглядели безжалостными и даже бесчеловечными. Н.А. Бердяев объяснил неприятие этих идей необходимостью «организовать иное управление миром, управление человеком, при котором не будет невыносимых страданий, человек человеку будет не волком, а братом» [Бердяев, 2008: 122]. Итак, встает вопрос: а можно ли допустить развитие социологии вне нравственного измерения? Н.К. Михайловский, русский социолог XIX века, восставая «против перенесения методов естественных наук в науки социальные», «настаивал на том, что в социологии неизбежны оценки» (прив. по: [Бердяев, 2008: 150]). Еще задолго до распространения нацистской идеи как логичного продолжения расово-антропологического подхода в социологии зарождается антитезис, основанный на несогласии с разделением людей на «полноценных» и «неполноценных» – все равны по достоинству. Чтобы не впасть в подобного рода антигуманные идеи, социологию как науку «о справедливом общежитии» [Кареев, 1922: 199], о «солидарности сознательных особей» [Арнольди, 1898: 129] ни в коем случае нельзя лишать нравственного идеала, как утверждал, к примеру, П.Л. Лавров (один из псевдонимов – С.С. Арнольди). По мнению П.А. Кропоткина, фактором прогресса является не борьба за существование и не естественный отбор, а взаимопомощь. «За последнее время, – писал он в работе «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса», – мы столько слышали о “суровой, безжалостной борьбе за жизнь”, которая якобы ведется каждым

животным против всех остальных; каждым “дикарем” против всех остальных “дикарей”, и каждым цивилизованным человеком против всех его сограждан, – причем подобные утверждения сделались своего рода догматом, религией образованного общества, – что было необходимо прежде всего противопоставить им обширный ряд фактов, рисующих жизнь животных и людей с совершенно другой стороны» [Кропоткин, 1922: 9]. При этом Кропоткин не отрицал и роли борьбы за существование, предлагая учитывать сочетание двух этих важных факторов – и борьбы за существование, и взаимной помощи. Ссылаясь на «Происхождение человека» Ч. Дарвина, Кропоткин утверждал: Дарвин признавал, что «“наиболее приспособленными” оказываются вовсе не те, кто физически сильнее, или хитрее, или ловчее других, а те, кто лучше умеет соединяться и поддерживать друг друга, как сильных, так и слабых, – ради блага всего своего общества». Так что социал-дарвинисты пошли в этом вопросе дальше Дарвина и несколько исказили (или, как это охарактеризовал Кропоткин, «сузили») его теорию [Кропоткин, 1922: 15]: «беспощадную борьбу из-за личных выгод они возвели на высоту принципа, закона всей биологии, которому человек обязан подчиняться» [Кропоткин, 1922: 16]. Замечания Дарвина относительно взаимной поддержки, «к несчастью, остались незамеченными» [Кропоткин, 1922: 14].

Стремление освободить социологическое теоретизирование от метафизики автоматически означало максимальное дистанцирование от этического измерения. Это дистанцирование во многом связано также с различием между отнесением к ценности и оценкой, с принципом свободы от оценки в социологии. Этическое измерение в таком случае может попасть в запретную область «оценивания»: ведь ученому нельзя «развивать, ни тем более защищать... какую-либо... ценностную позицию» [Вебер, 1990: 600]. В социологическом номинализме, таким образом, есть некая доля духовного и нравственного релятивизма: различие добра и зла представляется как некое «субъективное пристрастие»; следует «только понять, что представляет собой божественное для одного и что – для другого», ведь каждый «индивид должен решить, кто для него Бог и кто дьявол» [Вебер, 1990: 726], что есть добро, а что – зло, и поэтому «довольно обсуждать вопросы, уводящие нас слишком далеко» [Вебер, 1990: 727]. На эту этическую неопределенность обратила внимание П.П. Гайденко: если ставятся в один ряд харизматические лидеры Перикл, Клеон, Наполеон, Иисус Христос, Чингисхан на основании формального (идеально-типического) сходства черт их лидерства, то по каким критериям можно отличить «политика, каким был, например, Перикл, от политического демагога типа Гитлера, опиравшегося на суггестивно-эмоциональные формы воздействия на массы и потому вполне подходившего под веберовское определение харизматика»? (прив. по: [Вебер, 1990: 28]). Его мотивы, нравственные качества, содержание его идей, их созидательность или разрушительность – все то, что в той или иной мере относится к области духовно-нравственной, выносятся за скобки. Но можно ли игнорировать этот аспект? Если нет, он требует дальнейшего детального исследования.

С другой стороны, важно, чтобы социология не теряла своей научности. Именно поэтому П.А. Сорокин предположил, что социологии, для того чтобы служить этическим целям, необходимо быть независимой от этики: «Если социология и другие социальные науки хотят развиваться, они должны в этом отношении следовать естественным наукам. Это не означает недооценку моральных ценностей. Но это значит, что все хорошо на своем месте. Более того, я убежден, что чем больше эти науки будут прогрессировать в чисто научном отношении, тем больше будет у них возможностей служить нашим практическим потребностям и этическим целям» [Сорокин, 2017: 162]. Он рассматривал не столько приближение социологии к этике, сколько необходимость развития самой этики как научной дисциплины, основанной на глубоких, эмпирически обоснованных знаниях социальных наук: «В будущем этика, – предполагал он, – скорее всего, превратится в сложную дисциплину, которая, как медицина, будет указывать конкретные пути и средства осуществления того, что следует делать в той или иной конкретной ситуации. В основе этих рецептов будут лежать причинно-следственные связи, выявленные и обнаруженные другими

науками, которые изучают реальность такой, какова она есть» [Сорокин, 2017: 161–162]. Сорокин сводит этический аспект социологии к тому, как «должно быть» [там же: 159], к стремлению к «реализации идеала» [там же: 161], хотя этика далеко не ограничивается вопросом об общественном идеале, в ней достаточно понятий, лежащих в области личного выбора и межличностных отношений, – милосердие, любовь, эгоизм и т.д. Но нельзя не согласиться с тем, что социологическое знание как таковое неизбежно несет в себе этические последствия вне зависимости от того, хочет исследователь этого или нет. Таким образом, даже социология, свободная от ценностей, способна выполнять этическую функцию: «Наука, – писал Ф. Гиддингс, – не делает ничего большего, чем помогает нам смело встретиться с фактами... С фактами, которые социальные науки сделали общеизвестными и сделают еще более известными, которые способствовали бы уменьшению людских несчастий и более мудрой жизни, чем та, которой человеческая раса жила до сих пор» [Гиддингс, 2007: 164]. И здесь важно помнить, что рациональность и объективность ни в коем случае не должны обернуться наивностью и потерей бдительности. Та прекрасная перспектива, о которой солидарно говорят Гиддингс и Сорокин, открывается далеко не в любом этическом контексте. Всегда важен вопрос цели познавательной деятельности. Конечно, было бы хорошо, если бы всякий социолог добывал факты исключительно для углубления знания ради «уменьшения людских несчастий». Однако получение социологического знания и применение его всегда имеет мотив. И этот мотив далеко не всегда направлен на преодоление человеческих несчастий. Более того, есть откровенно манипулятивные техники, которые также вырастают из добытых социологами фактов, но эти факты нужны исключительно для так называемого «эффективного управления». В таком случае человек интересуется не сам по себе, а как капитал, как ресурс, из которого необходимо извлечь максимум пользы и при помощи которого можно получить больше прибыли, если исследования проводить с целью введения эффективной «системы эксплуатации», которое «может быть уподоблено установке усовершенствованной машины» [Тейлор, 1922: 32]. На выявление механизмов эксплуатации человека человеком и освобождение угнетенного класса была нацелена Марксова теория. Но и здесь благие намерения предполагали жертвы. Жертвы во имя справедливого будущего считались морально оправданными. Бороться с эксплуатацией нужно было непременно через разрушение прежней структуры, через революционное насилие, начинающееся с лишения угнетателей собственности и даже жизни. Светлое будущее потомков, гипотетический коммунистический рай предполагалось строить за счет жертв – ценой жизни ныне живущих. «Революции, – писал Питирим Сорокин, – скорее не социализируют людей, а биологизируют; не увеличивают, а сокращают все базовые свободы; не улучшают, а ухудшают экономическое и культурное положение рабочего класса. Карает же она... не столько аристократические классы, сколько миллионы беднейших и трудящихся классов, которые в своем пароксизме надеются раз и навсегда революционным путем покончить со своей нищетой» [Сорокин, 1992: 270].

Пример максимального включения этического аспекта в социальную науку можно увидеть у Якоба Леви Морено. Основываясь на христианской антропологии и рассматривая любого «человека как Богоподобное творческое существо», а не как животное, усматривая в нем духовное, социальное, творящее и действующее начала [Гриншпун, 2021: 15], он поставил цель исцеления человечества без предварительных разрушений и революционных переворотов и свой метод социометрии посвятил именно этой цели. Что подразумевалось под исцелением? Здесь имелся в виду прежде всего этический аспект. Метод социометрии не ограничивается диагностическими целями, он разработан Морено именно для помощи людям, которые по тем или иным причинам оказываются отверженными. Смысл выявления отвергнутых здесь полностью противоположен социал-дарвинистскому выживанию наиболее приспособленных. В работе «Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе» он утверждал, что социометрия позволяет обнаружить тех, кто находится на периферии социальных структур, и выработать

стратегию их включения в группу [Морено, 2001: 45]. Кроме того, Морено стимулировал таких членов группы к пониманию, что каждый из них не одинок и выжить они способны и без его участия, надо лишь объединиться и взаимно друг друга поддерживать. Тем самым он предотвращал их зависимость от него и поддерживал формирование сети взаимной поддержки, повышающей качество межличностного общения.

Этический аспект социологических теорий предполагает как объективный анализ моральных норм и ценностей, так и разработку методологических основ их диагностики в целях оздоровления общества. Если социология действительно «имеет гуманистическую природу», являясь «наукой об условиях развития и реализации природы человека» [Козырьков, 2021: 120], и если социологическая теория реально служит гуманитарным целям, то недопустимо даже под предлогом достижения научной объективности обесценивать «неприспособленных» и относить их к разряду «неполноценных» [Критическая социология заботы, 2019]. Напротив, гуманитарная направленность социологии означает, что она, активно включая мышление в терминах заботы [Макеева, 2024: 12–22], способствует как их адаптации, так и оздоровлению социальной атмосферы в целом [Мансуров, 2022: 118–128]. В этом смысле необходимо соблюдение баланса между объективностью социологии, с одной стороны, и ее этическими основаниями и последствиями – с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольди С.С. Задачи понимания истории. М.: Изд. М. Ковалевского, 1898.
- Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008.
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гиддингс Ф.Г. Социология как наука о человеческом обществе и человеческом поведении // Социология власти. 2007. № 6. С. 151–164.
- Гриншпун И.Б. Идеи Джексона Леви Морено в контексте развития западноевропейской и североамериканской психологии XX столетия. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021.
- Кареев Н.И. П.Л. Лавров как социолог // Лавров П.Л. Статьи, воспоминания, материалы. Пт.: Колос, 1922. С. 193–248.
- Козырьков В.П. О гуманистической направленности развития социологии. Философская антропология. 2021. Т. 7. № 2. С. 120.
- Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства. СПб.: ЕУ в СПб., 2019.
- Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. Пт.; М.: Голос труда, 1922.
- Макеева Т.В. Этика заботы: концепт, феномен, научный дискурс // Отечественный журнал социальной работы. 2024. № 1(96). С. 12–22.
- Мансуров В.А. «Социологи болеют за все общество в своей стране...» (интервью с В.А. Мансуровым) // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 118–128.
- Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Акад. проект, 2001.
- Сорокин П.А. Социология и этика // Наследие. 2017. № 2 (11). С. 158–162.
- Сорокин П.А. Социология революции // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 266–294.
- Спенсер Г. Социальная статика. СПб.: Изд. Н.П. Полякова, 1872.
- Тэйлор Ф. Искусство резать металл. Берлин: БИИТ, 1922.

Статья поступила: 15.07.24. Финальная версия: 18.12.24. Принята к публикации: 24.12.24.

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS AND ETHICAL CONSEQUENCES OF SOCIOLOGICAL THEORIES

KUDRINA S.A.

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Russia

Sofia A. KUDRINA, Cand. Sci. (Philos.), Head of the Department of Philosophy, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia (sofia-kudrina@mail.ru).

Abstract. The ethical dimensions of sociology encompass both the principles of scientific ethos in the empirical domain and the examination of moral foundations underlying sociological theories. The philosophical underpinnings of sociological concepts significantly shape their ethical implications. A key outcome of sociologists' rejection of metaphysical approaches (notably Christian traditions) in favor of scientific rigor and emphasis on the biological nature of humans and society has been a departure from the principle of equality in spiritual worth, leading to moral relativism and the potential endorsement of the superiority of certain individuals over others based on natural attributes. This raises a critical question: is it possible for sociology to develop independently of moral considerations? In conclusion, it is emphasized that sociology, while maintaining scientific objectivity, should remain a humanistically oriented discipline, fostering the protection of vulnerable social groups and promoting overall societal well-being.

Keywords: ethical aspect of sociological theories, philosophical foundations of sociology, scientific objectivity, Social Darwinism, moral assessments, solidarity, mutual aid, humanitarian aims of sociology, sociology and ethics.

REFERENCES

- Arnoldi S.S. (1898) *Tasks of Understanding the History*. Moscow: Izd. M. Kovalevskogo. (In Russ.)
- Berdyayev N. (2008) *The Russian Idea*. St. Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russ.)
- Critical Sociology of Care: Intersections of Social Inequality* (2019) St. Petersburg: EU v Spb. (In Russ.)
- Giddings F.H. (2007) Sociology as a Science of Human Society and Human Behavior. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 6: 151–164. (In Russ.)
- Grinshpoon I.B. (2021) *The Ideas of Jacob Levy Moreno in the Context of the Development of Western European and North American Psychology of the 20th Century*. Moscow: FSBEI HE MGPPU. (In Russ.)
- Kareev N.I. (1922) P.L. Lavrov as a Sociologist. In: Lavrov P.L. *Articles, Memories, Materials*. St. Petersburg: Kolos: 193–248. (In Russ.)
- Kozyrkov V.P. (2021) On the Humanistic Orientation of Sociology Development. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology]. Vol. 7. No. 2: 120. (In Russ.)
- Kropotkin P.A. (1922) *Mutual Aid Among Animals and Humans as a Driver of Progress*. Saint Petersburg, Moscow: Golos Truda. (In Russ.)
- Makeeva T.V. (2024) Ethics of Care: Concept, Phenomenon, Scientific Discourse. *Otechestvennyi zhurnal sotsialnoi raboty* [Domestic Journal of Social Work]. No. 1 (96): 12–22. (In Russ.)
- Mansurov V.A. (2022) "Sociologists Are Concerned About Society as a Whole in Their Country..." (Interview with V.A. Mansurov). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 118–128. (In Russ.)
- Moreno J.L. (2001) *Sociometry, Experimental Method and The Science of Society*. Moscow: Akadem. Proekt. (In Russ.)
- Sorokin P. (1992) Sociology of Revolution. In: Sorokin P. *Man. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat: 266–294. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2017) Sociology and Ethics. *Nasledie* [Heritage]. No. 2(11): 158–162. (In Russ.)
- Spencer H. (1872) *Social Statics*. St. Petersburg: Izd. N.P. Polyakova. (In Russ.)
- Taylor F. (1922) *On the Art of Cutting Metals*. Berlin: BINT. (In Russ.)
- Weber M. (1990) *Selected Works*. Moscow: Progress. (In Russ.)

Received: 15.07.24. Final version: 18.12.24. Accepted: 24.12.24.

© 2025 г.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РОССИИ НА НОВОМ ЭТАПЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

III Лапинские чтения состоялись 21–22 октября 2024 г., продолжив традицию ежегодного обсуждения проблем социокультурного развития России и ее регионов, начатую по инициативе и под руководством чл.-корр. РАН Н.И. Лапина в 2005 г. Чтения организованы Институтом философии РАН (ИФ РАН) и Вологодским научным центром РАН (ВолНЦ РАН).

Открывая мероприятие, **Л.А. Беляева** (ИФ РАН) подчеркнула, что Чтения проходят в изменившейся социальной и политической обстановке под влиянием внешних и внутренних вызовов, с которыми столкнулась сейчас Россия. Новые проблемы социального развития регионов России со всей очевидностью были выявлены в 2022–2023 гг. в ходе исследований в ряде регионов страны, а также восьмой волны всероссийского мониторинга Центра изучения социокультурных изменений ИФ РАН. В приветственном слове **А.А. Шабуновой** (ВНЦ РАН) было отмечено, что столь длительное существование инициативного проекта, начинавшегося с нескольких научных коллективов и увеличившегося со временем до 25 команд из разных регионов страны, демонстрирует, с одной стороны, научный и общественный интерес к проблематике проекта, с другой – наличие в регионах большого круга проблем, требующих изучения и разработки рекомендаций для органов управления. В 2023 г. опрос был проведен в семи регионах: Вологодской, Курской, Тюменской, Свердловской областях, Республиках Башкортостан и Чечня, Пермском крае. По результатам опроса была создана единая база данных «Социокультурный портрет регионов России – 2023», получившая свидетельство государственной регистрации. В центре обсуждений на Чтениях были как общетеоретические вопросы анализа развития России как государства-цивилизации, объединяющего территории с разным уровнем модернизационного развития, так и проблемы социокультурного своеобразия отдельных регионов. В докладе **А.А. Шабуновой** содержался анализ данных опроса в Вологодской области, проведенного совместно с Вологодским отделением Союза женщин России ($N=1500$). Было показано, как изменилась структура ценностей населения: в 2006 г. в ядре ценностей первые места занимали порядок и семья, сейчас же на первое место вышли жизнь человека, порядок и общительность, в целом выросла значимость традиционных ценностей. Для молодого поколения очень остро стоит ценность жизни, что неудивительно в обстановке существующей напряженности. При ранжировании опасностей, которые угрожают респондентам, на первые места вышли угрозы одиночества и бедности, а в Череповце особенно значима экологическая угроза. В развитии региона остро стоят демографическая проблема и миграция молодежи из всех типов населенных пунктов, в т.ч. из столицы и Череповца. Выявлено три основных фактора, провоцирующих эти проблемы: низкие зарплаты, трудности в решении жилищного вопроса и плохая доступность качественных медицинских услуг в связи с нехваткой квалифицированных медицинских кадров. Нерешаемость этих проблем ставит под угрозу статус Вологды и Череповца как крупных городов России с численностью более 300 тыс. человек и будущее существование небольших населенных пунктов.

Проблема неравномерной модернизации регионов и федеральных округов и взаимосвязь цивилизационной и модернизационной гетерогенности России была проанализирована в докладе **Л.А. Беляевой**. Показано, что регионы с низким уровнем вторичной модернизации, особенно располагаемые вдали от федерального центра, составляют территории со сложным цивилизационным набором признаков. Этим можно объяснить уязвимость и риски этих регионов при новых глобальных вызовах для России. Регионы СКФО были рассмотрены как фронтирные регионы страны. В отличие от разделяющей линейной границы, фронтир понимается в первую очередь как соединяющая переходная зона взаимодействия двух или более культур и/или политических структур. Их отличает полиэтничность, сложные межэтнические, языковые и религиозные отношения, разнообразие этнокультурных традиций. Проблема преодоления фронтирности должна решаться с опорой не только на преобразование институтов и повышение инвестиционной привлекательности регионов, но и на массовое сознание населения, его общероссийскую идентификацию и цивилизационный выбор. Выполненные в 2023 г. репрезентативные опросы: всероссийский мониторинг (проводится с 1990 г.) и массовые опросы населения СКФО вместе с ЮФО и СЗФО – показали довольно близкие мнения по большинству предложенных к оценкам проблем всероссийского и местного характера. Население СКФО идентифицирует себя с Россией, видит развитие своего региона на том пути, по которому идет вся страна, и лично для себя выбирает этот путь. Сравнение базовых компонентов национального и общероссийского менталитета позволяет предполагать наличие общих черт массового сознания населения разных регионов страны, в т.ч. на территории фронтирных регионов. Эти общие черты сложились за десятилетия совместного проживания в одном государстве с единой системой образования, социальной инфраструктурой, системой социализации и доминирующей идеологией. Население этих регионов солидарно со страной в оценках будущего России и своего места в общем цивилизационном процессе.

И.Н. Сиземская (ИФ РАН) обосновала в докладе положение, что ключевой темой, требующей конструктивного осмысления, становится проблема социокультурной эволюции России в сопряжении с факторами цивилизационного развития. Интерес к этой теме возник не сегодня и имеет свою долгую историю – достаточно вспомнить работу Н.Я. Данилевского «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (1871). Сегодня Россия включается в мировое сообщество на правах цивилизации, с жизненными устремлениями которой мировому сообществу приходится считаться. Этот факт в контексте проблемы социально-культурного развития России и ее регионов требует отдельного осмысления, в частности, вопрос о социально-культурных отношениях России с Западом и Запада с Россией в прошлом и настоящем, об их культурной близости, возникшей более 200 лет назад. Этот вопрос соотносится с задачами сохранения Россией национальной идентичности и вектора цивилизационного развития.

В.Т. Тарасов (Чебоксарский ф-л РАНХиГС) в рамках изучения субцивилизационных характеристик федеральных округов проанализировал гипотезу о влиянии факторов этнического разнообразия и этнической поляризации на экономический рост. Эконометрический анализ показал, что этническое разнообразие населения в регионах ПФО в основном способствует их экономическому росту, активизирует инновационную деятельность и, достигая определенного уровня, частично нейтрализует этническую поляризацию, по-видимому, за счет повышения социальных трансферов.

Г.Ю. Канарш (ИФ РАН) предпринял попытку переосмыслить современный путь развития российского общества, применив концепцию Б. Милановича «Капитализм и ничего больше». Было показано, что российский капитализм – вовсе не аномалия (как и аналогичный капитализм в Китае, Вьетнаме, других странах Азии и Африки), а нормальное явление для незападных стран при различии факторов успешного развития. Не только институты обеспечили феноменальный успех сегодняшнего Китая, но и национальный менталитет, на который оказало огромное влияние конфуцианство с его прагматическим

идеализмом. Для России важно оптимизировать государственное влияние, преодолеть противоречия экономической и социальной политики. В области политики необходимо усиление местного самоуправления, практически демонтированного в наше время.

Ю.Д. Гранин (ИФ РАН) остановился на характеристике смешанного консервативно-либерального типа развития, который реализуется в современной России с ориентацией во внутренней политике на «плебисцитарную демократию» и «федеративную империю», а во внешнеполитическом курсе – на модель многополярного мира, геополитические полюса которого будут заданы крупнейшими цивилизациями планеты. Этот тип демонстрирует свою эффективность в условиях чрезвычайных ситуаций, в которых оказалась страна в 2022–2024 гг., но в долговременной перспективе нуждается в корректировке. Вектор этой корректировки следует прочерчивать в плоскости стратегии системной модернизации страны.

Обсуждение проблем внутривнутриполитического развития страны продолжила **Е.А. Когай** (КурГУ), сосредоточившись на развертывании гражданского общества и гражданских практик в России в турбулентных условиях существования государства мобилизационного типа. Общие требования к функционированию гражданского общества – соблюдение прав человека и доверие к институтам общества имеют свои особенности в условиях обострения отношений с Западом. В опросе, проведенном в 2023 г. в семи регионах России, были зафиксированы разная степень доверия институтам регионального и общероссийского уровней и низкие показатели гражданского участия. Самое низкое доверие показали Пермская, Свердловская, Тюменская области и Республика Чечня, самое высокое – Республика Башкирия, Вологодская и Курская области. В условиях СВО в Курской области активизировались гражданские практики участия в помощи населению, вынужденному покинуть свои места жительства, в этой помощи активно участвуют многие жители Курской области, студенты, откликаясь как на призывы управленческих структур, так и самостоятельно осуществляя такую помощь. **Е.А. Плеханов** (Владимирский ф-л РАНХиГС) обратил внимание, что с началом СВО новый виток получило движение релокантов. На протяжении 2000–2010 гг. сформировались две группы релокантов. Первую группу составили молодые россияне, получавшие образование в учебных заведениях Европы и США, вторую – соотечественники, временно работающие за границей. Начавшись в 1990-х гг., отток высококвалифицированных кадров в последующие годы усилился, охватив и массовые профессии. По официальным данным, число россиян, уехавших на заработки за границу, увеличилось с 45 760 чел. в 2000 г. до 70 236 чел. в 2010 г. За первое десятилетие наступившего века международными гастарбайтерами стали, по меньшей мере, 450 тыс. соотечественников. Новая волна релокантов связана с началом специальной военной операции.

В центре внимания участников Чтений было качество жизни, его оценка в массовом опросе населения регионов. Данные по Тюменской области (**Е.В. Андрианова, В.А. Давыденко**, ТюмГУ), Пермскому краю (**Ю.С. Маркова, С.С. Соловьев, Е.Б. Плотнокова**, ПГНИУ) продемонстрировали, что здравоохранение занимает первое место в числе задач улучшения качества жизни. **К.Г. Косыгина** (ВолНЦ РАН) показала, что, несмотря на существенный историко-культурный потенциал Вологодской области, состояние инфраструктуры культурно-досуговой сферы характеризуется отрицательными изменениями по ряду показателей. За 2000–2022 гг. более чем на 30% сократилось количество библиотек и библиотечный фонд, на 44% – число организаций культурно-досугового типа и уменьшилась обеспеченность населения местами в данных учреждениях, наблюдается спад посещаемости кинозалов. Особенно заметно ухудшение ситуации в сельской местности. Для решения этих проблем особое значение приобретают проекты государственно-частного и муниципально-частного партнерства, показавшие свою эффективность в ряде российских регионов. Цифровое благополучие населения было рассмотрено в докладе **М.А. Груздевой** (ВолНЦ РАН), под которым понимается доступность информационных и компьютерных технологий, определяющих возможности использования цифровой среды для удовлетворения потребностей населения при соблюдении

баланса социальных преимуществ и минимизации возможных рисков. **Ю.А. Черновицкая** (ИФ РАН) сфокусировалась на влиянии информатизации на социальную стратификацию общества. Информатизация затрагивает не только социальные, но и индивидуальные особенности и характеристики человека, его внутреннюю среду. Некоторые авторы говорят даже о «бархатном» тоталитаризме – подконтрольной форме манипулирования сознанием и воображением, когда реклама способна создавать человеческие потребности и критерии счастья.

Г.В. Леонидова (ВолНЦ) разработала интегральный показатель качества трудового потенциала (КТП) региона, вбирающий в себя восемь компонентов: физическое и психическое здоровье, когнитивный потенциал, творческие способности, коммуникабельность, культурный и нравственный уровни, потребность в достижениях. Результаты мониторинга, проводившегося в Вологодской области с 1997 г., показали, что трудовой потенциал изменялся в эти годы несущественно. Позитивную динамику общего индекса обеспечивают самооценки здоровья (физического и психического), а также культурного и нравственного уровня, показывающие на протяжении всего периода исследований высокие значения. Негативный тренд, тормозящий динамику КТП, характерен для интеллектуальных и коммуникативных качеств, что отражает имеющиеся провалы в образовании и воспитании, в этом же направлении действует и появление новых, неустойчивых форм занятости, что характерно для рынка труда в России.

Л.А. БЕЛЯЕВА

БЕЛЯЕВА Людмила Александровна, д. социол. н., и.о. руководителя Центра изучения социокультурных изменений Институт философии РАН, Москва, Россия (bela46@mail.ru).

SOCIOCULTURAL EVOLUTION OF RUSSIA AND ITS REGIONS

DOI: 10.31857/S0132162525010137

Lyudmila A. BELYAEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Acting Head of the Center for the Study of Sociocultural Changes of the Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia (bela46@mail.ru).

© 2025 г.

НА ПУТИ К НОВОМУ ОБЩЕСТВЕННОМУ ДОГОВОРУ

30 октября 2024 г. состоялась международная теоретико-методологическая междисциплинарная конференция «Общество и государство на пути к новому общественному договору», реализованная социологическим факультетом Российского государственного гуманитарного университета (СФ РГГУ) совместно с Аналитическим центром при Правительстве РФ.

В работе конференции приняли участие около 50 специалистов, представляющих российские и зарубежные учебные и академические структуры, а также государственные ведомства.

Пленарное заседание открыл чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко**. Сделав краткий исторический экскурс, он подчеркнул актуальность изучения феномена общественного договора, представляющего собой различные формы социального согласия между народом и государством. Отдельно докладчик указал на то, что формы такого согласия имеют зачастую латентный характер и находятся в постоянном движении, являясь отражением процессов,

происходящих в общественном сознании. Участникам конференции он предложил обратить внимание на «социальные трещины», противоречия и напряженности в общественном сознании, которые характеризуют текущее состояние общественного договора и решение которых может способствовать повышению его действенности, соблюдению баланса интересов общества и государства, а в конечном итоге – эффективному государственному управлению.

Р.И. Анисимов (РГГУ) в своем выступлении обратил внимание на индивидуализацию современного российского общества, низкий уровень участия граждан в общественных организациях и часто имиджевую роль последних, он критически охарактеризовал возможности участия общественных организаций в диалоге общества и государства. Особенно остро встает вопрос о реальной представленности интересов разных групп населения в законодательных органах власти, коль скоро фрагментация этих групп велика, а общественных и политических организаций, представляющих это разнообразие интересов, попросту нет. Это доказывает низкий уровень доверия политическим партиям (даже парламентским), относительно немногочисленное членство в общественных организациях (включая профсоюзы), неосведомленность о депутатах любого уровня и их деятельности. С точки зрения докладчика, привычная политическая структура, представленная устоявшимися социальными группами, утратила свою актуальность, а значит, требует пересмотра. В конце выступления он призвал обратить внимание на поиск новых форм и субъектов коммуникации между государством и гражданами.

Возможный ответ на этот запрос был сформулирован в последующих докладах. Так, проф. **В.В. Сапрыка** (РГГУ) представил результаты социологических исследований участия молодежи приграничных областей (Белгородская, Курская) в реализации социально значимых проектов. Среди проблем расширения молодежного участия им были названы: низкий уровень информированности молодежи о реализуемых проектах, недостаток государственной поддержки молодежных инициатив, замкнутость региональных и муниципальных молодежных сообществ. В докладе отмечено, что консолидирующий эффект СВО должен быть использован для подготовки и раскрытия потенциала молодых региональных лидеров. Его взгляд на проблему был особенно ценен, так как докладчик является непосредственным участником событий, происходящих на приграничных территориях, и о роли молодежи в реализации социально значимых проектов знает не понаслышке.

А.А. Кранзеева (КемГУ) представила доклад, посвященный роли сетевых сообществ в регионах ресурсного типа Сибири в социально-политическом взаимодействии. Спецификой действующего в этих субъектах общественного договора является больший вес бизнеса (ресурсодержателей), а не граждан в диалоге с властью. В этой ситуации региональные сетевые сообщества становятся точкой объединения жителей. Анализ данных сетевых сообществ свидетельствует об их способности выступать площадкой для обмена информацией, обсуждения целей развития территорий, артикуляции групповых интересов. Более того, сообщества обладают потенциалом политической мобилизации граждан и иных форм взаимодействия человека с государством. Исследования такого рода не первый год используются для изучения современных коммуникационных практик. Опыт сибирских специалистов демонстрирует сложившееся эффективное взаимодействие ученых и государства, которое, будучи заинтересованным в результатах, выделило грант на исследование.

О формах и инструментах коммуникации государства, бизнеса и граждан говорил в своем выступлении **А.А. Шаламов** (ФСГС по Москве и МО). Он рассказал об используемых сегодня автоматизированных системах сбора данных и цифровых сервисах Мостата, которые повышают открытость и доступность информации для всех заинтересованных лиц. Тем самым статистические службы способствуют учету интересов и потребностей как граждан, так и бизнеса, подкашивают государству необходимые изменения и эффективные управленческие решения. Новые технологические возможности увеличивают охваты при сборе обратной связи от граждан и представителей бизнес-сообщества. Именно обратная связь и постоянный мониторинг ключевых показателей эффективности

взаимодействия человека, бизнеса и государства ложатся в основу современного государственного управления.

Тема необходимости изучения культурных процессов прозвучала в докладе **М.С. Цапко** (РГГУ, АЦ при Прав-те РФ). Культура, которая выступает в качестве отражения общественного сознания, помогает четче и нагляднее понять происходящие в нем процессы. Несмотря на дискуссии в медиа об отмене российской культуры, различном восприятии текущей ситуации представителями творческой интеллигенции, результаты исследований Аналитического центра свидетельствуют о высокой оценке гражданами текущего положения дел в сфере культуры и работы культурных учреждений. В сложившейся ситуации сокращения заграничных гастролей деятелей культуры и зарубежных поездок российских граждан в целом развитие отечественных культурных институтов и социокультурных практик получило большее распространение. При этом происходит переосмысление мировых трендов, в которых отказ от русской культуры одних стран вполне компенсируется живым интересом других. Докладчик обратил внимание на то, что США и страны ЕС не являются всем человечеством, а дружественные России государства составляют многомиллиардную аудиторию. Таким образом, по-новому открывая внутренний рынок, расширяя контакты со странами Востока и глобального Юга, русская культурная сфера находит и новые источники вдохновения, которые не остаются незамеченными россиянами. Культура в оценках населения сохраняет свои значимые позиции как агента международного взаимодействия и экспансии.

Работа конференции продолжилась в рамках двух секций «Общественный договор: эволюция идей» и «Особенности реализации общественного договора в различных сферах». Представители разных регионов и стран (**В.А. Зотова** (НИУ ВШЭ), **Н.М. Комаров**, **Т.Г. Евдокимова**, **Н.А. Черепанов** (АЦ при Прав-ве РФ), **Н.И. Белова**, **И.В. Воробьева**, **А.А. Хохлов** (РГГУ), **И. Ходачек** (Северный ун-т, Норвегия)) обсудили основания, особенности реализации и проблемные аспекты общественного договора в разных сферах общества, рассмотрели вехи существования общественного договора и выделили их специфические характеристики.

Круглый стол «Цифровая трансформация государственного управления: тенденции и риски» состоялся в Аналитическом центре при Правительстве РФ. Среди его активных участников – **А.А. Миронова** (Ц-р разработок «Государство для людей» АЦ при Правительстве РФ), **А.А. Ляликов** (ФНС РФ), **С.В. Хахичев** (АЦ при Прав-ве РФ), **Д.Ю. Козяров** (РАНХиГС), **Е.В. Петрова**, **А.М. Гасанова** (НИУ ВШЭ) и др. В центре дискуссии были опыт цифровизации взаимодействия государства, бизнеса и граждан на примере отдельных ведомств, а также возникающие риски пересмотра существующего баланса частной и общественной информации, вопросы доверия государственным институтам. Участники polemизировали о требованиях к изменению традиционных методов работы органов власти, практике и особенностях использования социологических данных в целях получения эффективной обратной связи от населения.

Наиболее дискуссионными вопросами, которые можно определить в качестве возможных направлений работы следующей конференции, стали: региональная специфика общественного договора и, в частности, его динамика на новых и приграничных территориях РФ, потребности, интересы и возможности отдельных субъектов общественно-го договора (бизнеса, политических партий и общественных организаций), перспективы и риски цифровизации государственных услуг, а также задачи и особенности построения социологических служб внутри государственных структур.

М.С. ЦАПКО, Д.Г. ЦЫБИКОВА

ЦАПКО Мирослава Сергеевна, к. культ., доц., кафедра политической социологии и социальных технологий (ucprresearch@gmail.com); ЦЫБИКОВА Дарима Гомбожаповна, к. социол. н., доц., кафедра прикладной социологии (t-darima@yandex.ru). Обе – Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

TOWARDS A NEW SOCIAL CONTRACT

DOI: 10.31857/S0132162525010148

Miroslava S. TSAPKO, Cand. Sci. (Cult.), Assoc. Prof., Department of Political Sociology and Social Technologies (ucprresearch@gmail.com); Darima G. TSYBIKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Department of Applied Sociology (t-darima@yandex.ru). Both – Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

© 2025 г.

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО: КОНСТРУКТИВИЗМ VS РЕАЛИЗМ (по итогам российско-сербского научного семинара)

25 ноября 2024 г. состоялось первое заседание российско-сербского научного семинара «Идентичности и реальные практики в социокультурной и геополитической динамике Евразии», инициированного кафедрой международных отношений и регионоведения (рук. проф. О.В. Зиневич) Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) в рамках договора о сотрудничестве с Институтом европейских исследований в Белграде (Республика Сербия). Соорганизатором семинара выступил Институт философии и права СО РАН (ИФПР СО РАН), модератором – проф. **Д.В. Карнаухов** (МОиР НГТУ).

Центральной темой заседания стала «Нациестроительство: конструктивизм vs реализм». Докладчиками выступили **М. Джуркович** (Ин-т европ. исслед., Белград) и проф. **Ю.В. Попков** (ИФПР СО РАН, НГТУ).

М. Джуркович посвятил свой доклад анализу теоретических оснований и практического опыта существования двух типов наций: исторических, формирование которых происходит на протяжении относительно длительного времени, и наций сознательно сконструированных, для обозначения которых он использовал понятие «синтетические нации». Последние представляют собой «продукт сепарации» отдельных локальных образований, обособление их от «материнской нации». На примере драматической судьбы Югославии (ее раздробления), он показал трагедию сербского народа, когда создание синтетических наций было использовано в качестве инструмента геополитики. Речь идет, в частности, о превращении сербов, проповедующих католицизм, в албанцев, а сербов-мусульман – в боснийцев. На самом деле, по его оценке, великие державы «инструментализировали» идеологию конструктивизма для решения своих геополитических задач.

Докладчик привел конкретные примеры, где эта установка нашла практическое воплощение, например, развал СССР и аналогичная ситуация на Балканах, среди последствий которых – многочисленные проблемы, реальные и замороженные конфликты. Современная ситуация на Украине – из этого же ряда. Он оценил многие подобные практики как игры с национальной идентичностью и отметил, что проблеме конструирования синтетических наций посвящен сборник под его редакцией¹.

Ю.В. Попков был солидарен со многими методологическими посылами и оценками сербского коллеги. Он остановился на анализе содержания и трансформации этнонациональной проблемы и процесса нациестроительства от периода СССР до настоящего времени, акцентируя внимание на активном внедрении в России в постсоветский период идеологии конструктивизма и использовании ее в определенных политических целях. Автор не согласен с утверждением некоторых исследователей, что современный концепт «российская нация» выступает аналогом «советского народа». На самом деле, последний является, что всегда подчеркивалось ранее, исторической интернациональной общностью, которая реально существовала в Советском Союзе, а «российская нация», по большому счету, представляет собой заимствованный на Западе интеллектуальный и социальный конструкт, по своему содержанию, как правило, ограничиваемый проблемами идентичности, причем понятой в достаточно упрощенном смысле. Поэтому нациестроительство в этом случае отождествляется с формированием национальной идентичности. Все это существенно ограничивает проблемно-предметное поле актуальной исследовательской и управленческой практики. По сути, мы имеем дело с «инструментализированной квазинаукой», направленной в т.ч. на разрушение отечественных традиций народоведения, что находит отражение и в системе государственного управления. Важно также отметить, что «российская нация» – это неконституционный термин, который почему-то используется в официальных государственных доктринальных документах. Как представляется, провозглашенное недавно на государственном уровне определение России в качестве государства-цивилизации является попыткой исправить эту ситуацию и подчеркнуть своеобразие нашей страны в сравнении с западными нациями.

Выступая активным противником абсолютизации конструктивистско-инструменталистской методологической и идеологической установки, докладчик подчеркнул, что построить новую реальность только с помощью пропагандируемых новомодных понятий еще никому не удавалось. Он также предложил для преодоления возникшей в постсоветский период путаницы с содержанием понятия «национальный» использовать два уточняющих термина: этнонациональный (в этнокультурном смысле) и общенациональный (в политическом смысле).

В ходе состоявшейся дискуссии **О.В. Васильева** (ИГИИПМНС СО РАН) подняла вопросы о проблемах идентичности до образования наций, соотношении нациестроительства и этнокультурного разнообразия, понимании народа как источника власти. Она отметила противоречивость самой идеи нации, подчеркнув, что с учетом реальной практики народ не является источником власти, поскольку многие государства по сути не выступают суверенными, часто передавая свои функции наднациональным структурам. **Е.Г. Водичев** (НГТУ) поддержал постановку многих вопросов на семинаре, отметив, что, как историк-экономисту, ему импонирует позиция «не отрывать от корней» при анализе любых проблем, в т.ч. идентичности, требующей глубокого структурирования и серьезного анализа. А насаждение имперской идентичности в многонациональных обществах может приводить к серьезным проблемам.

Не только о научной, но и о практической актуальности обозначенных в дискуссии проблем говорят следующие дополнительные факты. Накануне проведения семинара отмечалось 70-летие знаменитого югославского и сербского кинорежиссера Эмира

¹ Конструисање синтетичких нација / Приредио М. Ђурковић. Београд: Catena mundi: Институт за европске студије, 2024. 298 с.

Кустурицы, который является активным противником распада Югославии. В одном из интервью он, как и М. Джуркович, с болью говорил о трагедии сербского народа. Как известно, в своем фильме «Андерграунд», в финальном эпизоде, режиссер в образной форме выразил эту трагедию в виде части берега, отваливающейся от единого целого. А на следующий день после семинара по телевидению был показан фрагмент интервью английского журналиста с президентом Сербии Александром Вучичем, который обвинил страны НАТО в бомбежках и развале Югославии, заявляя о том, что эта трагедия не может быть стерта в памяти сербского народа.

Ю.В. ПОПКОВ

ПОПКОВ Юрий Владимирович, д. филос. н., проф., гл. науч. сотр. Института философии и права СО РАН, проф. Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, Россия (yuripopkov54@mail.ru).

NATION-BUILDING: CONSTRUCTIVISM VS. REALISM **(based on the results of the Russian-Serbian scientific seminar)**

DOI: 10.31857/S0132162525010158

Yuri V. POPKOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher of Institute of Philosophy and Law SB RAS, Prof. of Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia (yuripopkov54@mail.ru).

© 2025 г.

«ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ»: ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ И КАРЬЕРОПОСТРОЕНИЯ В НОВОЙ МОДЕЛИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Современные вызовы образовательной среде комплексны и многоаспектны. Российская сфера высшего образования готовится к значительным изменениям, направленным на создание более гибкой, доступной и качественной образовательной среды, способной подготовить студентов к успешной карьере и участию в развитии конкурентоспособной экономики в условиях быстро изменяющегося мира.

В мае 2023 г. был подписан указ о проведении в 2023–2026 уч. годах эксперимента по реформе высшего образования с целью разработки новой модели высшей школы, суть которого заключается в создании и тестировании инновационных подходов к образовательному процессу для повышения качества и соответствия современным требованиям рынка труда. Участниками пилотного проекта стали шесть университетов: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Московский педагогический государственный университет, Санкт-Петербургский горный университет и Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Целью эксперимента были указаны: определение лучших инновационных практик в развитии отечественного высшего образования с позиций полученных результатов и восприятия участниками образовательных отношений. Основными задачами – разработка новых образовательных программ, способных адаптироваться к изменяющимся потребностям экономики и общества; индивидуализация обучения и внедрение персонализированных

образовательных траекторий и т.п. Основным структурным механизмом был обозначен переход к новым уровням образования в вузах. Этот определялся геополитическими изменениями, связанными с началом СВО, необходимостью замещения нормативных практик Болонской системы и запросами новой экономической реальности страны.

Продолжительность пилотного эксперимента и отсутствие промежуточных разъяснительных заседаний ФУМО по различным направлениям подготовки в переходный период усугубили настроения тревожных ожиданий в вузах, связанных с возрастающей неопределенностью сохранения студенческих контингентов на первых курсах обучения, рабочих мест, учебной нагрузки преподавателей и рядом других аспектов.

В этой связи проведение 7–9 ноября 2024 г. III Томского международного форума «Преобразование образования», сфокусированного на анализе проблем профессионализации и карьеропостроения новой модели высшего образования, продиктовано очевидными профессиональными ожиданиями и повышенным интересом широкой российской и зарубежной аудитории. Организаторами Форума стали Министерство науки и высшего образования РФ, Национальный исследовательский Томский государственный университет (ТГУ) и Институт образования ТГУ. В Форуме приняли участие более 300 участников в очном и дистанционном форматах не только из России, но и из Бразилии, Испании, Китая, Колумбии и Эфиопии.

Выступившая на открытии Форума зам. губернатора Томской области по научно-технологическому развитию **Л.М. Огородова** сформулировала запрос работодателей на высококвалифицированные кадры, с повышением процента выпуска не менее чем в 1,5 раза для всех регионов, с соответствующим повышением требований к педагогам. Ректор **Э.В. Галажинский** (ТГУ) сообщил о том, что все пилотные университеты идут своим путем. Поставленная перед ними задача – собрать наиболее удачные практики для инновационных изменений всей системы. В исследования сопровождения вовлечены 164 института, и их общей целью является разработка Стратегии непрерывного образования до 2040 г. Предполагается, что к 1 марта 2025 г. должна быть подготовлена нормативно-документальная база Стратегии. **Е.А. Суханова** (ИО ТГУ) сфокусировала внимание на актуализации средового подхода в образовании и развитии институциональной модели высшей школы. Предполагаемые изменения были обозначены в управлении, финансировании и повышении роли фундаментального образования как ядра. Были отмечены закрепление дифференциации позиций школьных, профессиональных и вузовских педагогов, а также актуализация анализа плюсов и минусов ускоренного выхода выпускников на рынок труда, создания экосистем в регионах. По результатам исследований был сделан вывод о необходимости обеспечения повышения качества образования, в частности, все в большей степени определяемого прагматичным подходом студентов, заинтересованных в получении профессии для построения карьеры.

Министр науки и высшего образования РФ **В.Н. Фальков** обратил внимание на то, что все постсоветское время присутствовало беспрецедентное давление на образование рынка труда. Тогда и сейчас прогнозы развития линейны и не превышают 2030 г., т.е. работодатели не видят перспективу дальше горизонта пяти лет. Но в современных условиях нужно работать кооперативно, а не подстраиваться после управленческих изменений. Соответственно университеты должны профессионально изучать рынки труда в динамике, с акцентом на составление и изучение прогнозов. Задача – ускоренный выход на рынок труда молодежи со 2, 3 курса плюс получение двух-трех дополнительных квалификаций. Основание для таких маршрутизаций – необходимость ликвидации дефицита кадров на рынке труда. В связи с этим особое внимание университетов должно быть уделено увеличению активности на рынке дополнительного образования. Новая модель непрерывного образования будет со значительным расширением именно в этом направлении.

ВРИО директора Департамента государственной политики в сфере высшего образования Минобрнауки **Е.В. Тумакова**, выступившая с подробными разъяснениями, обозначила некоторые ориентиры по срокам продвижения пилотного проекта и различным

направлениям подготовки. В частности, прогноз кадровых потребностей до 2030 г. будет представлен в декабре текущего года. Он будет обновляться ежегодно, поскольку компетенции могут устареть за время обучения. Предусмотрены гибкие сроки обучения, но инициативы вузов по увеличению продолжительности подготовки по ряду направлений пока остаются реализуемыми за счет финансирования самих вузов.

Аудитории были представлены новые направления возможностей. Первое – текущие вариативные предложения адресно по специальностям: четыре года подготовки плюс один при необходимости. Студенты инженерных специальностей будут обучаться пять лет, педагоги начальной школы – четыре, предметники – пять лет, но без последующего продолжения. В приоритете – качество подготовки и ранний выход на рынок. Второе – удлиненное. Абитуриент поступает на четырехлетнее обучение и с приобретенной квалификацией сможет выйти на рынок либо продолжить обучение в течение одного или двух лет. То есть предлагается модель 4–5–6-летнего обучения при общем поступлении. Сроки должны быть сбалансированы с запросами рынка труда. Например, для Минкульта целесообразны и двух-трехлетние программы.

Магистратура может быть реализована в течение одного-двух лет. Здесь возможны будут поступление только по смежным направлениям и дальнейшая подготовка по отдельной компетенции – преподавательской или исследовательской. Проекты предусматривают обязательность дополнительной квалификации – например, физик, педагог. Обсуждается также возврат к советской практике обучения и стандартам второго поколения. Большое внимание будет уделено предоставлению возможностей получения рабочих профессий. С удостоверением лаборанта можно будет выйти на рынок труда, а можно трудоустроиться прямо в вузе.

С 1 сентября 2026 г. предусмотрен полный переход на новую модель непрерывного образования. Ключевыми признаками модели высшего образования определены гибкие сроки обучения и фундаментальность. Разработчики модели уверены, что фундаментальные дисциплины нужно возвращать в стандарты, находя разумный баланс на фоне временных ограничений. Сейчас однозначных ответов на вопросы о том, нужно ли общее фундаментальное ядро для всех направлений подготовки либо нужно ли общее социально-гуманитарное ядро, – еще нет. Хотя, первые шаги уже сделаны и с сентября текущего года запущен проект поддержки преподавателей фундаментальных дисциплин.

В продолжение установочной экспертной панели выступили проректор ВШЭ, руководитель лаборатории исследований рынка труда **С.Ю. Рощин**, советник генерального директора АНО «Национальное агентство развития квалификаций» **А.В. Серова**, заместитель губернатора Томской области по образованию, молодежной политике и цифровому развитию **Н.А. Киселева** и начальник управления Университета Банка России **Т.Ф. Гарев**. Были обсуждены институциональные форматы поддержки ускорения выхода молодежи на рынок труда, уточнена роль университетского образования в успешном трудоустройстве и построении карьеры, сфокусировано внимание на проблеме коммуникаций и координации субъектов по ускорению выхода на рынок труда, прояснены основы формирования региональных экосистем поддержки профессионализации и построения карьеры выпускников.

Форум продолжился навигационной сессией в рамках работы лабораторий: по организации форматов практико-ориентированного образования; обеспечению внедрения направлений с разными квалификациями; достижению консенсуса между заказами индустрии и предложениями университета; а также созданию университетской среды для поддержки профессионализации. Отдельная экспертная дискуссия была посвящена прояснению новых вызовов и возможностей в развитии фундаментального высшего образования. Экспертно-проектировочная сессия «Проектирование модели введения дополнительных квалификаций и дуального обучения в вузе: вопросы финансирования и нормативного обеспечения» была дополнена выступлениями участников круглого стола «Экосистема ускоренной профессионализации: школа – СПО – вуз – работодатель».

Фокусировка второго дня Форума была представлена обсуждением исследовательских данных и педагогических технологий для поддержки профессионализации и карьеропостроения молодежи. Третий день был посвящен подведению итогов, проработке механизмов построения региональной образовательной экосистемы на площадке Генератора управленческих решений с участием заместителя губернатора Томской области **Н.А. Киселевой**. Также было предусмотрено проведение регионального координационного совещания по вопросам развития молодежного предпринимательства в образовательных организациях высшей школы.

В завершение можно привести несколько раз прозвучавший основной запрос работодателей, связанный с особенностями молодого поколения, – выпуск ответственных исполнителей, а также неоднократно упомянутое высказывание А.Г. Асмолова, процитировавшего А.И. Солженицына: «Нет ничего более практико-ориентированного, чем фундаментальная наука». Хотелось бы надеяться, что этот слоган будет не только укоренен в глоссарии новой национальной модели непрерывного образования, но и расширит представление о миссии современных реформируемых университетов.

Н.С. ЛАДЫЖЕЦ

ЛАДЫЖЕЦ Наталья Сергеевна, д. филос.н., проф., зав. кафедрой социологии Института истории и социологии Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия (Ins07@mail.ru).

“TRANSFORMATION OF EDUCATION”: PROBLEMS OF PROFESSIONALIZATION AND CAREER DEVELOPMENT IN THE NEW MODEL OF HIGHER EDUCATION

DOI: 10.31857/S0132162525010167

Natalia S. LADYZHETS, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Chair of Sociology at the Institute of History and Sociology of Udmurt State University, Izhevsk, Russia (Ins07@mail.ru).

© 2025 г.

ЭКСПЕРТНЫЕ ИНСТИТУТЫ В XXI ВЕКЕ

III Международная научно-практическая конференция «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях формирования многополярного мира» состоялась 14–15 июня 2024 г. в Иркутском государственном университете. В ее работе приняли участие ученые и практики из Минска, Алматы, Москвы и Санкт-Петербурга, городов Сибири, Урала, Дальнего Востока и др.

В своем вступительном слове проф. **Т.И. Грабельных** (ИГУ, ОП ИО, Иркутск), подчеркнула, что конференция продолжает рассмотрение актуальных вопросов развития экспертных институтов в современную эпоху и отражает цикл работ, посвященных их деятельности. **И.А. Журавлева** (ИГУ, Иркутск) отметила, что в обществе сформирован системный запрос на качественную экспертизу, для проведения которой в условиях многовариативности и диверсификации нужны высококвалифицированные специалисты, эксперты и аналитики. Ректор ИГУ, проф. **А.Ф. Шмидт** выделил тенденцию стремительного внедрения новых информационных технологий, роста влияния искусственного интеллекта, что не может не сказаться на общественных взаимоотношениях, экспертных практиках, развитии науки и образования.

Открыла пленарное заседание **И.В. Иванова** (Иркутскстат) докладом о сравнительном анализе положения семей разного состава. Результаты исследования показали, что дети из многодетных семей растут более трудолюбивыми и меньше болеют по сравнению с единственным ребенком в семье, но материальное положение многодетных семей заметно отстает, наблюдаются ограничения их возможностей, несмотря на все меры государственной поддержки.

Проф. **Л.А. Василенко** (РАНХиГС) и **А.Д. Селиверстова** (Счетная палата РФ, РАНХиГС) обосновали тезис о том, что привлечение экспертов к проведению совместной работы в интересах органов власти в Счетной палате РФ построено на нормативном основании и создании соответствующих условий для возможности становления институциональных механизмов симбиотического интеллекта, включающих как встраивание в управленческую деятельность инструментов искусственного интеллекта, так и потенциала междисциплинарных экспертных сообществ: IT-специалистов, промпт-инженеров, исследовательских комитетов РОС и сообщества ПСР. В выступлении **С.П. Какаулина** (МЭРИП ИО, ИГУ) были подняты вопросы приоритетных направлений развития промышленной политики на территории Иркутской области в рамках реализации мер по обеспечению технологического суверенитета РФ, обозначены основные инструменты государственной поддержки промышленных предприятий и приоритетные пути их совершенствования.

В докладе проф. **Н.Л. Антоновой** (УрФУ) по результатам проведенного социологического исследования сделан вывод, что коллективные практики альтруизма позволяют молодежи крупного промышленного города найти единомышленников, разделяющих их взгляды, и оказать адресную, конкретную помощь. Обосновано, что молодое поколение ориентировано на оказание безвозмездной помощи в повседневной жизни как ближайшему окружению, так и незнакомцам. В структуру мотивации включены: сострадание/сочувствие, желание улучшить мир и творить добро. Раскрыто, что чувство ответственности служит источником альтруистических поступков, а нежелание брать на себя ответственность за другого препятствует проявлению альтруистических установок молодежи. Это свидетельствует о социальном потенциале молодежи как субъекта воспроизводства социального порядка и устойчивости социума.

Последующие доклады представляли синтез методологических и экспертных подходов к изучению социальных структур, социальных институтов и процессов в условиях формирования многополярного мира. Так, в докладе **В.Ю. Леденевой** (ИДИ ФНИСЦ РАН) были обозначены новые направления и перспективы прогнозов развития экспертных исследований в области миграции и демографии. Процессы, происходящие в сфере миграции, напрямую влияют на демографическое положение в России. Сокращение рождаемости происходит во всех странах Евразийского региона, однако естественный прирост сохраняется в Казахстане и Киргизии.

Проф. **В.В. Козловский** (СИ РАН – ф-л ФНИСЦ РАН, СПбГУ) актуализировал вопросы экспертного измерения моделей цивилизационного развития российского общества. На основе выделенных критериев предложено пять моделей цивилизационного развития современных обществ: национально-ориентированная; государство-цивилизация (этакратическая); конфессионально-ориентированная; глобалистская; космополитическая. Экспертное измерение моделей цивилизационного развития российского общества дает инструменты для их целеполагания, проектирования, планирования и мониторинга на различных уровнях.

В докладе проф. **В.В. Зотова** (МФТИ) проанализированы основные аспекты влияния систем искусственного интеллекта (ИИ) на макроуровне (трансформация организационных структур экспертно-аналитической деятельности) и микроуровне (изменение социальных практик исследователей). Доказано, что на макроуровне способность ИИ извлекать экспертное знание из больших объемов данных открывает перспективы для его самостоятельного участия в экспертно-аналитической деятельности, но для сохранения человекоориентированности и человекоразмерности экспертных заключений целесообразно создание

цифровых платформ, осуществляющих общественно-профессиональную экспертизу. На микроуровне ИИ будет выполнять задачи виртуального помощника, связанные с подготовкой экспертного заключения (редактор, ассистент, аналитик и даже соавтор).

Проф. **Г.А. Ключарев** (ФНИСЦ РАН) обратил внимание, что новые методы обучения позволяют значительно экономить время и ресурсы, делая учебный процесс более эффективным. Были затронуты вопросы истории реформирования образования (программа «5–100», «Приоритет-2030»). В действующей программе «Приоритет-2030» участвуют уже более 100 университетов с разным уровнем успеха, появились опорные университеты в регионах. Реформирование идет, но оно невозможно без освоения новых форм в образовании и отношениях между студентами, преподавателями и учебной частью. Основные принципы высшего и среднего профессионального образования, которые декларируются и принимаются при реформах, такие как равенство и доступность, не всегда соответствуют действительности. Проводимая в настоящее время реформа образования во многом зависит от экономических факторов, и сами принципы образования нужно обсуждать, при этом важно учитывать экспертное мнение. Особое внимание было уделено новым формам обучения (дистанционные и онлайн-курсы, использование дополненной реальности и виртуальной реальности), которые способствуют всестороннему развитию учащихся. Освоение новых методов обучения является важным аспектом образования, поскольку позволит сделать этот процесс более гибким и адаптированным к современным требованиям. В целом новый тренд в освоении новых форм обучения – это децентрализация, в разумных пределах – перспективы в освоении новых форм обучения.

На пленарном заседании также прозвучали доклады: **С.С. Гордеевой** (ПГНИУ); **А.В. Кульминской** (УрФУ); **Н.Г. Смирновой** (Больница ИНЦ СО РАН, ИГМАПО); **А.Д. Гурарий** (Екатеринбургская городская Дума, УрФУ); проф. **В.Д. Курганской** (КН МОН РК, Казахстан); проф. **М.А. Вахтиной** (Университет «МИР»); проф. **В.Ф. Пугач** (МИСиС); **Н.К. Габдрахманова** и **С.А. Сарыглар** (НИУ ВШЭ); проф. **Н.Л. Смакотиной** (МГУ); **Е.В. Матвеевой** (Кузбасский ГАУ); проф. **Т.И. Грабельных** (ИГУ); чл.-корр. НАН Беларуси **А.Н. Данилова** (БГУ, Беларусь); проф. **А.А. Зеленина** и **С.Н. Чирун** (КемГУ); проф. **В.В. Кривошеева** (БФУ).

На конференции работали две секции: объединенная секция «Деятельность экспертных институтов в пространствах многополярного мира» и молодежная секция «Научная и экспертная деятельность глазами молодежи в условиях нового этапа становления многополярного мира», а также был организован круглый стол «Принципы достижения национальных целей в РФ: анализ опыта реализации исследовательских проектов в университетах России».

Внимание участников объединенной секции было сфокусировано на экспертных центрах и их влиянии на общественное мнение в условиях формирования многополярного мира, роли высшего образования и науки как экспертных институтов в достижении экономической стабильности, социальных науках и социологической экспертизе в XXI в. (**Е.В. Гольцова**, ИГУ; **М.В. Валеева**, УрФУ; **И.П. Саютина**, АлтГУ; **А.А. Меньшикова**, СибГМУ и др.). В работе молодежной секции приняли участие студенты и аспиранты российских вузов (ИГУ, СПбПУ, КГУ, КФУ им. В.И. Вернадского, КемГУ, ТИУ и др.).

На круглом столе был освещен опыт проведения научных исследований в институтах РАН и университетах России, подготовки и реализации грантов и выстраивания перспектив научного сотрудничества в междисциплинарной сфере.

Отмечая уникальность иркутской площадки как центра обсуждений экспертной тематики, проф. **Т.И. Грабельных** (ИГУ) резюмировала, что на экспертном форуме важно выявить основные векторы развития экспертных институтов, цели и форматы деятельности экспертных центров и сообществ, определить специфику функционирования экспертных платформ в динамике запросов государственного и общественного значения. Как показало обсуждение, внедрение технологий ИИ в социальные и управленческие процессы в России требует глубокого комплексного анализа самих экспертных

практик. В ходе конференции проявилась уникальность научных подходов и общественно-государственных дискурсов социологической и междисциплинарной направленности. Настоящая конференция – яркий пример взаимосвязи теории и практики развития экспертных институтов в России и за рубежом в условиях формирования многополярного мира.

Т.И. ГРАБЕЛЬНЫХ, Н.А. САБЛИНА

ГРАБЕЛЬНЫХ Татьяна Ивановна, д. социол. наук, проф. (tagr@bk.ru); САБЛИНА Наталья Александровна, к. социол. н. (nsablina@bk.ru). Обе – Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия.

EXPERT INSTITUTIONS IN THE 21st CENTURY

DOI: 10.31857/S0132162525010175

Tatyana I. GRABELNYKH, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (tagr@bk.ru); Natalya A. SABLINA, Cand. Sci. (Sociol.) (nsablina@bk.ru). Both – Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Размышления над новой книгой

© 2025 г.

Н.В. КОРЫТНИКОВА

ОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ВАРИАНТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА

КОРЫТНИКОВА Надежда Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, ассоциированный член Группы восточных, славянских и неоэллинистических исследований (UR 1340), Страсбургский университет, Страсбург, Франция (kort-nadeshda@yandex.ru).

Аннотация. В рецензии представлен критичный обзор методических приемов, используемых авторами для обобщения разных замеров общественного мнения и экспертного заключения по отношению россиян к спецоперации. В частности, обращается внимание на необходимость применения корректных формулировок вопросов. Аналитические выводы В.Б. Звоновского и А.В. Ходыкина основаны на методической и исследовательской триангуляции. В своей работе авторы применяют методики снижения чувствительности опросного инструментария, оценивают репрезентативность проведенных опросов в России, сопоставляют результаты разных исследовательских компаний. В ситуации государственной цензуры и самоконтроля за безопасностью исследователей на первый план выходят техники сбора данных и аналитические приемы. Подчеркивается, что прозрачность методологических процедур защищает от манипуляций социологической информацией. Утверждается важность социальной экспертизы при глобальных трансформациях и актуальность проблемы доступа к объективным оценкам общественных настроений и социальном напряжении.

Ключевые слова: опросы общественного мнения • чувствительность вопросов • исследовательская триангуляция • внутренняя валидность

DOI: 10.31857/S0132162525010189

Книга В.Б. Звоновского и А.В. Ходыкина «Российское общественное мнение в условиях военного конфликта, 2022–2023»¹ не попадет в список литературы для широкого читателя, но будет включена в список литературы для желающих разобраться в кухне социологической работы и убедиться в последовательной логике рассуждений экспертов. В монографии социологи показывают сложности изучения общественного мнения при неоднозначности оценок качества опроса и противоречиях в трактовках. Выводы делаются только после того, как авторы очертят теоретическую рамку исследования, выскажут ограничения, примут допущения и разграничат данные от объяснений. Размах показателей разных серий замеров в единой оптике «поддержки/неподдержки специальной

---

¹ Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Российское общественное мнение в условиях военного конфликта, 2022–2023. Chişinău: Historical Expertise, 2024. 340 с.

военной операции (СВО)» помогает довериться социологическим опросам и понять российское общественное мнение в условиях военного конфликта.

Заглавие интригует обещанием дать ответ на волнующий социологов вопрос: возможно ли вообще изучать с помощью массовых опросов российское общество в период спецоперации. Есть предубеждение, что для этого следует использовать совершенно другие методы, в частности пассивные (нереактивные). Технологии информационной войны и активизация цифрового контроля на безмерном интернет-пространстве приводят к опасности и ограничениям традиционного сбора социологических данных с помощью опросов. Некоторые исследователи считают, что социологи должны остановиться и соблюдать «день тишины» ради исключения соответствующих рисков. В то же время важно документировать социальные процессы, которые происходят в условиях серьезных социогуманитарных катаклизмов. Главное, чтобы социологические измерения использовались с благими целями управления обществом, а на реальный ход событий влияли бы только объективные результаты научных исследований.

Подбор номинаций для описания военного конфликта. Любой текст, адресованный массовой аудитории или описывающий массовое сознание, состоит из слов с определенными семиотическими нагрузками и коннотациями. От бытового общения до научной коммуникации информационное пространство кризисного общества гиперсемиотизируется. Так, по тексту книги используются разные номинации для описания происходящего на территории Украины, а именно: война, конфликт, СВО, спецоперация, интервенция, вторжение. Перечисленные слова несут в себе разную смысловую нагрузку для обозначения высказываемой позиции и условно объединяются в три группы номинаций, указывающих на разные категории населения по отношению к войне. С целью выделения словесных выборов авторов для характеристики общественного мнения проведен частотный анализ лексем, встречающихся в книге в ходе рассмотрения ключевого события (табл.).

Для описания военного конфликта в книге наиболее часто представлены официальные названия – слово «спецоперация» (122 упоминания) и аббревиатура «СВО» (321 упоминание), которые предпочитают сторонники СВО. Слово «освобождение» упоминается всего два раза как довод государственной пропаганды. Слово «возвращение» встречается 13 раз, однако не всегда в контексте задач спецоперации². Только шесть упоминаний касаются

Таблица

Частота упоминаний лексем и групп номинаций для описания военного конфликта

Лексемы	Количество упоминаний	Группа номинаций	Частота по группам
Спецоперац*	122	Сторонники	458
СВО	321		
Освобожден*	2		
Возвращен*	13	Нейтральные	370
Войн*	114		
Конфликт*	256		
Интервенц*	285	Противники	336
Вторжен*	43		
Агресс*	7		
Оккупац*	1		

² Контекст СВО: 1) возвращение советских времен; 2) «возвращение исконных территорий»; 3) возвращение утраченного; 4) возвращение Крыма и Донбасса; 5) возвращение Донбасса без Крыма; 6) «возвращение исконных земель». Общий контекст: 1) возвращение имен и создание комиссий правды и примирения (Н. Эппле); 2) заковыченная метафора «вечное возвращение» (Дж. Александер); 3) предсказания о возвращении кометы Галлея (Р. Мертон); 4) возвращение островов под британский суверенитет; 5) возвращение к стабильно пессимистичному взгляду на будущее; 6) возвращение к практикам выживания прошлых лет; 7) к советским технологиям.

возвращения как советских времен, так и исконных территорий Крыма и Донбасса. Другая половина упоминаний слова «возвращение» связана с теоретическими тезисами, а также с обращением к иностранному опыту и с характеристикой адаптации россиян.

Нейтральные лексемы «конфликт*» (256 упоминаний) и «войн*» (114 упоминаний) одинаково широко используются авторами в тексте и позволяют высказываться без привязки к тем или иным взглядам и установкам.

В качестве номинаций, соответствующих взглядам противников войны, чаще применяется заимствованный англоязычный вариант – слово «интервенция» (285 упоминаний), а не русское – слово «вторжение» (43 упоминания). Применение лексемы «агресс*» (7 упоминаний) представляет собой неоднозначные контексты. Во-первых, Россия – агрессор. Для аргументации позиции противников появляется словосочетание «военная агрессия» (с. 110). Прилагательное «агрессивный» описывает отношения некоторых россиян «как к украинским войскам, так и жителям Украины, объединившимся для защиты своей страны» (с. 112). Во-вторых, Россия – не агрессор. Сторонники СВО хотят отмежеваться от риторики украинской пропаганды для характеристики России как нападающей страны. В этом значении слово «агрессор» в книге встречается в цитатах глубинных интервью, когда респондент отрицает радикальную номинацию происходящего: «Мы всегда не были агрессорами, как сейчас нас называют» (с. 143, 252). В-третьих, агрессия против России. В заявленных целях спецоперации проявился зеркальный контекст, когда агрессия направлена против России: «В соответствии с кремлевским нарративом Украина нужна Североатлантическому альянсу как плацдарм для будущей агрессии против России» (с. 305). Еще два упоминания относятся к общему контексту рассматриваемой лексемы: агрессия в других странах (с. 208), агрессивность как свойство личности (с. 9). Слово «оккупация» при всей своей распространенности в медиапространстве в книге используется один раз для указания на отношение украинцев к России: «... советские времена воспринимаются украинским общественным мнением как годы оккупации кремлевской властью» (с. 303).

Если учесть, что аббревиатура «СВО» часто включалась в формулировки вопросов анкеты, то в книге соблюден семантический баланс: частота номинаций противников войны – 336, нейтральные номинации – 370; частота номинаций сторонников войны – 458. Следовательно, выделенные группы номинаций изучаемых событий используются пропорционально одинаково. Таким образом, авторы показывают выверенную позицию и равномерно охватывают все подходы для описания отношения к исследуемой ситуации. Эмоционально окрашенная лексика сведена к минимуму и не влияет на восприятие представленных тезисов.

Внутренняя валидность чувствительных вопросов. Внутренняя валидность чувствительных вопросов всегда под пристальным вниманием и подразумевает тонкую проверку на релевантность индикаторов для исследовательской задачи. Так, при изучении общественного мнения россиян в условиях военного конфликта перед социологами стоит задача обосновать адекватность операционализации основного понятия «война». Сложность заключается в том, что некоторые высказывания расцениваются как дискредитация спецоперации и Вооруженных сил РФ. Первоначальное допущение о непригодности прямых вопросов приводит к необходимости опираться на аналитические техники, помогающие учесть риски смещений и заложить их в итоговые интерпретации. Авторы решают эту проблему путем включения в анкету косвенных признаков, через учет парадоксальных опросов, с помощью триангуляции полученных разными организациями результатов. На основе сопоставления данных по прямым и косвенным переменным сверяются процентные распределения, вычисляется значимость различий и применяются другие математические методы для коррекции искоемых долей.

Авторы рассуждают о политических настроениях на основе фактов участия-неучастия в опросе и динамики уровня ответов. Рассмотрение причин отказа от интервью, затруднений в ответах на некоторые вопросы помогает вскрыть вероятные искажения в получившихся распределениях по сенситивным вопросам. Тем самым показатели отношения

к исследованию (например, отказы от участия в опросе, прерванные интервью и т.д.) играют существенную роль в оценке смещений выборки, корректности формулировок и установки на искренность респондентов. Отказы в телефонном интервью могут быть связаны с общей напряженной обстановкой, режимом экономических санкций, разочарованием в публичном поле, усталостью от информационных атак и желанием отстраниться от неминуемых в случае военных конфликтах насилия, агрессии, горя, масштабно-сти жертв и разрушений. В условиях повседневного стресса и контроля для противников СВО само желание свободно высказать свое мнение во время опроса рассматривается как четкая позиция – открытая, смелая, уверенная, а потому искренняя и устойчивая. Поначалу может показаться, что согласие на участие в опросах априори исключает тех, кто придерживается антивоенных взглядов. Однако на кооперацию респондентов такая обстановка не влияет. Итоговый вердикт экспертов оптимистичен: «Настороженность респондентов в целом остается на прежнем уровне» (с. 60).

Репрезентативность опросов общественного мнения. В итоговом резюме к первой главе говорится о надежной репрезентации населения России в опросах общественного мнения. При этом авторы фиксируют небольшое смещение выборок: в выборочной совокупности «доля молодых мужчин от начала конфликта к постмобилизационным опросам хоть и не сильно, но значимо снижается» (с. 28–34). Казалось бы, можно пройти мимо и смело продолжать «репрезентировать» население и «штамповать» ожидаемые результаты. К сожалению, реальность в таком случае все чаще будет становиться черно-белой, без серых оттенков. Для оценки репрезентативности телефонных опросов важно выделять причины, влияющие на изменения социально-демографических характеристик в случайных выборках. Наиболее очевидными можно считать миграцию молодежи за пределы России, уклонение от коммуникации с интервьюерами, сложности связаться по телефону с мужчинами на фронте. Только разбор таких подробностей позволяет быть уверенным в цифрах, выходить на верные характеристики социальной реальности.

С этой целью авторы затевают тщательную проверку причин уменьшения в выборочной совокупности доли молодых мужчин. В качестве главного аргумента приводится их релокация за рубеж. Далее авторы скромно добавили тех молодых людей, которые находятся на фронте. В зоне боевых действий военные вряд ли смогут ответить на телефонный звонок с неизвестного номера и уделить время для разговора с незнакомым человеком. Поэтому целесообразно оценить не только долю эмигрировавших, но и долю участников СВО, изначально не попадающих в число доступных респондентов. Две эти подгруппы молодых мужчин (релоканты и фронтовики) отличаются противоположным отношением к военному конфликту и вполне уравнивают в выборке взгляды противников и сторонников спецоперации: первые – отрицают-избегают-уклоняются, вторые – поддерживают-рискуют-подчиняются.

Исследовательская триангуляция. Когда сравниваются схожие показатели и сопоставляются сведения из разного рода информационных ресурсов, заглушается критика по поводу ангажированности и фальсификаций. С целью исследовательской триангуляции авторы обращаются к разным доступным источникам с открытыми данными. Так, в книге использованы официальная статистика, результаты журналистских расследований, экспертные оценки, публикации в информационных агентствах. Кроме собственно ведущих российских социологических организаций (ВЦИОМ, ФОМ, ФСИ, Extremescan, Хроники, Russian Filed), представлены также данные Банка России о средней величине вклада на душу населения, отчеты *Mediascope* по изменению медиаландшафта, рейтинг городов России по качеству жизни от РИА Новости, журналистское расследование «Медиазона» с региональным распределением рекрута участников боевых действий, карта протестной активности от телеграм-канала «Незыгарь». Пристальное внимание к исследованиям многих организаций позволило авторам выполнить глубокую аналитику изучаемой темы с учетом разных методологических подходов.

Кроме этого, приводятся результаты опросов жителей Украины для описания их отношения к России и россиянам, возможностей диалога и перспектив разрешения российско-украинского конфликта (глава 6). Данные социологические замеры выполнены Киевским международным институтом социологии, группой исследовательских компаний «Рейтинг» и исследовательским проектом российского агентства «Extremescan»³. Эти центры имеют многолетнюю репутацию, академический авторитет и профессиональную востребованность. Однако украинские реалии проведения массовых опросов в период 2014–2023 гг. следует обозначить более развернуто и как минимум учитывать три момента.

1. Отсутствие объективных данных о генеральной совокупности. За годы независимости Украины Всеукраинская перепись населения проводилась только один раз в 2001 г. Любые попытки демографов и социологов убедить власть провести обязательный зондаж всего населения не имели успеха, а только приводили к девальвации демографических и социальноэкономических экспертиз.

2. Ограничения исследовательского поля с 2014 г. Фактически у социологов нет возможностей проводить опросы на территориях, где ведутся боевые действия. В таких случаях необходимо обозначать отсутствие данных по неопрошенным категориям украинских граждан и исходить из получившейся выборки. Например, в заключении ко всей книге делается вывод, что отношения украинцев к России «до 2014 года было стабильно положительным, но лишь после начала интервенции оно стало плохим у девяти из десяти украинцев» (с. 322). С одной стороны, авторы верно делают вывод, что кардинальное изменение отношения к России у украинцев объясняется началом военного конфликта на Донбассе. С другой стороны, не учитывается, что такой резкий перекося в общественном мнении является еще и следствием серьезного ограничения из-за непопадания в выборку жителей Крыма, Донецкой и Луганской областей. А после 24 февраля 2022 г. затруднен опрос респондентов из других восточных регионов, которые обычно высказывались за более близкие связи с Россией.

3. Состояние опасности в условиях военного положения. Военное положение с 24 февраля 2022 г. продлевается каждые 90 дней, и на момент проведения опросов респонденты фактически ограничены в высказываниях из-за криминализации любых пророссийских взглядов. Именно об этом авторы говорят в заключении: «В любом случае необходимо понимать, что, отвечая так или иначе на вопросы интервьюера, респондент не выражает какую-то одну точку зрения вместо другой, а отражает именно ту точку зрения, которую считает социально безопасной выразить» (с. 318). К украинским респондентам это суждение также справедливо применить, и они выдают социально одобряемые ответы.

Естественно, не надо отказываться от вторичных результатов опросов, но при этом не забывать об ограничениях в интерпретации полученных данных и по возможности избегать некорректных исследовательских действий и псевдоаналитических выводов. Как известно, прозрачность методологических процедур защищает от манипуляций социологической информацией и становится стержнем, на котором держится эмпирическая социология.

Методическая триангуляция. Авторы используют большой спектр приемов для методической триангуляции: во второй главе – проективные и косвенные вопросы, модифицированные шкалы, железнодорожный тест; в пятой главе – качественные методики (интервью, фокус-группы). Контраст количественных и качественных данных сливается в единое изображение, где рамки между методологическими парадигмами смягчаются и уже не остается белых пятен и воспроизводится более четкая картина. Применяемые показатели разбираются с точки зрения их обоснованности и поиска более успешных методик для интерпретации полученных данных. Так, отношение россиян к СВО рассматривается в зависимости от разных факторов, влияющих на общественное мнение: теснота

³ Extremescan – одна из немногих российских социологических групп, работающих на украинском исследовательском поле.

связей с Украиной до военного конфликта, материальное положение, наличие социального окружения из Украины и другое.

В то же время для полноты описания важно понимать установки россиян к противоположной стороне конфликта – непосредственно к украинцам, украинской власти, военным. С этой целью авторы используют многолетний индекс отношения жителей России к Украине и жителей Украины к России, рассчитанный по результатам совместного проекта Киевского международного института социологии и российской негосударственной исследовательской организации «Левада-Центр», который осуществляется с 2008 г.⁴ Есть предположение, что респонденты испытывают трудности из-за неопределенности в вопросе: «Как вы в целом относитесь сейчас к Украине?» При ответах россияне под Украиной подразумевают то ли украинцев, то ли жителей Украины, то ли украинскую власть (в условиях активной фазы конфликта такая путаница усиливается). Поэтому значения индекса будут варьироваться в зависимости от указанного в формулировке объекта оценивания: жители Украины, украинцы или украинская власть. Косвенно колебания респондентов подтверждают сами авторы, выдвигая тезис о пластичности массового сознания и влияния на него информационных медиакампаний. Помимо уточнений по операционализации понятия «отношения к Украине» возникает потребность в анализе двумерного распределения изучаемых признаков. Так, при рассмотрении общественного мнения россиян логичным выглядит сопоставление показателя об отношении россиян к украинцам с показателем о (не)поддержке войны россиянами. Результаты объясняют взгляды россиян на российско-украинский конфликт: при положительном отношении к украинцам поддержка СВО означает стремление им помочь/освободить/защитить, а неподдержка – необходимость прекратить уничтожение братского народа; при отрицательном отношении к украинцам поддержка СВО подразумевает достижение территориальных захватнических целей, а неподдержка – желание отмежеваться от украинцев и исключить бессмысленные смерти своих граждан. Динамика изменений по данным показателям пригодится для определения устойчивости прогосударственных или оппозиционных векторов восприятия войны.

Отдельно следует прокомментировать железнодорожный тест⁵ (пункт 2.5), применение которого особенно уместно для нивелирования распространенного страха из-за высказывания социально не одобряемого мнения. В анкете представлены разные формулировки вопроса для сторонников и противников спецоперации⁶. Для противников используется нейтральная фраза «говорить в поддержку спецоперации», а в вопросе для сторонников включена отрицательная лексема – «осуждать спецоперацию» (с. 85). Респондент может поддерживать спецоперацию, готов высказываться о ней, но без оценочных суждений, т.е. он не позволяет себе кого-то судить. Чтобы сравнивать ответы без влияния отрицательных коннотаций, логично переформулировать вопрос в одном из двух вариантов:

– в одинаковой тональности («осуждать военные действия ВС РФ» – «осуждать военные действия ВСУ»; «поддерживать военные действия ВС РФ» – «поддерживать военные действия ВСУ»), что позволит избежать лексической нагрузки разных слов;

⁴ См.: <https://www.levada.ru/2021/03/03/rossijsko-ukrainskie-otnosheniya-9/> (АНО «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – Прим. ред.).

⁵ Читатели СоцИса знакомы с ним по публикации: Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Восприятие россиянами конфликта с Украиной: проверка гипотезы «спирали молчания» // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 38–50. DOI 10.31857/S013216250028531-7.

⁶ «Сторонникам военных действий был задан вопрос: “Представьте такую ситуацию. Предположим, вам предстоит проехать несколько часов в поезде, и кто-то из пассажиров в Вашем купе начинает осуждать спецоперацию. Станете ли вы беседовать с этим человеком о ситуации в Украине или не обратите на это внимания?” Для противников СВО вопрос звучал следующим образом: “Представьте такую ситуацию. Предположим, Вам предстоит проехать несколько часов в поезде, и кто-то из пассажиров в Вашем купе начинает говорить в поддержку спецоперации. Станете ли вы беседовать с этим человеком о ситуации в Украине или не обратите на это внимания?”» (с. 85).

– в нейтральном ключе без предварительного разделения на группы противников и сторонников («Предположим, вам предстоит проехать несколько часов в поезде, и кто-то из попутчиков в купе начинает высказывать противоположную вашей точку зрения в отношении спецоперации»). Этот вариант хоть и громоздкий, но позволит исключить разногласия, кому какой вопрос задавать.

Справедливым дополнением анкеты было бы изучение общественного мнения по поводу условий мирных соглашений. Так, в 2024 г. «Левада-Центр» уже включил в свои замеры вопрос «Как вы считаете, сейчас следует продолжать военные действия или начать мирные переговоры?»⁷. В развитие темы (не)поддержки СВО кроме закрытого вопроса следовало бы предложить открытый вопрос: «На каких условиях вы допускаете мирные переговоры?» и т.д. Далее узнать оценку респондентами действий непрямых участников событий – ООН, НАТО, ЕС, США. Например, «Как вы оцениваете поставки оружия от стран НАТО в поддержку вооруженных сил Украины?», «Достаточно или недостаточно ООН принимает участие в миротворческой миссии по конфликту в Украине?». Таким образом, концентрироваться только на одной стороне конфликта – близкой, понятной и напрямую касающейся россиян – будет ограничением, не учитывающим все стороны конфликта.

Снижение чувствительности вопроса. Изучение общественного мнения часто связано с темами, вызывающими у респондентов сложный спектр эмоций. Тогда социологам необходимо подбирать вопросы, смягчающие чувствительность к измеряемому признаку. У авторов стояла задача: снять ответственность респондента за мнения, которые вызывают опасения в связи с криминализацией любого рода непринятия спецоперации. Для этого в формулировку двух вопросов включают упоминание фамилии президента⁸.

Главный аргумент отсылки к президенту заключается в том, что «значимая часть россиян не готова взять на себя ответственность за любое развитие конфликта и будет отличаться полной солидарностью с решением президента, каково бы оно ни было» (с. 127). Предложенная идея включить фамилию, безусловно, уточняет сегментацию общественного мнения насчет военного конфликта. Вопросы составлены таким образом, что безоговорочное согласие с действующим лидером определит группу граждан, не вникающих в происходящее на войне и дистанцирующихся от оценки событий, которые выдадут социально желательные ответы. Также этот показатель выделит активных сторонников СВО, для которых не будет иметь значения перенос ответственности на главу страны и которые не поддержат подготовленные решения, если они идут вразрез с их представлениями о развитии ситуации. Отвечая на эти же вопросы, оппозиционеры получат возможность проявить несогласие с действиями правящего круга и продемонстрировать свой протест против прогосударственной политики. Однако есть опасения, что ссылка на Путина переформатирует респондента на оценку личности главнокомандующего (что фактически совпадает с его политическим рейтингом) и отводит на второй план содержательную часть вопроса о мирном соглашении и новой волне мобилизации вне привязки к внутренним политическим нарративам. Следовательно, с помощью предлагаемой формулировки осуществляется замер общественного мнения о возможных действиях конкурирующих сторон, что свидетельствует о политической поляризации российского общества и не уточняет отношение к СВО. Причем нотки политизации заложены в предубежденности принимать мирные соглашения лишь со стороны России без упоминания второй стороны конфликта, что так или иначе может привести к некоторому искажению данных. Одним словом, не до конца решается задача выявить общественное мнение без влияния социально одобряемой позиции и нагрузки референций от политических персон.

⁷ См.: Левада-центр, сентябрь 2024. URL: <https://www.levada.ru/2024/10/09/konflikt-s-ukrainoj-vnimanie-podderzhka-otnoshenie-k-razlichnym-usloviyam-mirnogo-soglasheniya-v-sentyabre-2024-goda/> (дата обращения: 18.12.2024).

⁸ «Если завтра Владимир Путин подпишет мирное соглашение и остановит военную операцию, вы поддержите его решение?»; «Представьте себе, что президент Путин завтра объявит о новой волне мобилизации. Такое решение вы поддержите или не поддержите?» (с. 128).

С целью снижения чувствительности и без переноса ответственности за решение на президента уместнее было бы упростить формулировку и поставить респонденту задачу через косвенный вопрос, но в неопределенно-личной форме, без номинации фамилий, а именно: «Если завтра официальные власти подпишут мирное соглашение и остановят военную операцию, вы поддерживаете такое решение?»; «Представьте себе, что завтра официальные власти объявят о новой волне мобилизации. Такое решение вы поддерживаете или не поддерживаете?». Слово сочетание «военная операция» также можно смягчить на «военные действия» с целью уменьшить ненужные ассоциации с позицией российской власти. Такого рода замеры общественного мнения логично сопоставить с результатами подобного исследования в украинском обществе, но на данном этапе затруднены совместные проекты социологов.

Так или иначе, выбор инструмента определяет контекст, семантику, прагматику формулировок и зависит от решения авторов исследования. Искусство социолога заключается в творческом подходе к определению оптимального варианта в поиске содержательных и работающих вопросов.

Выводы. Содержание книги указывает на монографический характер изучения обозначенной темы, что предполагает включение в поле зрения всех аспектов проблемы. Главный акцент сделан на результатах замеров общественного мнения россиян по определению уровня (не)поддержки военного конфликта. После сегментации сторонников и противников СВО авторы пришли к выводу: «Среди россиян лишь 37% можно отнести к сторонникам мира. Им противостоят около 60% более или менее твердых сторонников продолжения боевых действий» (с. 131). Важно, что при аргументации своего экспертного заключения принимается во внимание влияние на ответы респондентов общего информационного фона в условиях военного конфликта, законодательные ограничения в отношении свободы высказываний. Как сопряженные темы затрагиваются миграция, мобилизация, зарубежные санкции, экономическое положение. Почти за скобками остаются вопросы условий мирных переговоров, национальной идентичности, социальной дистанцированности, протестного потенциала.

Несомненным преимуществом книги является исследовательская и методическая триангуляция. Именно обобщение разного рода замеров с сопоставлением методов формирования выборочной совокупности, тщательной фиксации различий в составе полученных выборок и их учете в интерпретации, разницы стилистических и смысловых оттенков в формулировках вопросов убеждает в поиске верности трактовок, а не манипуляции цифрами. В дополнение к количественным данным подаются результаты качественных методов об отношении и восприятии войны. В указанных исследованиях применяются многие традиционные способы сбора информации, но практически не используется потенциал цифровых методов. Мониторинг телеграм-каналов, выполненный А.В. Кулешовой, упоминается вскользь и только как качественная методика. Чем обусловлено невнимание к современным инструментам сбора социологических данных – сознательным отказом социологов или отсутствием возможностей? Почему они не применяются – недоверие к новому или привычность уже испытанного? *Online big data, social media listening* и другие способы эмпирических поисков выходят из узкого профессионального интереса и постепенно применяются в практике социологов, поэтому становятся перспективным инструментом для отслеживания динамики общественного мнения.

Другим направлением развития темы является расширение анализа за счет изучения особенностей общественного мнения на Украине, в странах ЕС, США, Китая. По словам авторов, «в российской социологии уже предпринята не одна попытка осознать и обобщить произошедшие изменения» (с. 7). В украинской социологии также проводятся исследования на военную тему, но пока еще не было столь серьезных обобщений и сопоставлений опросов общественного мнения. Задача учитывать позицию мирового сообщества уже обозначена в шестой главе. «На примерах других стран проанализируем, насколько их граждане склонны поддерживать военные действия, ведущиеся их государствами» (с. 205).

Следовательно, целесообразно повторить подобное изучение восприятия войны в разных национальных контекстах.

Социологические данные становятся востребованными в периоды кризисов и военных катастроф. На социальные экспертизы опираются и широкая общественность, и гражданское общество, и управленческий аппарат, и государственная идеологическая машина. Однако ракурс и глубина погружения в результаты социологических исследований разные. Массовой публике сложно разбираться в тонкостях работы рентгеновского аппарата, им достаточно доверять диагнозу и попадать только к проверенным специалистам. Отчетность перед заказчиками, медиапрезентации не предполагают проверку на методологические процедуры. Стейкхолдеров не интересуют прозрачность, этичность, безопасность проведенного исследования, им важна опора на цифры для продвижения своих программ. В лучшем случае они ищут наиболее точные интерпретации для своих прогнозов и нивелирования нежелательных последствий. Серьезная (честная и надежная) аналитика в приоритете у профессионалов, для которых суть научного исследования – в тщательном подходе к решению методических проблем. Импонирует, что авторы продолжают научный анализ, планируют изменять инструменты, стремятся оптимизировать фиксацию данных по столь сложной проблеме, тем самым достигая лучшего понимания общественного мнения, максимально приближенного к реальности.

PUBLIC OPINION POLLS: OPTIONS FOR SOCIOLOGICAL STUDY AMIDST A MILITARY CONFLICT

N.V. KORYTNIKOVA,

University of Strasbourg, France

Nadezhda V. KORYTNIKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Member of the Group of Oriental, Slavic and Neo-Hellenistic Studies (UR 1340), University of Strasbourg, France (kort-nadeshda@yandex.ru).

Abstract. This review presents a critical evaluation of the methodological techniques used by the authors to summarize differing measurements of public opinion and expert opinion on the Russians' attitudes to special operation. It is necessary to apply correct formulations of questions to study the attitude of the population towards a military conflict. Analytical conclusions of V.B. Zvonovsky and A.V. Khodykin are based on methodological and research triangulation. In their work, the authors apply techniques to reduce the sensitivity of survey instruments, assess the representativeness of the surveys conducted in Russia, and compare the results of different research companies. Attention is focused on tools and analytical techniques that deserve attention in a situation of state censorship and self-control over the safety of researchers. It is emphasized that the transparency of methodological procedures protects against manipulation of sociological information. The access to objective information about public attitudes and social tension in global transformations remains an acute issue for students.

Keywords: public opinion polls, question sensitivity, research triangulation, internal validity.

Коротко о книгах

Авторами представлен краткий обзор научной литературы, изданной в последние годы в России, о современном развитии Китая. Монографии, подготовленные на базе ведущих научных центров России, содержат результаты политематических научных исследований о специфике уникальных китайских проектов, их достоинствах и недостатках, перспективах трансляции и адаптации в различных национальных сообществах. Презентуемые научные труды объединяет попытка выделить социальный и культурный аспект инновационных экономических проектов Китая, выявить дискуссионные вопросы и обозначить острые проблемы, требующие всестороннего изучения российской научной общественностью.

Цай Ф. ЧЕМУ УЧАТ 40 ЛЕТ РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ В КИТАЕ / Пер. с кит. Чэнь Айжу; Китайская академия общественных наук. М.: Весь Мир, 2023. 368 с.

В изданной на русском языке монографии известного ученого, вице-президента Академии общественных наук Китайской Народной Республики представлено основанное на обширном фактическом материале обоснование эффективности проводимой в стране уникальной многовекторной политики реформ, «наиболее выдающееся достижение которой заключается в повсеместном улучшении народного благосостояния» (с. 3). Несомненным достоинством работы является характеристика практических шагов КПК, Госсовета КНР в рамках заявленных адресных программ, нацеленных на искоренение бедности и преодоление ловушки среднего дохода. Автор приглашает к публичному обсуждению проектов решения проблемы демографического старения, которая заявляет о себе во многих регионах мира. Исследование Цай Фана нацелено на презентацию национальной реформаторской политики, ориентированной на поиск наиболее результативных проектов, способных при ускорении темпа развития страны после потери демографического дивиденда поддерживать социальные программы: регулировать рынок труда, обеспечивать социальную защиту уязвимых категорий населения на рынке рабочей силы, расширять спектр доступных социальных услуг и проч. В монографии поднимаются актуальные не только для Китая вопросы об организации: сбалансированного социального развития городских и сельских районов, затруднений, возникающих в том числе из-за институциональных проблем; оперативной и слаженной административной работы в регионах, вовлеченных в процесс внутригосударственной миграции; оптимального и справедливого распределения образовательных ресурсов и совершенствования системы образования. Китайские ученые и представители управленческого аппарата признают необходимость глубокой структурной трансформации, требующей расширения мер по обеспечению социальной безопасности. Безызыскным может показаться тот факт, что на страницах монографии автор представляет аргументы иностранных коллег, выступающих с критикой китайской модели «азиатского чуда», и полемизирует с ними.

Не только ученым (социологам, экономистам, востоковедам), но и специалистам государственного управления будет интересно мнение известного китайского ученого о преимуществах принципа «открытости» в социально-экономической сфере, который позволяет Китаю демонстрировать возможности добиваться, помимо прочего, беспрецедентного повышения уровня жизни населения.

Лю Ижу, Авдокушин Е. Ф. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ КИТАЯ. М.: Дашков и К°, 2023. 216 с.

Предметом обстоятельного научного исследования Ижу Лю, Е. Ф. Авдокушина являются базовые характеристики проекта «Цифровой шелковый путь» (далее – ЦШП) «как одной из важнейших составляющих инициативы «Один пояс – один путь» (далее – ОПОП) и «Экономический пояс шелкового пути» (далее – ЭПШП) – новой и эффективной модели глобальной кооперации» (с. 192). Китай сегодня нацелен на переход от комплексной программы экстенсивного роста к инновационной модели, основанной на увеличении внутреннего спроса, развитии отечественных технологий, ликвидации отставания отдельных регионов при сохранении

национального приоритета – ликвидации бедности. Любопытен противоречащий глобальной унификации результативный опыт проведения политики открытости миру с опорой на собственные силы и азиатскую систему ценностей. Авторы монографии считают убедительными аргументы разработчиков китайской программы всесторонней цифровой трансформации и своевременного пополнения смыслового ряда мегапроекта цифровизации национальных отраслей. Необходимо отметить четко расставленные авторами акценты на особенностях реализации проектов ЦШП на территории северо-западных провинций Китая, России, стран Центральной Азии, которые способствуют сохранению политической стабильности, повышению эффективности развития производства и производительных сил, росту уровня жизни людей. Ижу Лю, Е. Ф. Авдокушин акцентируют внимание на декларации важности развития взаимовыгодного межгосударственного сотрудничества на инклюзивной основе. На практическом материале авторы раскрывают перспективные сферы российско-китайского взаимодействия и демонстрируют достигнутые результаты совместной работы в разработке и реализации проектов в области цифровой экономики. Можно согласиться с их утверждением о широких перспективах расширения социальных программ при условии организации обмена опытом между технопарками. Это может, помимо прочего, ускорить обновление «ржавого пути» (проект модернизации промышленности, созданной при поддержке СССР в середине XX в.), успешно решать проблему развития депрессионных регионов. Авторы монографии, опираясь на научные исследования китайских коллег, доказывают эффективность программы ОПОП и противопоставляют ее «эгоистичной западной модели глобализации» (с. 28). Заслуживает внимания научной общественности авторский подход к интерпретации различных точек зрения по поводу перспектив программы ЦШП. На страницах книги изложены доводы европейских и американских специалистов, которые считают, что проект ЭПШП выгоден доминирующей и самодостаточной державе. Учитывая падение темпов роста экономики, создание новых производственных и управленческих технологий с цифровым решением позволит Китаю осуществить переход от «крупной страны» к «мощной державе» (с. 96). Зарубежные ученые и политики оппонируют китайским коллегам, видя в проекте ОПОП (ЦПШ) реализацию плана цифровой экспансии. Китай создал механизм двустороннего партнерства с 23 странами, среди которых и государства ЕАЭС. Авторы обсуждают острые вопросы, связанные с конкуренцией России и Китая в экономической сфере в государствах Центральной Азии и проблемой сопряжения отдельных проектов ЕАЭС с китайской комплексной программой ЭПШП (и проекта ЦШП), который может выступить альтернативной моделью международного порядка (с. 192).

Афонасьева А.В. ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНР: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ. М.: ИДВ РАН, 2022. 336 с.

В монографии представлен анализ масштабной и многогранной политики КНР по отношению к китайским эмигрантам, осевшим в различных регионах мира, а также реэмигрантам. Автор дает ответ на вопрос о том, как руководству Китая в изменяющихся социально-экономических и политических условиях удалось не только сохранить связь с соотечественниками за рубежом, но и получить их поддержку в развитии страны и укреплении ее влияния в мире. Для многих государств, в том числе и России, опыт Китая весьма важен и актуален. Уникальность исследования А.В. Афонасьевой заключается в глубоком изучении социально-экономических аспектов диаспоральной политики КНР, нормативно-правовой базы, позволившей наладить диалог с эмигрантами и их потомками, использовать их ресурсы во благо страны. Автор выявляет истоки формирования диаспоральной политики КНР (1930–1940-е гг.), отмечает качественный переход от репрессивной политики периода «культурной революции» до восстановления диалога с китайским зарубежьем и разработки масштабной программы взаимодействия. Поучителен опыт создания в эпоху Дэн Сяопина правовых условий, при которых хуацяо (эмигранты из Китая) могли финансировать значимые проекты: строительство дорог и мостов, оснащение лечебных и образовательных учреждений и проч. Представлены сведения, подтверждающие тот факт, что оказание эмигрантами помощи жителям «малой родины» сыграло важную роль на начальном этапе запуска в стране программы модернизации. Интересны новые проекты с инвестиционными льготами для представителей китайской диаспоры, которые были законодательно закреплены в период политического руководства страной Цзян

Цзэминем и Ху Цзиньтао. Особое внимание автор уделяет характеристике современного комплекса мероприятий по социальной защите как реэмигрантов и их семей, так и родственников эмигрантов, оставшихся в Китае. Уникален опыт работы специальных комитетов, которые проводят сбор данных о жизни членов китайской диаспоры и создают эффективную адресную программу взаимодействия с ними. А.В. Афонасьева на конкретных примерах демонстрирует крепкие связи эмигрантов с Родиной, их высокую активность в кризисных ситуациях (например, в период пандемии COVID-19), способность выступать посредниками в реализации масштабных международных проектов. Профессиональный интерес (согласие или возражение) представителей различных научных направлений может вызвать характеристика деятельности зарубежных китайцев, выступающих за сохранение территориальной целостности страны, их инициатив по возвращению Гонконга и Макао в КНР, решению острой «тайваньской проблемы».

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА: коллективная монография. М.: ИКСА РАН, 2024. 522 с.

В политематическом выпуске за 2023 г. представлены труды российских ученых, содержащие развернутый анализ актуальных социальных и экономических, внутри- и внешнеполитических проблем современного Китая, особенностей проводимой в этой стране политики в области науки, образования и культуры. Как подчеркивают авторы, Коммунистическая партия Китая (КПК) признает особо важным стабильность и закладывает этот параметр в Программы промышленного роста, обеспечения трудовой занятости и в основу ценовой политики. Авторы едины во мнении о том, что структурные и циклические проблемы не помешали Китаю совершить прорыв в области разработки и внедрения научно-технических инноваций, создания высокотехнологического оборудования. На страницах сборника можно найти фрагменты отчетных документов КПК, согласно которым техническая и технологическая модернизация позволяет вывести на лидерские позиции в мире десять ключевых отраслей уже в ближайшее десятилетие. Российских ученых и государственных деятелей заинтересуют сведения о запуске в КНР ряда новых государственных инновационных исследовательских центров. Авторы монографии фиксируют принципиальную роль государственных инвестиций в направления, позволяющие расширять внутренний спрос и оптимизировать структуры производства. Указаны текущие проблемы: низкий внешний и недостаточный внутренний спрос, напряженное положение в сфере занятости, прежде всего среди молодежи. Российские исследователи делают акцент на существенном увеличении в Китае финансирования социальной сферы и успешной работе над созданием единой системы узловых социальных услуг (здравоохранение, образование, социальное страхование и др.). В монографии можно найти ответ на вопрос, как в рамках стратегии возрождения деревень решаются сложные проблемы трудоустройства, появления новых источников дохода местных жителей, наращивания социальной инфраструктуры, улучшения окружающей среды, повышения качества сельхозпродукции. В книге предпринята попытка осмыслить опыт новой национальной программы КНР, в которой заложен принцип «только здоровая пища». Результаты могут быть востребованы и в России, так как достижение цели возможно исключительно путем модернизации традиционных отраслей производства и продвижения «зеленой» повестки, имеющей массовую общественную поддержку. Особое внимание в монографии уделено показателям естественного демографического движения последних лет, так как Китай демонстрирует отрицательный коэффициент естественного прироста населения, отягощенный гендерной диспропорцией, падением рождаемости. Авторы характеризуют причины сложившейся ситуации, отмечают изменения в законодательстве КНР (отражена демографическая проблематика, связанная, прежде всего, с улучшением обеспечения прав женщин, стимулированием и поддержкой деторождения). Несколько глав книги посвящены развитию в Китае цифрового пространства. Отмечены особенности медиапространства Китая: безостановочное внедрение передовых технологий, повышающих качество продукта, вариативность форматов, стремительное наращивание объема информации при учете интересов специфической аудитории (молодежь, пожилые люди и проч.). Научный труд насыщен компетентными комментариями программы социального развития, которая в Китае идет в одной связке с мероприятиями государственной культурной политики. Авторы призывают к обсуждению следующих проблем: использование новейших технологий и искусственного интеллекта

для распространения государственного языка как единого средства общения; развитие современной китайской художественной литературы, отражающей насущные социальные проблемы; интеграция национальной традиции в современную систему социальных отношений. Актуален представленный в монографии опыт Китая по поддержке сетевой литературы, кинематографа, создателей телесериалов и онлайн-игр, которые выступают важным каналом популяризации китайской культуры за рубежом и создания позитивного имиджа страны.

ЛЮ ЛИЦЮ, к. истор. н., доцент, Школа иностранных языков Нанкинского университета науки и технологии (Нанкин, Цзяньсу, Китайская Народная Республика (liqiu_2018@163.com);

Ю.Г. БЛАГОДЕР, д. истор. н., проф. кафедры истории Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия (blagoder_1@mail.ru)

ПОМОГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ. СБОРНИК СТАТЕЙ / Отв. ред. – сост.: Е.Э. Носенко-Штейн, А.В. Фролова. М.: Неолит, 2024. 224 с.¹

Исследования вспомогательных технологий, предназначенных для людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и интеграции этих людей в жизнь общества, обычно проводятся в рамках *disability studies* – междисциплинарной области знания, изучающей различные проблемы людей с ОВЗ. Она рассматривает вопрос инвалидности и связанные с ней темы при помощи гуманитарной междисциплинарной методологии. Однако сложилось это направление не так давно: в 1960-е гг. первые работы появились на Западе, в постсоветском пространстве – в 1990-е гг. До этого исследования инвалидности преимущественно были частью естественно-научных или же медицинских изысканий. Еще позднее стали изучать ассистивные технологии, которые в последние два десятилетия не просто способствуют улучшению качества жизни людей с ОВЗ, но в ряде случаев совершают настоящий переворот в их жизни. Оттого весьма актуальным и своевременным представляется рецензируемый сборник. На страницах книги специалисты в области различных дисциплин комплексно и в ретроспективе рассматривают проблемы использования помогающих технологий людьми с ОВЗ в постсоветских странах.

Книга имеет трехчастную, логически сформированную структуру. Первая часть «Новые технологии: внедрение, инерция, попытки моделирования» посвящена общим вопросам создания новых (цифровых) технологий и их использования людьми с ОВЗ. Во второй, самой объемной, части «Применение помогающих технологий: вызовы и ответы» освещаются более конкретные ситуации, касающиеся ассистивных технологий и их интеграции. Третья часть представляет собой очерки, основанные на экспедиционных впечатлениях.

Во введении ответственными редакторами А.В. Фроловой и Е.Э. Носенко-Штейн заданы общие рамки изучения ассистивных технологий, делается исторический очерк. Во многом восприятие подобных изобретений, равно как и отношение к людям с ОВЗ, зависело от господствующих культурных традиций. Внимание авторов сконцентрировано на особенностях таковых, присущих западным цивилизациям. При этом вниманием обделен вопрос инвалидности и ассистивных технологий с точки зрения восточных традиций (иудаизма и ислама), а третья часть сборника посвящена территориям, которые принято относить к Востоку: Казахстан, Абхазия и Адыгея, – население части которых развивается в русле других культурных традиций и вероисповеданий, в том числе ислама.

Рецензируемая книга – одно из первых исследований такого рода в России, поэтому его можно приветствовать. Тем не менее следует отметить, что статьи в некоторой степени разнородны, хотя и отвечают центральной теме сборника. Отметим удачную структуру, которая старается преодолевать эту неоднородность. Некоторые статьи тематически продолжают и дополняют друг друга. Однако в сборнике не затронут ряд проблем, в которых ассистивные технологии уже начинают играть значительную роль, а в дальнейшем будут играть еще большую, – получение новых профессиональных компетенций, досуг и некоторые другие для людей

---

¹ Рецензия подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 23-18-00214.

с ОВЗ. К тому же цифровая грамотность хоть и медленно, но все же распространяется среди людей с ОВЗ, особенно молодежи и родителей детей с инвалидностью. Сборник, бесспорно, будет полезен широкому кругу специалистов: этнологам, психологам, социологам и историкам, а также педагогам. Развитие и использование ассистивных технологий – залог интеграции людей с ОВЗ в общество и учебный процесс. Остается выразить надежду, что в будущем продолжат исследования в этой области.

М.А. ГОРБАЧЁВА,
аспирант и лаборант-исследователь отдела Израиля и еврейских общин,
Институт востоковедения РАН (gorba4ewa.marg@yandex.ru)

«СТРЕЛА ВРЕМЕНИ» В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН: ОЦЕНКИ ПРОШЛОГО, СУЖДЕНИЯ О НАСТОЯЩЕМ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Весь мир, 2024. 308 с.

В книге на основе комплексного, многоаспектного и сопоставительного анализа результатов социологического мониторинга рассматриваются состояние и динамика массового сознания россиян, в котором через их оценки и суждения, представления и образы отражаются прошлое, настоящее и будущее страны. При этом определение интереса наших сограждан к отечественной истории дополняется диагностикой социально-психологического самочувствия российского общества текущего периода, выявлением основных смысложизненных ценностей россиян, их религиозно-мировоззренческих ориентаций. Особое внимание уделяется массовым представлениям о России будущего, перспективах ее развития, социальным ожиданиям, а также установлению поколенческих различий в восприятии прошлого, настоящего и будущего страны.

ГОРОДСКИЕ АСИММЕТРИИ: ПОЛИТИКИ, ПРАКТИКИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ / Отв. ред. Е.В. Тыканова; ФНИСЦ РАН. М.–СПб.: ФНИСЦ РАН, 2024. 264 с.

Впервые исследуя на российском материале множественные переплетения городских политик, практик и репрезентаций, авторы рассматривают властно-гражданские отношения и акцентируют внимание на неравенствах, закрепляемых пространственно. Асимметричные взаимоотношения властных групп доминирования и миноритарных городских акторов представлены на примере анализа городского территориального управления, жилищной политики и перераспределения городских ресурсов, городских общественных движений, репрезентаций пользователями пространства городских неравенств, соучастия граждан в процессах городского (со)управления и производства научного знания. Издание предназначено для социологов города, политики, гражданского общества и всех тех, кто интересуется изучением неравенства в городах.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ И АРМЕНИИ: ПОИСКИ ПУТИ В БУДУЩЕЕ / Под ред. М.М. Мchedловой. М.: РУДН, 2024. 341 с.

В фокусе внимания коллектива исследователей из РУДН и РАУ находятся процессы трансформации постсоветской идентичности в России и Армении. На основе новых теоретических интерпретаций и кросс-национального эмпирического исследования авторы показывают совмещение двух векторов в построении идентичности России – цивилизационной и общероссийской идентичности и специфики реализации в Армении этнокультурной модели идентичности. Авторы фиксируют изменение понятийного инструментария, используемого для описания и познания сущности и атрибутов изучаемой реальности. Обсуждаются процессы нациестроительства, фактора диаспоры, исторической травмы и ее преодоления, акторы и дискурсы идентичности двух стран, а также нелинейная траектория развития типов гражданской идентичности в России и Армении, которые начинались как постсоветские, но за три десятилетия прошли долгий путь – каждый в своем направлении. Издание адресовано академическому и экспертному сообществу политологов, социологов и историков, аспирантам и студентам, а также всем, кто интересуется социально-политическими процессами на постсоветском пространстве.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ 2.0. ТРАНСФОРМАТИВНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ АКТОРЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ВЛАСТИ И ГОСПОДСТВА / Отв. ред.

С.В. Патрушев; ФНИСЦ РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2024. 519 с.

Монография завершает цикл исследований политико-институциональных проблем России периода становления чиновничье-олигархического капитализма. Рассмотрены возможности, ограничения и сценарии трансформативной политики в условиях незавершенной институционализации государства. Выявлены институциональные основания перспективных стратегий политических изменений. Работа выполнена в рамках политической социологии, институциональной и гендерной политологии. В монографии обобщены и дополнены результаты многолетней работы авторов по исследованию характера власти и политики современной России. В приложении представлены результаты исследований 2020–2022 гг., позволяющие читателю дать собственные оценки. Для научных сотрудников и преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов и студентов старших курсов, политологов, социологов, философов, специалистов в области государственного и муниципального управления.

Давыдов Д.А. НЕВОЗМОЖНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА. ЛЕВЫЕ ИДЕИ НА СЛУЖБЕ У НОВЫХ ЭЛИТ. М.: РИПОЛ классик, 2025. 352 с.

Идея конца капитализма сегодня обсуждается особенно активно. Социализм в США и в странах Европы переживает очередной ренессанс: людям больше не придется сдавать себя в аренду работодателям, ведь производство будет автоматизировано, а безусловный базовый доход позволит не думать о труде как о способе выживания. Казалось бы, коммунистический идеал «от каждого по способностям, каждому по потребностям» вот-вот воплотится в жизнь за счет современных технологий, а представители левых движений объединят всех униженных и отчужденных, чтобы свершить новую революцию... Однако этого не произойдет.

Философ Дмитрий Давыдов проводит тотальную ревизию популярных левых идей, чтобы показать, что многие из тех, кто прямо сейчас борется за права эксплуатируемых и угнетенных, сами того не понимая, лишь отстаивают привилегии новых «посткапиталистических» элит.

А в ситуации, когда одни социальные группы существуют за счет других, социализм невозможен.

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА ГРИГОРЬЕВИЧА ИОНИНА (02.08.1945–11.12.2024)

Ушел из жизни Леонид Григорьевич Ионин. Это огромная утрата и для людей, знавших его, и для социальной науки.

Я познакомился с Леонидом Иониным осенью 1970 г., когда он поступил в аспирантуру Института социологии РАН (тогда – АН СССР). Оба мы были прикреплены к отделу исследований западной социологии, который возглавлял Игорь Семенович Кон. Кон был моим научным руководителем, а научным руководителем Лени была Елена Владимировна Осипова, работавшая в том же отделе. Именно в аспирантские и первые после аспирантуры годы наше личное общение с Иониным было наиболее тесным и продолжительным. В дальнейшем оно уже было спорадическим: наши встречи носили в основном редкий и случайный характер. Хотя наши отношения не были очень близкими, тем не менее они всегда были приятельскими. Во многом наши взгляды совпадали, и, по-моему, мы друг другу симпатизировали. Именно Леонид Ионин в 1997 г. пригласил меня на работу на кафедре общей социологии «Высшей школы экономики», когда создал и возглавил ее, за что я, конечно, испытываю к нему чувство глубокой благодарности.

Вспоминаю те далекие молодые годы, когда мы, друзья и коллеги, встречаясь в неформальной обстановке, горячо обсуждали разного рода социально-научные и мировоззренческие вопросы, энергично спорили; часто это было прямым продолжением наших собственно исследовательских занятий. В памяти всплывают маленький красный «Запорожец», которым управлял Леня, и его черный, лохматый, добродушный ньюфаундленд. И, конечно, беседы при встречах в библиотеках, на конференциях и в других местах.

Если говорить о научном творчестве Ионина, то прежде всего хочется подчеркнуть высокое качество его работ. Разумеется, с чем-то в них можно соглашаться, с чем-то нет, но невозможно не признавать их качество, как и оригинальность. Да их просто интересно читать! Нередко строгая научность соседствует в них с публицистичностью, и это соседство нисколько не снижает их высокого профессионального уровня. Насколько я помню, в начале своей карьеры он писал тексты для телевидения, и, вероятно, эта ранняя журналистская практика очень положительно повлияла на его собственно социологическое творчество.

Особо мне хочется отметить неоценимый вклад Ионина в историю социологической мысли. На мой взгляд, история социологии в последние годы во всем мире переживает не лучшие времена, и это плохо сказывается на общем уровне нынешней социологии. Значение работ Леонида Григорьевича на этом фоне особенно велико. Именно он еще в советское время познакомил российских читателей с именами Альфреда Шюца, Гарольда Гарфинкеля, Эдварда Тияркияна и многих других современных социологов. Именно ему российское социологическое сообщество во многом обязано основательным и глубоким знакомством с творчеством Фердинанда Тённиса, Георга Зиммеля, Макса Вебера и ряда других классиков. Среди прочего, важное место в этом ряду занимает осуществленный под руководством Ионина перевод фундаментального труда Макса Вебера «Хозяйство и общество». В этой же связи нельзя не упомянуть и его последнюю книгу «Драма жизни Макса Вебера», сразу же после выхода получившую высокое признание профессионального сообщества социологов.

Книга Ионина «Социология культуры» широко известна и неоднократно переиздавалась. Она служила и продолжает служить основой для многих российских учебных курсов, посвященных этой отрасли социологии. Можно отметить и ряд других опубликованных им учебных пособий и курсов, в том числе онлайн-курс по общей социологии.

Ряд работ Леонида Ионина относятся к жанрам социологической публицистики и журналистики, и они не менее интересны и важны с социологической точки зрения, чем его собственно социологические труды.

Насколько мне известно, в молодости Леонид Ионин писал стихи. Он немало путешествовал, в частности, по Германии, Северной Америке, Южной Африке и, конечно, по России и другим республикам бывшего СССР. В разное время занимал ряд административных должностей: был заместителем директора и исполняющим обязанности директора Института культуры Министерства культуры РСФСР и АН СССР, зав. кафедрой общей социологии, деканом факультета прикладной политологии и Школы российских исследований ВШЭ.

Тем не менее мне кажется, что такого рода деятельность, так же как и работа «в команде», не очень ему подходила. Все-таки по натуре он был скорее интеллектуалом-одиночкой, склонным к уединению, рефлексии и авторской работе в тиши кабинета. Собственно, его труды и были во многом результатом такого рода рефлексии и работы. На мой взгляд, эти труды являются плодотворным вкладом не только в российскую, но и в мировую социологию. Этот вклад уже состоялся. Но ему еще предстоит быть осмысленным, продолженным и реализованным в будущем. А это и есть миссия выдающегося социального ученого, каковым несомненно был Леонид Григорьевич Ионин.

А.Б. ГОФМАН,
д.с.н., проф. НИУ «Высшая школа экономики»,
главный научный сотрудник ИС ФНИСЦ РАН

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2025 No. 1

EDITORIAL: TO OUR READERS

- 3 KLIUCHAREV G.A. About Theoretical Heritage
- 4 DEMIDENKO S.Y. Journal in the Epoch of Changes

Zh.T. TOSHCHENKO NINTIETH ANNIVERSARY

- 10 KASAVINA N.A. "Society of Trauma" as a Conceptualization of Uncertainty
- 21 DOKTOROV B.Z. A Man who Still Does a Lot (interview with Zh.T. Toshchenko)
- 30 ROMANOVSKIY N.V. Ascending the Heights of Academy (Toshchenko is 90)
- 42 BULANOVA M.B. Scientific and Educational Model Zh.T. Toshchenko
- 46 KRAVCHENKO S.A. Zh.T. Toshchenko as a Social Diagnostician
- 49 Life World of Zhan Toshchenko

HISTORY OF SOCIOLOGY

- 53 VELIKIY P.P., VYALSHINA A.A. Contemporary Russian Village: Current Problems and Their Reflection in Agrarian Sociology
- 70 POZDNIKOVA M.E., BRYUNO V.V. Development of Applied Sociological Research on Deviant Behavior in Russia
- 85 BASHEVA O.A. A History and Theoretical Issues of Environmental Sociology in the World and in Russia

SOCIAL POLICIES. SOCIAL STRUCTURE

- 96 TRUBITSYN D.V. Russian Identity as a Problem of Historical Dynamics
- 113 TEV D.B. Heads of Administrations of the Subjects of the Russian Federation Capitals: Recruitment Channels

SOCIOLOGY OF MASS COMMUNICATION

- 125 WANG Y. Constructing Collective Memory in Social Media: a Multimodal Analysis of *Red Tourism* Advertising Discourse in China

DISCUSSION. POLEMICS

- 137 KUDRINA S.A. Philosophical Foundations and Ethical Consequences of Sociological Theories

ACADEMIC EVENTS

- 143 BELYAEVA L.A. Sociocultural Evolution Of Russia And Its Regions
- 146 TSAPKO M.S., TSYBIKOVA D.G. Towards a New Social Contract
- 149 POPKOV Yu.V. Nation-building: Constructivism vs. Realism (Based on the Results of the Russian-Serbian Scientific Seminar)
- 151 LADYZHETS N.S. "Transformation of Education": Problems of Professionalization and Career Development in the New Model of Higher Education
- 154 GRABELNYKH T.I., SABLINA N.A. Expert Institutions in the 21st Century

REFLECTIONS ON A NEW BOOK

- 158 KORYTNIKOVA N.V. Public Opinion Polls: Options for Sociological Study Amidst
a Military Conflict

167 BOOKS IN BRIEF

IN MEMORIAM

- 173 IONIN L.G.

175 CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)

СОЦИС 2024: ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ ГОДА

Редколлегия и редакция журнала «Социологические исследования» подвели итоги конкурса на лучшие статьи 2024 г. По принятым номинациям лучшими признаны следующие публикации:

Наилучшее сочетание теоретических и прикладных возможностей социологии

Мареева С.В. Неравенство в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении: динамика последнего десятилетия. № 9.

Новые подходы в социологических исследованиях

Швецова Е.А. Российские миллиардеры на международном фоне: особенности и динамика положения. № 10.

Новые идеи в специальных социологических теориях (дисциплинах)

Андреева Ю.В., Лукьянова Е.Л. Трудовые биографии российских рабочих: от трудового поиска до трудового дожития. №8.

Методологические и методические проблемы социологии

Данилова Е.Н. Трансформации западной социологии: мейнстрим и общественная повестка. № 2.

Кученкова А.В., Татарова Г.Г. Субъективное благополучие: проблема анализа качественной (не)однородности населения. №4, №5.

Актуальные исследования

Великий П.П. Фермерство – (не)укоренившаяся социальная группа: постановка проблемы. №5

Воронина Н.С. Динамика межэтнических установок россиян (по результатам исследований 1995–2023 гг.). № 1.

Дискуссии. Полемика

Щелкин А.Г. Смена поколений: сущность и реальность (онтологическая точка зрения). № 2

Кафедра. Консультации

Ломоносова М.В., Буланова М.Б. В.М. Бехтерев и П.А. Сорокин: научный союз во имя социологии. № 3

Социологическая публицистика

Мартыанов В.С. Расколдовывание западного мейнстрима. № 6.

Размышления над новой книгой

Темницкий А.Л. Позволяет ли качество человеческого капитала российских профессионалов справляться с новыми вызовами? №2.

Успешный дебют

Габараева М.Р. Дискурс «деколонизации» в антироссийских telegram-каналах, ориентированных на Северный Кавказ (опыт контент-анализа). № 8.

Отмечены новизна и высокое качество статей:

Белова Ю.Ю. (№ 6), Коломиец В.П. (№3), Семенов А.В., Снарский Я.А., Ткачева Т.Ю. (№ 2), Смелова А.А. (№ 8), Сушый С.Я. (№7), Назарбаева Е.А., Халина Н.В., Пишняк А.И. (№ 11).

Авторам лучших статей вручаются дипломы и памятные подарки.

Редакция и редколлегия журнала также выражают особую благодарность **внешним экспертам** за неоцененную помощь в рецензировании рукописей: **Андреенковой А.В.** (ЦЕССИ, Москва), **Дежиной И.Г.** (НИУ ВШЭ, Москва), **Гурко Т.А.** (ИС ФНИСЦ РАН), **Попову Д.С.** (НИУ ВШЭ), **Смирнову А.И.** (ИС ФНИСЦ РАН), **Титаренко Л.Г.** (БГУ, Беларусь), **Шмерлиной И.А.** (ИС ФНИСЦ РАН).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель Ж.Т. ТОЩЕНКО – чл.-корр. РАН (Россия)

М. АБРАХАМ – проф., Ун-т Хофстра (США);

А.О. БОРОНОВ – д. филос. н., проф., СПбГУ (Россия, Санкт-Петербург);

П.П. ВЕЛИКИЙ – д. филос. н., проф., Ин-т аграрных проблем РАН (Россия, Саратов);

Ю.Г. ВОЛКОВ – д. филос. н., проф., Южный федер. ун-т (Россия, Ростов-на-Дону);

Ш. ГАДЕА – проф., Ун-т Западный Париж – Нантер-ля-Дефанс (Франция);

А.Н. ДАНИЛОВ – чл.-корр. НАН РБ (Беларусь);

С.А. КРАВЧЕНКО – д. филос. н., проф., МГИМО (Россия, Москва);

В.К. ЛЕВАШОВ – д. социол. н., проф., ИСПИ ФНИСЦ РАН (Россия, Москва);

Дж. МОРГАН – проф., Ун-т Кардиффа (Великобритания);

Н.А. ОМУРАЛИЕВ – д. социол. н., ИФПСИ НАН КР (Кыргызстан);

И.И. ОСИНСКИЙ – д. филос. н., проф., Бурятский гос. ун-т (Россия, Улан-Удэ);

Г.А. ПОГОСЯН – акад. НАН РА (Армения);

Н.Е. ПОКРОВСКИЙ – д. филос. н., проф., НИУ ВШЭ (Россия, Москва);

Н.Х. РАХИМОВА – д. экон. н., проф. (Узбекистан); М. САСАКИ – проф., Ун-т Чую (Япония);

ЛИ ЧУНЛИН – науч. сотр., дир. научно-исследовательской лаборатории, ИС АОН (Китай);

З.К. ШАУКЕНОВА – акад. НАН РК (Казахстан); П. ШТОМПКА – проф., Ягеллонский ун-т (Польша);

А.В. ЯКОВЕНКО – д. социол. н., проф., Луганский нац. ун-т им. В. Даля (Россия, Луганск)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор Г.А. КЛЮЧАРОВ – д. филос. н., проф.

В.Н. БОБКОВ – д. экон. н., ИЭ РАН;

Н.М. ВЕЛИКАЯ – д. полит. н., ИСПИ ФНИСЦ РАН;

М.К. ГОРШКОВ – акад. РАН, ИС ФНИСЦ РАН; С.Ю. ДЕМИДЕНКО (отв. секретарь);

В.И. ДУДИНА – д. социол. н., проф., СПбГУ; И.В. ЖУРАВЛЕВА – д. социол. н., проф. ИС ФНИСЦ РАН;

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ – д. филос. н., проф., УрФУ им. Б.Н. Ельцина;

Ю.А. ЗУБОК – д. социол. н., проф., ИСПИ ФНИСЦ РАН;

В.В. ЗЫРЯНОВ – к. экон. н., доц., МГУ им. М.В. Ломоносова;

С.Г. КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР – д. социол. н., проф., ИЭ РАН; М.А. КЛУПТ – д. экон. н., СПбГУ;

И.М. КОЗИНА – к. социол. н., НИУ ВШЭ;

В.П. КОЛОМИЕЦ (зам. главного редактора) – д. социол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова;

С.Д. ЛЕБЕДЕВ – к. социол. н., доц., БелГНИУ;

В.Ф. ЛЕВИЧЕВА – д. филос. н., проф., РГГУ; В.И. МУКОМЕЛЬ – д. социол. наук, ИС ФНИСЦ РАН;

И.В. ОБРАЗЦОВ (зам. главного редактора) – д. социол. н., проф., МГЛУ;

Е.Л. ОМЕЛЬЧЕНКО – д. социол. н., проф., НИУ ВШЭ СПб;

Д.Г. ПОДВОЙСКИЙ – к. филос. н., доц., МГУ им. М.В. Ломоносова;

Н.В. РОМАНОВСКИЙ (зам. главного редактора) – д. ист. н., проф.;

С.В. РЯЗАНЦЕВ – чл.-корр. РАН, ИДИ ФНИСЦ РАН; Р.Х. СИМОНЯН – д. социол. н., проф., МГИМО;

А.Б. СИНЕЛЬНИКОВ – д. социол. н., проф., МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА;

Г.Г. ТАТАРОВА – д. социол. н., проф., ИС ФНИСЦ РАН; А.Л. ТЕМНИЦКИЙ – д. социол. н., доц., МГИМО;

Н.Е. ТИХОНОВА – д. социол. н., проф., НИУ ВШЭ; И.Н. ТРОФИМОВА – д. полит. н., ИС ФНИСЦ РАН;

М.Ф. ЧЕРНЫШ – чл.-корр. РАН, ФНИСЦ РАН; А.Е. ЧИРИКОВА – д. социол. н., ИС ФНИСЦ РАН;

В.В. ЩЕРБИНА – д. социол. н., проф., ИС ФНИСЦ РАН; А.В. ЮРЕВИЧ – чл.-корр. РАН, ИП РАН

РЕДАКЦИЯ:

Э.К. БИЙЖАНОВА (зав. редакцией), К.С. ГРИГОРЬЕВА, С.Ю. ДЕМИДЕНКО, А.А. ЗОТОВ,
Н.С. ЛАДЫЖЕЦ, Ю.В. ЛАТОВ, Е.В. МИХАЙЛОВА, И.П. ПОПОВА, Н.В. РОМАНОВСКИЙ, А.В. ФЕДОТОВ
КОРРЕКТОР Ж.С. МИШКУРОВА

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 - 81528 от 27.07.2021 г.

Подписано к печати 00.00.2025. Дата выхода в свет 00.00.2025. Формат 70 x 100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 0. Уч.-изд. л. 18. Тираж 00 экз. Заказ 0000. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5,
e-mail: socis@isras.ru телефон 8 (499)128-84-39

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-037-24
ФГБУ «Издательство «Наука» 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1
Отпечатно в ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Тощенко Ж.Т. Общественный договор в современной России: достигнут ли баланс интересов?

Шмерлина И.А. Отечественная социальная мысль и онтологические горизонты современной социологической теории

Великий П.П. Фермерство: жизненный мир и социальное самочувствие

Амбарова П.А. Научное наставничество: коммуникативный подход к интерпретации

Зарубина Н.Н. Ученые о вызовах этическим основаниям деятельности российского научного сообщества

Атеш Б. Военная социология вне социологии: анализ турецкого опыта

Латов Ю.В., Ситковский А.Л., Костин С.Г. «Релейная война»: статистика, причины и последствия

Суций С.Я. Межрегиональные культурно-исторические сопряжения и внешние социокультурные ориентации в регионах Украины: ретроспективный анализ

Шереги Ф.Э. Органическая связь методологии и методики как гарантия достоверности социологической информации

Буланова М.Б. Е.И. Кукушкина: ученый и педагог

Образцов И.В. Неожиданная встреча, Или открытая дверь в науку (памяти Е.И. Кукушкиной)